

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

В случае если Кипр v. Турция

(Заявление № 25781/94)

Суждение

Страсбург, 10 мая 2001 г.

COUR EUROPÉENNE DES DROITS DE L'HOMME
EUROPEAN COURT OF HUMAN RIGHTS

В СЛУЧАЕ ЕСЛИ КИПР v. ТУРЦИЯ

(Заявление № 25781/94)

ПРИГОВОР

СТРАСБУРГ

10 мая 2001 г.

В случае Кипр v. Турция,

Европейский суд по правам человека, заседающий Большой палатой, состоит из следующих судей:

Мистер Л. WILDHABER, Президент, госпожа Э.
ПАЛЬМА, Мистер Ж.-П. КОСТА, Мистер Л. ФЕРРАРИ Браво,
мистер Л. SAFLISCH, Мистер W. FUHRMANN, Мистер К.
ЮНГВИЕРТ, Мистер М. ФИШБАХ
Мистер Б. ЗУПАНЧИЧ, Г-жа Н. ВАЙЧ, Мистер Дж. HEDIGAN, Г-
жа М. ЦАЦА-Николовская, г. Т. RANȚIRU, Мистер Э.
ЛЕВИТС, Мистер А. КОВЛЕР, Мистер К. FUAD, судья ad hoc в
отношении Турции, г-н С. МАРКУС-ХЕЛЬМОНС, судья ad hoc в
отношении Кипра,

а также г-на М. де Сальвии, регистратора,

Заседая за закрытыми дверями 20-22 сентября 2000 г. и 21 марта 2001 г.,

Выносит следующее решение, которое было принято в последний день:

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было передано в Суд в соответствии с положениями, применимыми до вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее - «Конвенция»)¹, Правительством Республики Кипр («Правительство-заявитель») 30 августа 1999 г. и Европейской комиссией по правам человека («Комиссия») 11 сентября 1999 г. (пункт 4 статьи 5 Протокола № 11 и ранее Статьи 47 и 48 Конвенции).

2. Дело было возбуждено в жалобе (№ 25781/94) против Республики из Турция подана в Комиссию в соответствии с бывшей статьей 24 Конвенции государством-заявителем 22 ноября 1994 г.

1. Примечание реестра. Протокол № 11 вступил в силу 1 ноября 1998 г.

3. Правительство-заявитель утверждало в отношении ситуации, которая существовала на Кипре с момента начала военных операций Турции на северном Кипре в июле 1974 г., что правительство Турции («государство-ответчик») продолжало нарушать Конвенцию, несмотря на принятие Представление докладов в соответствии с бывшей статьей 31 Конвенции 10 июля 1976 г. и 4 октября 1983 г. и принятие Комитетом министров Совета Европы резолюций по этому вопросу. Правительство-заявитель ссылалось, в частности, на статьи с 1 по 11 и 13 Конвенции, а также на статьи 14, 17 и 18 в совокупности с вышеупомянутыми положениями. Они также сослались на статьи 1, 2 и 3 Протокола № 1.

В соответствующих случаях эти жалобы были поданы со ссылкой на следующие темы: пропавшие без вести киприоты-греки и их родственники; жилище и имущество перемещенных лиц; право перемещенных киприотов-греков проводить свободные выборы; условия жизни киприотов-греков на севере Кипра; и положение киприотов-турок и цыганской общины, проживающей на севере Кипра.

4. Жалоба была объявлена приемлемой Комиссией 28 июня 1996 года. Придя к выводу об отсутствии оснований, на которых могло бы быть обеспечено мировое соглашение, Комиссия составила и приняла 4 июня 1999 года отчет, в котором она установила факты и выразила заключение о том, привели ли установленные факты к нарушениям, о которых заявляет Правительство-заявитель¹.

5. В Суде интересы государства-заявителя представлял их представитель г-н А. Маркидес, генеральный прокурор Республики из Кипра. Правительство-ответчик представлял их агент, г-н З. Некатигил.

6. 20 сентября 1999 г. коллегия Большой Палаты постановила, что дело должно быть рассмотрено Большой Палатой (Правило 100 § 1 Регламента Суда).

7. Состав Большой Палаты был определен в соответствии с положениями пунктов 2 и 3 статьи 27 Конвенции и Правила 24 (прежняя версия) Регламента Суда в сочетании с Правилами 28 и 29.

8. Г-н Р. Тюрмен, судья, избранный от Турции отказался от участия в заседании Большой Палаты (Правило 28). Соответственно, государство-ответчик назначило г-на С. Дайоглу в качестве судьи ad hoc (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 правила 29). После того как государство-заявитель обжаловало участие г-на Дайоглу, Большая палата 8 декабря 1999 г. отметила, что г-н Дайоглу сообщил Президенту о своем намерении выйти из дела (Правило 28 §§ 3 и 4). Правительство-ответчик

1. Примечание реестра. Полный текст заключения Комиссии и пяти частично несовпадающих мнений, содержащихся в отчете, будет воспроизведен в качестве приложения к окончательной печатной версии постановления (в отчетах о постановлениях и решениях), а пока - копии заключения Комиссии. отчет можно получить в Реестре.

впоследствии назначило г-жу Н. Ферди в качестве судьи *ad hoc* по этому делу.

Также 8 декабря 1999 г. Большая Палата рассмотрела возражения государства-ответчика против участия в деле г-на Л. Лукайдеса, судьи, избранного в отношении Кипр. Рассмотрев возражения, Большая Палата в тот же день решила потребовать, чтобы г-н Лукайдес отказался от дела (пункт 4 правила 28 Регламента). Правительство-заявитель впоследствии назначило г-на Л. Гамильтона в качестве судьи *ad hoc* (пункт 2 статьи 27 Конвенции и пункт 1 правила 29).

29 марта 2000 г. после возражений, выдвинутых государством-заявителем против участия г-жи Ферди в деле, Большая палата постановила, что г-жа Ферди не может участвовать в рассмотрении дела (пункт 4 правила 28 Регламента Суда). Правительство-ответчик впоследствии назначило г-на К. Фуада в качестве судьи *ad hoc* по этому делу.

После смерти г-на Гамильтона 29 ноября 2000 г. представитель государства-заявителя уведомил регистратора 13 декабря 2000 г. о том, что его правительство назначило г-на С. Маркуса-Хелмонса заседать в качестве судьи *ad hoc* вместо него.

9. Процедура, которой надлежит следовать в деле, была определена Президентом в консультации с Агентами и другими представителями сторон на встрече, состоявшейся 24 октября 1999 г. (Правило 58 § 1). 24 ноября 1999 г. Большая Палата одобрила предложения Президента относительно основных и организационных механизмов письменной и устной процедуры.

10. Во исполнение этих договоренностей государство-заявитель подало меморандум в срок (31 марта 2000 г.), установленный Президентом. Письмом от 24 апреля 2000 г. и после истечения указанного срока представитель государства-ответчика запросил разрешение на представление меморандума своего правительства до 24 июля 2000 г. 3 мая 2000 г. Президент, проконсультировавшись с Большой Палатой, согласился продлить срок подачи меморандума Правительством-ответчиком до 5 июня 2000 г., указывая при этом, что, если Правительство-ответчик не представило свой меморандум до истечения нового срока, оно будет считаться имеющим отказались от права подать меморандум.

После несоблюдения государством-ответчиком нового срока, Президент письмом от 16 июня 2000 г. проинформировал агентов обоих правительств через Секретаря о том, что состязательные бумаги закрыты. Копия меморандума правительства-заявителя была отправлена представителю государства-ответчика только в информационных целях. Президент далее проинформировал агентов в том же письме, что в связи с слушанием 7 сентября 2000 года состоится подготовительная встреча с агентами обеих сторон.

11. 7 сентября 2000 г. Президент встретился с Агентом и другими представителями государства-заявителя, чтобы завершить подготовку к слушанию. Правительство-ответчик, хотя и было приглашено, не присутствовало на встрече.

12. Слушания проходили публично во Дворце прав человека, Страсбург 20 сентября 2000 г. (Правило 59 § 2). Правительство-ответчик не уведомило Суд об именах своих представителей до слушания и не присутствовало на слушании. При отсутствии достаточных оснований для неявки государства-ответчика Большая палата решила продолжить слушание, убедившись, что такой ход соответствует надлежащему отправлению правосудия (Правило 64).

Об этом решении Президент проинформировал председателя Комитета министров письмом от 21 сентября 2000 года.

В суд предстали:

(a) для правительства-заявителя А. МАРКИДЕС, Генеральный прокурор Республики

Кипр, *Агент*, Мистер

н Д. ПАННИК КК, г-жа

н М. ШОУ, Адвокат, госпожа

юрисконсульт

Республики Кипр,

Мистер П. ПОЛИВИУ, Адвокат, г-н

Адвокат, *Советник*, Мистер

Консультант,

Я. БРАУНЛИ КК, г-

С. ПАЛЛИ, Адвокат, г-

СМ ИОАННИДЕС, Старший

П. САЙНИ,

Н. ЭМИЛИУ,

Советник;

(b) от государства-ответчика Правительство-ответчик не явилось.

Суд заслушал выступления г-на Маркидеса, г-на Браунли, г-на Шоу, г-на Панника и г-на Поливию.

ФАКТЫ

ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

А. Общий контекст

13. Жалобы, поданные в этом заявлении, связаны с турецкими военными операциями на севере страны. Кипр в июле и августе 1974 г. и продолжающееся разделение территория из Кипр. Во время

рассмотрения Судом по существу дела *Loizidou v. Турция* В деле 1996 года турецкое военное присутствие в рассматриваемое время описывалось следующим образом (решение по делу Лоизиду против Турции от 18 декабря 1996 г. (по существу), Отчеты о постановлениях и решениях 1996-VI, стр. 2223, §§ 16-17):

«16. Турецкие вооруженные силы численностью более 30 000 человек дислоцируются на всей оккупированной территории северной части страны. Кипр, который постоянно патрулируется и имеет контрольно-пропускные пункты на всех основных коммуникациях. Штаб армии находится в Кирении. 28-я пехотная дивизия базируется в Аше (Ассия) с прикрытием своего сектора. Фамагуста в пригород Миа Миля Никосия около 14 500 сотрудников. 39-я пехотная дивизия численностью около 15 500 человек базируется в деревне Мирту, и ее сектор простирается от деревни Еролаккос до Лефки. ТУРДЫК (турецкие войска в Кипр по Договору о гарантиях) находится в селе Орта-Кеуй недалеко от г. Никосия, с сектором, идущим от Никосия Международный Аэропорт к Pedhieos река. Турецкое военно-морское командование и форпост базируются в Фамагусте Кирения соответственно. Персонал ВВС Турции базируется на аэродромах Лефконики, Крини и других. Военно-воздушные силы Турции дислоцируются на материковой части Турции в Адана.

17. Турецкие силы и все гражданские лица, входящие в военные районы, подлежат рассмотрению турецкими военными судами, как это предусмотрено в отношении «граждан ТРСК» Декретом о запрещенных военных территориях 1979 года (раздел 9) и статьей 156 Конституции ТРСК. ' . »

14. Важное событие в продолжающемся разделении Кипр произошло в ноябре 1983 г. с провозглашением «турецкий Республика Северной Кипр» («ТРСК») и последующее принятие «Конституции ТРСК» 7 мая 1985 г.

Это развитие было осуждено международным сообществом. 18 ноября 1983 года Совет Безопасности Организации Объединенных Наций принял Резолюцию 541 (1983), в которой провозглашение создания «ТРСК» было объявлено недействительным и содержится призыв ко всем государствам не признавать никакое кипрское государство, кроме Республики Кипр. Аналогичный призыв был сделан Советом Безопасности 11 мая 1984 г. в своей Резолюции 550 (1984). В ноябре 1983 г. Комитет министров Совета Европы постановил, что продолжает рассматривать правительство Республика из Кипр как единственное законное правительство Кипр и призвал к уважению суверенитета, независимости, территориальной целостности и единства Республика из Кипр.

15. По мнению правительства-ответчика, «ТРСК» является демократическим и конституционным государством, политически независимым от всех других суверенных государств, включая Турция, а администрация в северной Кипр был создан кипрско-турецким народом в порядке осуществления своего права на самоопределение, а не Турция. Несмотря на эту точку зрения, только кипрское правительство

признано на международном уровне в качестве правительства Республики из Кипр в контексте дипломатических и договорных отношений и работы международных организаций.

16. Миротворческие силы Организации Объединенных Наций («ВСООНК») поддерживают буферную зону. На уровне ООН был предпринят ряд политических инициатив, направленных на урегулирование Кипрской проблемы на основе институциональных договоренностей, приемлемых для обеих сторон. С этой целью межобщинные переговоры спонсируются Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций, действующим под руководством Совета Безопасности. В этой связи государство-ответчик утверждает, что власти киприотов-турок на севере Кипра продолжили переговоры на основе того, что они считают уже согласованными принципами двухзональности и двухобщинности в рамках федеральной конституции. Поддержка этой основы переговоров находится в Комплексе идей Генерального секретаря ООН от 15 июля 1992 г. и резолюциях Совета Безопасности ООН от 26 августа 1992 г. и 25 ноября 1992 г., подтверждающих, что федеральное решение, к которому стремятся обе стороны, будет «двухобщинным». »И« двухзональный ».

Кроме того, что имеет отношение к настоящему заявлению, в 1981 году был создан Комитет Организации Объединенных Наций по пропавшим без вести лицам («КМП») для «расследования случаев лиц, пропавших без вести в ходе межобщинных столкновений, а также июльских событий. 1974 г. и позже »и« составить исчерпывающие списки пропавших без вести лиц обеих общин, указав, в случае необходимости, живы они или нет, а в последнем случае - приблизительное время смерти ». КСМП еще не завершила свои расследования.

В. Предыдущие межгосударственные заявки

17. События июля и августа 1974 г. и их последствия послужили поводом для подачи трех предыдущих жалоб со стороны государства-заявителя против государства-ответчика в соответствии с бывшей статьей 24 Конвенции. Первая (№ 6780/74) и вторая (№ 6950/75) жалобы были объединены Комиссией и привели к принятию 10 июля 1976 года отчета в соответствии с бывшей статьей 31 Конвенции («отчет 1976 года»). в котором Комиссия выразила мнение, что государство-ответчик нарушило статьи 2, 3, 5, 8, 13 и 14 Конвенции и статью 1 Протокола № 1. 20 января 1979 г. Комитет министров Совета Европы в свою очередь приняла со ссылкой на более раннее решение от 21 октября 1977 г. Резолюцию ДН (79) 1, в которой, среди прочего, убежденность в том, что «прочная защита прав человека на Кипре может быть достигнута только путем восстановления мира и доверия между двумя общинами;

и что межобщинные переговоры составляют надлежащую основу для решения спора ». В своей резолюции Комитет министров настоятельно призвал стороны возобновить переговоры под эгидой Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, чтобы согласовать решения по всем аспектам спора (см. Пункт 16 выше). Комитет министров посчитал это решение завершением рассмотрения дела. В своей резолюции Комитет министров настоятельно призвал стороны возобновить переговоры под эгидой Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, чтобы согласовать решения по всем аспектам спора (см. Пункт 16 выше). Комитет министров посчитал это решение завершением рассмотрения дела. В своей резолюции Комитет министров настоятельно призвал стороны возобновить переговоры под эгидой Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, чтобы согласовать решения по всем аспектам спора (см. Пункт 16 выше). Комитет министров посчитал это решение завершением рассмотрения дела.

Третья жалоба (№ 8007/77), поданная государством-заявителем, была предметом дополнительного отчета в соответствии с бывшей статьей 31, принятого Комиссией 4 октября 1983 года («отчет 1983 года»). В этом отчете Комиссия выразила мнение, что государство-ответчик нарушило свои обязательства в соответствии со статьями 5 и 8 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1. 2 апреля 1992 года Комитет министров принял Резолюцию ДН (92) 12. в отношении отчета Комиссии за 1983 год. В своей резолюции Комитет министров ограничился решением обнародовать отчет за 1983 год и заявил, что рассмотрение дела на этом завершено.

С. Мгновенное приложение

18. Настоящая жалоба - первая жалоба, направленная в Суд. Правительство-заявитель просило Суд в своем меморандуме «решить и объявить, что государство-ответчик несет ответственность за продолжающиеся нарушения и другие нарушения статей 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 17 и 18 Конвенции и статей 1 и 2 Протокола № 1 ».

Эти утверждения были сделаны со ссылкой на четыре широкие категории жалоб: предполагаемые нарушения прав пропавших без вести греков-киприотов и их родственников; предполагаемые нарушения прав на жилище и собственность перемещенных лиц; предполагаемые нарушения прав проживающих в анклав киприотов-греков на севере Кипра; предполагаемые нарушения прав турецко-киприотов и цыганской общины на северном Кипре.

D. Установление Комиссией фактов в настоящем заявлении

19. Суд считает целесообразным на данном этапе обобщить выводы Комиссии по фактам в отношении различных нарушений Конвенции, о которых заявляет государство-заявитель, а также существенные аргументы, выдвинутые обеими сторонами, а также документальные и другие доказательства, на которые опиралась Комиссия. .

1. Предполагаемые нарушения прав пропавших без вести киприотов-греков и их родственников

20. Правительство-заявитель по существу утверждало в своей жалобе, что около 1491 киприота-грека все еще числятся пропавшими без вести через двадцать лет после прекращения боевых действий. В последний раз этих людей видели живыми под стражей в Турции, и государство-ответчик никогда не сообщало об их судьбе.

21. Правительство-ответчик утверждало в ответ, что нет доказательств того, что кто-либо из пропавших без вести еще жив или содержится под стражей. По их принципиальному мнению, вопросы, поднятые государством-заявителем, следует продолжать рассматривать в рамках Комитета Организации Объединенных Наций по пропавшим без вести лицам (см. Пункт 16 выше), а не в рамках Конвенции.

22. Комиссия действовала при том понимании, что в ее задачу не входило установление того, что на самом деле произошло с греками-киприотами, пропавшими без вести после турецких военных операций, проведенных в северной части страны Кипр в июле и августе 1974 года. Скорее, он видел свою задачу в том, чтобы определить, является ли предполагаемая неспособность государства-ответчика разъяснить факты, связанные с исчезновениями, продолжающимся нарушением Конвенции.

23. С этой целью Комиссия обратила особое внимание на свои более ранние выводы в своих отчетах за 1976 и 1983 годы. Он напомнил, что в своем докладе 1976 года он заявил, что широко признается, что значительное число киприотов все еще числится пропавшим без вести в результате вооруженного конфликта на Кипре и что ряд лиц, объявленных пропавшими без вести, были идентифицированы как киприоты-греки, взятые в плен. турецкая армия. Этот вывод, по мнению Комиссии в то время, создавал презумпцию ответственности Турции за судьбу лиц, содержащихся под стражей в Турции. Отмечая, что убийства мирных жителей киприотов-греков имели место в крупных масштабах, Комиссия также сочла во время своего доклада 1976 года, что она не может установить, были ли и при каких обстоятельствах,

24. В данном случае Комиссия далее напомнила, что в своем отчете за 1983 год она установила наличие достаточных указаний в неопределенном числе случаев на то, что пропавшие без вести

киприоты-греки находились под стражей в Турции в 1974 году, и что этот вывод снова создает презумпцию Турецкая ответственность за судьбу этих лиц.

25. Комиссия установила, что доказательства, представленные ей в настоящем деле, подтверждают ее более ранние выводы о том, что некоторых из пропавших без вести в последний раз видели под стражей турками или киприотами-турками. В этой связи Комиссия приняла во внимание следующее: заявление г-на Денкташа, «президента ТРСК», сделанное 1 марта 1996 года, в котором он признал, что 42 заключенных грека-киприота были переданы киприотам-туркам. боевики, которые убили их и которые, чтобы предотвратить дальнейшие подобные убийства, были впоследствии переведены в Турцию; заявление профессора Ялчина Кучука, бывшего турецкого офицера, служившего в то время в турецкой армии и участвовавшего в военной операции 1974 года на Кипре, в котором он предположил, что турецкая армия участвовала в массовых убийствах, среди прочего, гражданские лица в так называемых операциях по очистке; Отчет Диллона, представленный Конгрессу Соединенных Штатов в мае 1998 года, указывает, среди прочего, что турецкие и турецко-кипрские солдаты окружили греков-киприотов из числа гражданского населения в деревне Аша 18 августа 1974 года и забрали мужчин старше 15 лет, в основном из которых, как сообщается, были убиты боевики-турки-киприоты; письменные показания свидетелей, которые, как правило, подтверждают ранее сделанные Комиссией выводы о том, что многие пропавшие без вести лица были взяты под стражу турецкими солдатами или военизированными формированиями киприотов-турок. большинство из которых, как сообщается, были убиты боевиками киприотов-турок; письменные показания свидетелей, которые, как правило, подтверждают ранее сделанные Комиссией выводы о том, что многие пропавшие без вести лица были взяты под стражу турецкими солдатами или военизированными формированиями киприотов-турок. большинство из которых, как сообщается, были убиты боевиками киприотов-турок; письменные показания свидетелей, которые, как правило, подтверждают ранее сделанные Комиссией выводы о том, что многие пропавшие без вести лица были взяты под стражу турецкими солдатами или военизированными формированиями киприотов-турок.

26. Комиссия пришла к выводу, что, несмотря на доказательства убийства пленных и гражданских лиц киприотов-греков, нет доказательств того, что кто-либо из пропавших без вести лиц был убит при обстоятельствах, за которые государство-ответчик могло бы нести ответственность; Комиссия также не нашла никаких доказательств того, что какое-либо из лиц, взятых под стражу, по-прежнему задерживалось или содержалось в подневольном состоянии государством-ответчиком. С другой стороны, Комиссия сочла установленным, что факты,

касающиеся судьбы пропавших без вести лиц, не были выяснены властями и доведены до сведения родственников жертв.

27. Комиссия также пришла к выводу, что рассмотрение ею жалоб государства-заявителя в настоящей заявке не помешало продолжающаяся работа КСМП. В этой связи он отметил, что объем расследования, проводимого КС / СС, ограничивался определением того, живы ли или живы какие-либо из пропавших без вести лиц в его списке; КС / СС не был уполномочен делать выводы ни о причине смерти, ни об ответственности за смерть, установленную таким образом. Кроме того, территориальная юрисдикция КСМП была ограничена островами из Кипр, что исключает исследования в Турции где якобы произошли некоторые из исчезновений. Комиссия также отметила, что лицам, которые могли нести ответственность за нарушения Конвенции, обещали безнаказанность, и что сомнительно, может ли расследование СМР распространяться на действия турецкой армии или турецких официальных лиц на территории Кипра.

2. Предполагаемые нарушения прав перемещенных лиц на уважение их жилища и имущества.

28. Комиссия установила факты по этому заголовку на фоне основного утверждения правительства-заявителя о том, что более 211000 перемещенных киприотов-греков и их детей по-прежнему не имеют возможности вернуться в свои дома на севере страны. Киприоты от доступа к своей собственности там для любых целей. Правительство-заявитель утверждало, что присутствие турецкой армии вместе с наложенными «ТРСК» пограничными ограничениями гарантировало, что возвращение перемещенных лиц было физически невозможным, и, как следствие, их посещения родственниками через границу были серьезно затруднены. То, что начиналось как постепенный и продолжающийся процесс незаконности на протяжении многих лет, теперь привело к передаче собственности, оставленной перемещенными лицами, властям «ТРСК» без выплаты компенсации и ее переуступке вместе с «документами о праве собственности». , государственным органам, туркам-киприотам и поселенцам из Турции.

29. Правительство-ответчик утверждало в Комиссии, что вопрос о районе Вароша в Фамагусте, а также вопросы свободы передвижения, свободы поселения и права собственности могут быть решены только в рамках межобщинных переговоров (см. выше) и на основе принципов, согласованных обеими сторонами для ведения переговоров. Пока не будет найдено общее решение Кипр был найден вопрос, приемлемый для обеих сторон, и с учетом соображений безопасности не могло быть и речи о праве перемещенных лиц на возвращение. Правительство-ответчик также утверждало, что регулирование собственности, брошенной перемещенными лицами, как и ограничения на

трансграничное перемещение, находится в исключительной юрисдикции властей «ТРСК».

30. Комиссия установила, что общеизвестно, что за исключением нескольких сотен маронитов, проживающих в районе Кормакити, и киприотов-греков, проживающих на полуострове Карпас, все греко-кипрское население, которое до 1974 года проживало в северной части Кипра, покинуло этот район, подавляющее большинство этих людей сейчас живет в южных Кипра. Реальность данной ситуации не оспаривалась властями Российской Федерации.

31. Комиссия отметила со ссылкой на свои более ранние выводы в своих отчетах за 1976 и 1983 годы, что не было существенных изменений в ситуации, имевшей место во время подачи настоящего заявления. Соответственно, и это не оспаривалось Правительством-ответчиком, перемещенные киприоты-греки не имели возможности вернуться в свои дома на северном Кипре, и им было физически запрещено пересекать северную часть из-за того, что она была заблокирована турецкими властями. армия. Меры, принятые властями «ТРСК» в 1998 г., позволяющие киприотам-грекам и маронитам пересекать границу северных территорий Кипра для посещения родственников или, что касается киприотов-греков, посещения монастыря Апостола Андрея, это не повлияло на этот вывод.

32. Правительство-ответчик также не оспаривало тот факт, что владельцы недвижимости из числа греков-киприотов на севере Кипра по-прежнему лишались доступа, контроля, использования и пользования своей собственностью. Что касается судьбы этой собственности, Комиссия сочла установленным, что до 1989 года кипрско-турецкие власти придерживались административной практики не затрагивать официальную земельную книгу и отдельно регистрировать «брошенную» собственность и ее распределение. Бенефициарам распределения были выданы «собственнические сертификаты», но не «документы о праве собственности» на соответствующую собственность. Однако с июня 1989 года практика изменилась, и после этого были выпущены «документы о праве собственности», и соответствующие записи, касающиеся смены собственника, были внесены в Земельную книгу. Комиссия сочла установленным, что по крайней мере с июня 1989 г. Кипр. Комиссия нашла подтверждение этому выводу в положениях «Статьи 159 § 1 (b) Конституции ТРСК» от 7 мая 1985 г. и «Закона No. 52/1995» с целью ввести в действие это положение.

33. Хотя государство-ответчик указало в своих представлениях Комиссии, что вопрос о праве перемещенных киприотов-греков на возвращение в свои дома должен был решаться в рамках межобщинных переговоров, организованных Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций (см. Пункт 16 выше) Комиссия установила, что в

последние годы не было значительного прогресса в обсуждении таких вопросов, как свобода поселения, выплата компенсации киприотам-грекам за вмешательство в их имущественные права или реституция Греко-кипрская недвижимость в районе Вароша.

3. Предполагаемые нарушения условий жизни киприотов-греков на севере Кипр

34. Правительство-заявитель представило доказательства в поддержку своей жалобы о том, что сокращающееся число киприотов-греков, проживающих на полуострове Карпас на севере Кипра, подвергалось продолжающемуся репрессивному обращению, которое равносильно полному отрицанию их прав и отрицанию их человеческого достоинства. Помимо преследований и запугивания, которым они подвергались со стороны турецких поселенцев и которые остались безнаказанными, проживающие в анклав киприоты-греки действовали в условиях ограничений, которые нарушали многие основные права, закрепленные в Конвенции. Постоянные ежедневные нарушения их прав не могли быть устранены на местном уровне из-за отсутствия эффективных средств правовой защиты в судах «ТРСК». Аналогичные, но менее обширные ограничения применялись к маронитскому населению, проживающему в районе Кормакити на севере страны. Кипр.

35. Правительство-ответчик утверждало в Комиссии, что эффективные средства судебной защиты были доступны всем киприотам-грекам, проживающим в северных районах. Кипр. Однако они утверждали, что государство-заявитель активно отговаривало их от возбуждения дела в «ТРСК». Правительство-ответчик также утверждало, что доказательства, представленные Комиссии, не обеспечивают никаких фактических оснований для сделанных утверждений.

36. Комиссия установила факты по этому заголовку со ссылкой на материалы, представленные обоими правительствами. Эти материалы включали, среди прочего, письменные показания лиц, на которых распространяются ограничения, на которые ссылается Правительство-заявитель; сообщения прессы о ситуации в северных Кипр; прецедентная практика судов «ТРСК» о наличии средств правовой защиты в «ТРСК»; «Законодательство ТРСК» и решения «Совета министров ТРСК» о порядке въезда и выезда на Ледра Дворец контрольно-пропускной пункт. Комиссия также приняла во внимание документы Организации Объединенных Наций, касающиеся условий жизни находящихся в анклав киприотов-греков, и особенно отчеты Генерального секретаря ООН от 10 декабря 1995 г. и 9 марта 1998 г. о гуманитарном обзоре, проведенном ВСООНК в 1994-95 гг.

условия жизни киприотов-греков Карпаса, так называемая «Краткая информация о Карпаса».

37. Кроме того, делегаты Комиссии заслушали показания четырнадцати свидетелей о положении греков-киприотов и маронитов, проживающих в северных районах Кипра. В число этих свидетелей входили два человека, которые были тесно связаны с подготовкой «Краткого обзора Карпаса», а также лица, предложенные обоими правительствами. Делегаты также посетили 23 и 24 февраля 1998 г. ряд населенных пунктов на севере страны Кипра, включая деревни киприотов-греков в районе Карпаса, и заслушали заявления официальных лиц и других лиц, встреченных во время визитов.

38. Комиссия сочла вышеупомянутую «Краткую информацию о Карпаса» точным описанием положения проживающих в анклав греков-киприотов и маронитов примерно на момент подачи настоящего заявления, а также предложения по исправительным мерам, рекомендованные ВСООНК после гуманитарного Обзора отразил реальные потребности этих групп перед лицом административной практики, которая действительно существовала в рассматриваемое время. Несмотря на то, что Комиссия отметила значительное улучшение общего положения анклавного населения, о чем свидетельствуют отчеты Генерального секретаря ООН о ходе выполнения рекомендаций «Краткого обзора Карпаса», ряд серьезных ограничений все еще сохранялся. Эти ограничения не были закреплены ни в одном «законодательстве ТРСК» и носили характер административной практики.

39. Комиссия также установила, что в «ТРСК» существовала действующая судебная система, которая в принципе была доступна для греков-киприотов, проживающих в северных районах страны Кипра. Выяснилось, что, по крайней мере, в случаях посягательства на собственность или причинения телесных повреждений тяжущиеся стороны из числа киприотов-греков подали несколько успешных исков в гражданские и уголовные суды. Однако ввиду небольшого количества дел, возбужденных киприотами-греками, Комиссия пришла к выводу, что эффективность судебной системы для проживающих в стране киприотов-греков еще не проверена.

40. В еще одном заключении Комиссия установила, что не было доказательств продолжающегося неправомерного распределения собственности проживающих в стране киприотов-греков другим лицам в течение рассматриваемого периода. Однако Комиссия сочла установленным, что власти «ТРСК» продолжали передавать киприотам-туркам или иммигрантам собственность киприотов-греков, которые умерли или покинули север Кипра.

41. В отсутствие судебных разбирательств в судах «ТРСК» Комиссия отметила, что не было проверено, проживают ли киприоты-греки или

марониты, проживающие в северной части страны, или нет. Кипрфактически считались гражданами, пользующимися защитой «Конституции ТРСК». Тем не менее, было установлено, что, поскольку рассматриваемые группы жаловались на административную практику, такую как ограничения их свободы передвижения или посещения родственников, которые были основаны на решениях «Совета министров ТРСК», любые юридические возражения против эти ограничения были бы бесполезны, учитывая, что такие решения не подлежат пересмотру в судах.

42. Хотя Комиссия не обнаружила свидетельств фактического задержания членов анклавного населения, она убедилась в наличии явных свидетельств того, что ограничения на передвижение и посещения семей по-прежнему применяются к киприотам-грекам и маронитам, несмотря на недавние улучшения. Он также отметил, что выездная виза по-прежнему необходима для перевода в медицинские учреждения на юге, хотя в экстренных случаях сборы не взимаются. Не было никаких доказательств, подтверждающих утверждение о том, что обработка заявлений о перемещении задерживалась в некоторых случаях, что приводило к опасности для здоровья или жизни пациентов; также не было никаких указаний на преднамеренную практику отсрочки обработки таких заявлений.

43. Комиссия сочла установленным наличие ограничений на свободу передвижения школьников-греков-киприотов и маронитов, посещающих школы на юге страны. До вступления в силу постановления «Совета министров ТРСК» от 11 февраля 1998 г. им не разрешалось постоянно возвращаться на север по достижении 16 лет в случае мужчин и 18 лет в случае женщин. . Возрастное ограничение в 16 лет по-прежнему сохранялось для студентов-мужчин из числа киприотов-греков. Вплоть до предельного возраста на посещение учащимися родителей на севере распространялись определенные ограничения, которые постепенно смягчались. Однако даже сегодня для таких визитов требуется виза и сниженный «въездной сбор».

44. Что касается учебных заведений, Комиссия постановила, что, хотя существовала система начального образования для детей киприотов-греков, проживающих в северных районах, Кипр, для них не было средних школ. Подавляющее большинство школьников уезжали на юг для получения среднего образования, и ограничение на возвращение школьников-греков-киприотов и маронитов на север после завершения учебы привело к разделению многих семей. Кроме того, школьные учебники для использования в начальной школе киприотов-греков были подвергнуты процедуре «проверки» в контексте мер укрепления доверия, предложенных ВСООНК. Процедура была громоздкой, и администрация киприотов-турок возражала против относительно большого количества школьных учебников.

45. Помимо школьных учебников, Комиссия не обнаружила никаких доказательств применения каких-либо ограничений в рассматриваемый период в отношении ввоза, обращения или владения другими типами книг; также не было доказательств ограничений на распространение газет, издаваемых в южных Кипр. Однако в районе Карпаса не существовало регулярной системы распространения кипрско-греческой прессы, а также отсутствовали прямые почтовые и телекоммуникационные связи между севером и югом острова. Далее было отмечено, что население анклава могло принимать радио и телевидение киприотов-греков.

46. Комиссия не нашла убедительных доказательств того, что письма, предназначенные для киприотов-греков, вскрывались полицией «ТРСК» или что их телефоны прослушивались.

47. Что касается предполагаемых ограничений религиозного культа, Комиссия пришла к выводу, что основная проблема для киприотов-греков в этой связи проистекает из того факта, что на весь район Карпаса был только один священник и что власти киприотов-турок не одобряли назначение дополнительных священников с юга. Делегаты Комиссии не смогли подтвердить во время своего визита в район Карпаса, был ли доступ в монастырь Апостола Андреаса в любое время бесплатным для киприотов-греков Карпаса. Оказалось, что во время высоких религиозных праздников (которые случаются три раза в год) посещение монастыря также разрешено киприотам-грекам с юга.

48. Что касается предполагаемых ограничений свободы ассоциации анклавного населения, Комиссия отметила, что соответствующий закон «ТРСК» об ассоциациях распространяется только на создание ассоциаций киприотами-турками.

4. Предполагаемые нарушения прав турок-киприотов и турецко-кипрской цыганской общины на севере Кипр

49. Правительство-заявитель утверждало в Комиссии, что киприоты-турки, проживающие в северной Кипр, особенно политические диссиденты и цыганская община, стали жертвами административной практики нарушения их прав по Конвенции. Они представили доказательства в поддержку своего утверждения о том, что эти группы стали жертвами произвольных арестов и задержаний, неправомерных действий полиции, дискриминации и жестокого обращения, а также вмешательства в различных формах в другие права по Конвенции, такие как, в частности, справедливое судебное разбирательство, личная и семейная жизнь, выражение, ассоциация, собственность и образование.

50. Правительство-ответчик, по сути, утверждало, что вышеуказанные утверждения не подкреплялись доказательствами, и указывало на наличие эффективных средств правовой защиты в «ТРСК» для потерпевших.

51. Расследование Комиссией утверждений государства-заявителя было основано в основном на устных показаниях тринадцати свидетелей, которые давали показания перед делегатами Комиссии о положении киприотов-турок и цыганской общины, проживающей в северных районах Кипра. Свидетели были предложены обеими сторонами. Их показания были взяты делегатами в Страсбург, Кипр и Лондон с ноября 1997 г. по апрель 1998 г.

52. Комиссия установила, что существовало соперничество и социальный конфликт между коренными киприотами-турками и иммигрантами из Турции, которые продолжали прибывать в большом количестве. Некоторые из первых киприотов-турок, их политические группы и средства массовой информации возмущены проводимой ТРСК политикой полной интеграции поселенцев.

53. Кроме того, хотя имел место значительный объем эмиграции из «ТРСК» по экономическим причинам, нельзя исключать, что были также случаи, когда турки-киприоты бежали из «ТРСК» из-за опасений политического преследования. Комиссия сочла, что нет никаких оснований сомневаться в правильности утверждений свидетелей о том, что в некоторых случаях жалобы на преследование или дискриминацию со стороны частных групп или против политических оппонентов не рассматривались полицией «ТРСК». Однако он пришел к выводу, что вне разумных сомнений не установлено, что на самом деле существует последовательная административная практика властей «ТРСК», включая суды, по отказу в защите политическим оппонентам правящих партий. Поскольку государство-заявитель утверждало, что власти сами участвовали в преследовании политических оппонентов, Комиссия не располагала достаточными подробностями относительно инцидентов, на которые подана жалоба (например, разгон демонстраций, краткосрочные аресты), что позволило бы ему составить мнение относительно обоснованности оспариваемых действий. Комиссия отметила, что в любом случае не представляется, что к средству habeas corpus прибегали лица, утверждающие, что они являются жертвами произвольного ареста или задержания. краткосрочные аресты), которые позволили бы ему составить мнение относительно обоснованности или отсутствия оспариваемых действий. Комиссия отметила, что в любом случае не представляется, что к средству habeas corpus прибегали лица, утверждающие, что они являются жертвами произвольного ареста или задержания. краткосрочные аресты), которые позволили бы ему составить мнение относительно обоснованности или отсутствия оспариваемых действий. Комиссия отметила, что в любом случае не представляется, что к средству habeas corpus прибегали лица, утверждающие, что они являются жертвами произвольного ареста или задержания.

54. Что касается предполагаемой дискриминации и произвольного обращения с членами турецко-кипрской цыганской общины, Комиссия установила, что судебные средства правовой защиты явно не использовались в отношении особо серьезных инцидентов, таких как снос лачуг возле Морфу и отказ авиакомпаний перевезти цыган в Великобританию без визы.

55. В еще одном заключении Комиссия отметила, что в ее распоряжении не было доказательств того, что гражданские лица турок-киприотов подвергались юрисдикции военных судов в течение рассматриваемого периода. Кроме того, в отношении представленных ей доказательств Комиссия сочла, что не было установлено, что в течение рассматриваемого периода действовал официальный запрет на распространение грекоязычных газет в северных регионах Кипри. Что касается было предотвращено создание двухобщинных ассоциаций. Что касается предполагаемого отказа властей «ТРСК» разрешить киприотам-туркам вернуться в свои владения на юге Кипра Комиссия отметила, что в течение рассматриваемого периода ей не было передано никаких конкретных случаев того, чтобы какие-либо лица хотели сделать это.

ЗАКОН

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

56. Суд отмечает, что в ходе разбирательства в Комиссии государство-ответчик выдвинуло несколько возражений против приемлемости жалобы. Комиссия на стадии рассмотрения вопроса о приемлемости рассмотрела эти возражения по следующим направлениям: (1) предполагаемое отсутствие юрисдикции и ответственности государства-ответчика в отношении обжалуемых действий; (2) предполагаемое тождество настоящей заявки с предыдущими жалобами, поданными Правительством-заявителем; (3) предполагаемое злоупотребление процедурой со стороны государства-заявителя; (4) предполагаемое особое соглашение между соответствующими правительствами об урегулировании спора с помощью других международных процедур; (5) предполагаемое неспособность потерпевших, затронутых заявлением, исчерпать внутренние средства правовой защиты;

57. Суд также отмечает, что Комиссия в своем решении о приемлемости от 28 июня 1996 г. отклонила возражения государства-ответчика по третьей и четвертой главам и решила отложить рассмотрение по существу вопросов, поднятых по остальным пунктам.

58. Суд отмечает, что ввиду неучастия государства-ответчика в представленном ему письменном и устном разбирательстве (см. Пункты 11 и 12 выше) возражения, на которые Турция ссылалась в Комиссии, не были повторно представлены ею для рассмотрения. Несмотря на то, что в этих обстоятельствах Суд может в применении Правила 55 Регламента Суда отказать в рассмотрении доводов государства-ответчика о неприемлемости жалобы, он, тем не менее, считает целесообразным рассмотреть их в форме предварительных вопросов. Он отмечает в этой связи, что государство-заявитель посвятило значительную часть своих письменных и устных состязательных бумаг этим вопросам, включая их отношение к существу своих различных утверждений.

Вопросы, переданные Комиссией на рассмотрение по существу

1. Что касается locus standi государства-заявителя

59. В ходе разбирательства в Комиссии государство-ответчик утверждало, что государство-заявитель не являлось законным правительством Республики из Кипра. Ссылаясь на него как на «администрацию киприотов-греков», они утверждали, что государство-заявитель не имело права подавать настоящую жалобу.

60. Правительство-заявитель опровергло это утверждение, сославшись, среди прочего, на выводы Суда в его решении по делу Лоизиду против Турции от 23 марта 1995 г. (предварительные возражения) (Серия А, № 310) и на реакцию международного сообщества на провозглашение учреждения «ТРСК» в 1983 г., в частности, две резолюции, принятые Советом Безопасности ООН, и резолюция Комитета министров Совета Европы, самым решительным образом осуждающая этот шаг (см. пункт 14 выше).

61. Суд, как и Комиссия, считает, что иск государства-ответчика не может быть удовлетворен. В соответствии со своим Постановлением по делу Лоизиду (по существу) (loc. Cit.) Он отмечает, что из международной практики и осуждающего тона резолюций, принятых Советом Безопасности Организации Объединенных Наций и Комитетом министров Совета Европы, очевидно, что международная практика сообщество не признает «ТРСК» государством в соответствии с международным правом. Суд повторяет вывод, сделанный в его решении по делу Лоизиду (существо дела) о том, что Республика Кипр осталась единственным законным правительством Кипра, и поэтому их locus standi в качестве правительства Высокой Договаривающейся Стороны не может вызывать сомнений (loc. Cit., p. 2231, § 44; см. также вышеупомянутое решение по делу Loizidou (предварительные возражения), p. 18, § 40).

62. Суд заключает, что государство-заявитель имеет *locus standi* для подачи жалобы в соответствии с бывшей статьей 24 (нынешняя статья 33) Конвенции против государства-ответчика.

2. Что касается законного интереса государства-заявителя в подаче жалобы

63. Правительство-ответчик заявило перед Комиссией, что Резолюции ДН (79) 1 и ДН (92) 12, принятые Комитетом министров по предыдущим межгосударственным заявкам (см. Пункт 17 выше), были рассмотрены в судебном порядке по жалобам, поданным в настоящем заявлении, которые, как они утверждали, по сути совпадали с теми, которые были урегулированы вышеупомянутыми решениями Комитета министров.

64. В своем ответе государство-заявитель заявило, что ни одно из вышеупомянутых постановлений не препятствует рассмотрению Европейским Судом жалоб, поданных в настоящей жалобе. Во-первых, Комитет министров никогда не принимал формального решения по выводам, содержащимся в любом из отчетов Комиссии по бывшей статье 31. Во-вторых, жалобу, находящуюся в настоящее время в Суде, следует отличать от предыдущих жалоб тем, что в ней излагается новые нарушения Конвенции, ссылались на жалобы, которые не были предметом каких-либо окончательных выводов Комиссией в ее более ранних отчетах, и, кроме того, основывались на понятии продолжающихся нарушений прав, предусмотренных Конвенцией.

65. Комиссия согласилась с доводами государства-заявителя и отклонила возражение государства-ответчика по этому поводу.

66. Суд, как и Комиссия, признает силу аргументов государства-заявителя. Он хотел бы добавить, что это первый случай, когда он рассматривал жалобы, на которые ссылалось государство-заявитель в контексте межгосударственной заявки, при этом следует отметить, что в отношении предыдущих жалоб она не была открыта для сторонам или в Комиссию для передачи их в Суд в соответствии с бывшей статьей 45 Конвенции в совокупности с бывшей статьей 48. В этой связи Суд отмечает, что Турция признал обязательную юрисдикцию Суда только в своем заявлении от 22 января 1990 г. (см. дело *Mitar and Müftüolu v. Турция* решение от 25 марта 1996 г., Reports 1996-II, p. 408, § 17).

67. Без ущерба для вопроса о том, обладает ли Суд юрисдикцией и при каких обстоятельствах рассматривать дело, которое стало предметом решения, принятого Комитетом министров в соответствии с бывшей статьей 32 Конвенции, необходимо отметить, что в отношении предыдущие межгосударственные жалобы, ни Резолюция ДН (79) 1, ни Резолюция ДН (92) 12 не привели к «решению» по смыслу статьи 32 § 1. Это ясно из терминов этих текстов. Более того, следует отметить, что государство-ответчик приняло в своих состязательных бумагах по

своим предварительным возражениям по делу Лоизиду, что Комитет министров не поддержал выводы Комиссии по предыдущим межгосударственным делам (см. Цитируемое решение по делу Лоизиду (предварительные возражения) выше, стр. 21–22, § 56).

68. Соответственно, Суд заключает, что Правительство-заявитель имеет законный законный интерес в рассмотрении Судом по существу настоящей жалобы.

3. Относительно ответственности государства-ответчика согласно Конвенции в отношении предполагаемых нарушений.

69. Правительство-ответчик оспорило ответственность Турции в соответствии с Конвенцией за утверждения, изложенные в заявлении. В своих объяснениях в Комиссию государство-ответчик утверждало, что обжалуемые действия и бездействие приписываются исключительно «Турецкой республике Северного Кипра» («ТРСК»), независимому государству, созданному турецко-кипрской общиной в ходе этой деятельности. своего права на самоопределение и обладания исключительным контролем и властью над территорией к северу от буферной зоны Организации Объединенных Наций. Правительство-ответчик утверждало в этой связи, что Суд в своих постановлениях по Лоизиду (предварительные возражения и по существу),

70. Как и в ходе разбирательства в Комиссии, государство-заявитель утверждало в Суде, что «ТРСК» является незаконным субъектом в соответствии с международным правом, поскольку обязана своим существованием незаконному акту вторжения государства-ответчика в северную часть Кипра в 1974 году и с тех пор продолжается незаконная оккупация этой части Кипра. Попытка государства-ответчика усилить раздел Кипра посредством провозглашения создания «ТРСК» в 1983 году была решительно осуждена международным сообществом, о чем свидетельствует принятие Советом Безопасности Организации Объединенных Наций резолюций 541 (1983) и 550. (1984) и Комитетом министров Совета Европы в его резолюции от 24 ноября 1983 г. (см. Пункт 14 выше).

71. Правительство-заявитель подчеркнуло, что даже если Турция не имеет юридического титула в международном праве на северный Кипр, Турция действительно несет юридическую ответственность за этот район с точки зрения Конвенции, учитывая, что она осуществляла общий военный и экономический контроль над этим районом. Этот общий и вдобавок исключительный контроль над оккупированной территорией был подтвержден неопровержимыми доказательствами способности Турции диктовать ход событий на оккупированной территории. По утверждению государства-заявителя, Договаривающееся государство Конвенции не могло путем делегирования полномочий подчиненной и незаконной администрации

уклоняться от своей ответственности за нарушения Конвенции и международного права в целом. Иное мнение в нынешнем контексте северного Кипра привело бы к серьезному пробелу в системе защиты прав человека и,

72. Правительство-заявитель просило Суд установить, как и Комиссия, что постановления по делу Лоизиду (предварительные возражения и существо) опровергли аргументы государства-ответчика, поскольку они подтвердили, что до тех пор, пока Республика Кипр была незаконно лишена возможности осуществлять свою законную юрисдикцию в северной части страны. Кипр, Турция обладает «юрисдикцией» по смыслу статьи 1 Конвенции и, соответственно, несет ответственность за нарушения Конвенции, совершенные в этой области.

73. В дополнительном сообщении государство-заявитель просило Суд постановить, что государство-ответчик несет ответственность не только в соответствии с Конвенцией за действия и бездействие государственных органов, действующих в «ТРСК», но также и частных лиц. В ожидании своих более подробных представлений по существу, государство-заявитель на данном этапе утверждало, что киприоты-греки, проживающие на северном Кипре, подвергались расовым преследованиям со стороны турецких поселенцев при попустительстве и с ведома властей «ТРСК», за действия которых Турция несет ответственность. .

74. Комиссия отклонила доводы государства-ответчика. С особой ссылкой на параграф 56 (стр. 2235-36) Постановления Суда по делу Лоизиду (существо) он пришел к выводу, что ответственность Турции в соответствии с Конвенцией теперь должна рассматриваться как распространяющаяся на все действия «ТРСК» и что эта ответственность распространяется на весь спектр жалоб, изложенных в настоящем заявлении, независимо от того, связаны ли они с действиями или бездействием турецких или турецко-кипрских властей.

75. Суд напоминает, что в деле Лоизиду государство-ответчик отрицало, что оно обладает юрисдикцией на северном Кипре, и с этой целью привело аргументы, аналогичные тем, которые были представлены Комиссии в настоящем деле. Суд отклонил эти аргументы в своем решении по делу Лоизиду (по существу) со ссылкой на принципы вменяемости, разработанные в его предыдущем решении по предварительным возражениям государства-ответчика относительно приемлемости дела.

76. Точнее, Суд рассмотрел в своем решении по делу Лоизиду (по существу) (стр. 2234-36) и в связи с тяжелым положением конкретного заявителя:

«52. Что касается вопроса вменяемости, Суд прежде всего напоминает, что в своем вышеупомянутом решении по делу Лоизиду (предварительные возражения) (стр. 23-24, § 62) он подчеркнул, что в соответствии с его

установленной прецедентной практикой понятие «юрисдикция». В соответствии со статьей 1 Конвенции не ограничивается национальной территорией Договаривающихся государств. Соответственно, ответственность Договаривающихся государств может возникать в результате действий или бездействия их властей, которые имеют последствия за пределами их собственной территории. Особое значение для настоящего дела имеет Суд, согласно соответствующим принципам международного права, регулирующим ответственность государств, что ответственность Договаривающейся стороны может также возникнуть, когда в результате военных действий - законных или незаконных - она осуществляет эффективный контроль над районом за пределами ее национальной территории. Обязательство обеспечивать в такой области права и свободы, изложенные в Конвенции, проистекает из факта такого контроля, независимо от того, осуществляется ли он напрямую, через свои вооруженные силы или через подчиненную местную администрацию ...

...

54. Для оценки Судом вопроса вменяемости важно то, что правительство Турции признало, что потеря заявителем контроля над своей собственностью связана с оккупацией северной части Кипра турецкими войсками и созданием там «ТРСК». ... Более того, не оспаривается, что турецкие войска несколько раз препятствовали доступу заявительницы к ее собственности ...

Однако на протяжении всего судебного разбирательства турецкое правительство отрицало ответственность государства по обжалуемым вопросам, утверждая, что его вооруженные силы действуют исключительно совместно с якобы независимыми и автономными властями ТРСК и от их имени.

...

56. ...

Нет необходимости определять, действительно ли Турция, как предлагали заявитель и правительство Кипра, осуществляет детальный контроль над политикой и действиями властей «ТРСК». Из большого количества войск, участвующих в боевых действиях на северном Кипре, очевидно ... что ее армия осуществляет эффективный общий контроль над этой частью острова. Такой контроль, согласно соответствующему критерию и в обстоятельствах дела, влечет за собой ее ответственность за политику и действия «ТРСК» ... Таким образом, те, кого затрагивает такая политика или действия, подпадают под «юрисдикцию» Турции в отношении для целей статьи 1 Конвенции. Таким образом, ее обязанность обеспечить заявителю права и свободы, изложенные в Конвенции, распространяется на северную часть Кипра ».

77. Конечно, верно, что Суд в деле Лоизиду рассматривал жалобу человека относительно продолжающегося отказа властей разрешить ей доступ к ее собственности. Однако следует отметить, что аргументация Суда сформулирована в виде широкого изложения принципа в отношении общей ответственности Турции в соответствии с Конвенцией за политику и действия властей «ТРСК». Имея эффективный общий контроль над северным Кипром, его ответственность не может ограничиваться действиями его собственных

солдат или официальных лиц на северном Кипре, но также должна осуществляться в силу действий местной администрации, которая выживает благодаря турецкой военной и другой поддержке. Отсюда следует, что в соответствии со статьей 1 Конвенции Турция '

78. В связи с вышеизложенным Суд должен учитывать особый характер Конвенции как инструмента европейского публичного порядка (*ordre public*) для защиты отдельных людей и ее миссии, как указано в статье 19 Конвенции, « для обеспечения соблюдения обязательств, взятых на себя Высокими Договаривающимися Сторонами »(см. цитируемое выше решение по делу Лоизиду (предварительные возражения), стр. 31, § 93). Принимая во внимание продолжающуюся неспособность государства-заявителя выполнять свои обязательства по Конвенции на северном Кипре, любой другой вывод приведет к прискорбному вакууму в системе защиты прав человека на рассматриваемой территории, лишив лиц, находящихся там, преимуществ Конвенции "

79. Суд отмечает, что государство-заявитель поднимало вопрос о вменении вины на протяжении всех своих прений по существу. Принимая во внимание свой вывод по этому вопросу, Суд не считает необходимым возвращать этот вопрос при рассмотрении существа жалоб государства-заявителя в соответствии с Конвенцией.

80. Соответственно, Суд приходит к выводу, и с учетом его последующего рассмотрения вопроса о частных сторонах (см. Пункт 81 ниже), что вопросы, обжалуемые в настоящем заявлении, подпадают под «юрисдикцию» Турции по смыслу статьи 1 Закона. Конвенции и, следовательно, влекут за собой ответственность государства-ответчика в соответствии с Конвенцией.

81. Что касается дальнейшего утверждения правительства-заявителя о том, что эта «юрисдикция» также должна распространяться на действия частных лиц на северном Кипре, которые нарушают права проживающих там киприотов-греков или киприотов-турок, Суд считает целесообразным вернуться к этому вопросу. при рассмотрении существа конкретных жалоб, поданных государством-заявителем в этом контексте. Он ограничивается тем, что на данном этапе отмечает, что молчаливое согласие или попустительство властей Договаривающегося Государства в отношении действий частных лиц, которые нарушают права других лиц, находящихся под его юрисдикцией, по Конвенции, могут повлечь за собой ответственность этого Государства в соответствии с Конвенцией. Любой другой вывод противоречил бы обязательству, содержащемуся в статье 1 Конвенции.

4. Что касается требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты

82. Правительство-ответчик утверждало в ходе разбирательства в Комиссии, что «ТРСК» имеет полностью развитую систему независимых судов, доступных каждому человеку. Кроме того, киприоты-греки и марониты, проживающие на севере Кипра, считались гражданами «ТРСК» и пользовались теми же правами и средствами правовой защиты, что и проживающие там киприоты-турки. Чтобы проиллюстрировать свое мнение об эффективности местных средств правовой защиты, государство-ответчик привлекло внимание Комиссии к делам, в которых киприоты-греки, проживающие в районе Карпас на севере Кипра, успешно подали в суд на генерального прокурора «ТРСК» в соответствии с Законом о гражданских правонарушениях в отношении имущественных вопросов.

83. Правительство-заявитель в ходе разбирательства в Суде настаивало на своем несогласии с вышеуказанными доводами. Они подчеркнули, что описание, данное государством-ответчиком конституционного и правового порядка «ТРСК», игнорирует контекст полной незаконности, в которой были созданы «конституция и законы». Правительство-заявитель подтвердило свое мнение о том, что создание «ТРСК» в 1983 году и ее правового и конституционного аппарата явилось прямым следствием агрессии, развязанной Турцией против Республики Кипр в 1974 году. Эта агрессия продолжала проявляться в продолжающейся незаконной оккупации Северный Кипр. Правительство-заявитель утверждало, что, принимая во внимание продолжающуюся военную оккупацию и тот факт, что «ТРСК» была подчиненной местной администрацией государства-ответчика,

84. Правительство-заявитель заявило в Суде, что их основная отправная точка заключалась в том, что соответствующее применимое право на севере Кипра осталось правом Республики Кипр и что было неуместно рассматривать другие законы. Однако если и только если Суд собирался рассмотреть такие законы, это не должно приводить к одобрению выводов и аргументов Комиссии в отношении статей 6, 13 и бывшей статьи 26 Конвенции. Они утверждали, что, вопреки мнению Комиссии, не было необходимым следствием того, что «ТРСК» считалась подчиненной местной администрацией государства-ответчика, что средства правовой защиты, доступные в «ТРСК», должны были рассматриваться как «внутренние средства правовой защиты». государство-ответчик для целей бывшей статьи 26 Конвенции. Правительство-заявитель утверждало в этой связи, что даже государство-ответчик не считало средства правовой защиты «ТРСК» средствами правовой защиты, предоставленными Турцией как Договаривающейся стороной. Более того, учитывая, что местная администрация подчинялась и контролировалась государством-

ответчиком не на основе принципа законности и демократического правления, а посредством военного контроля и оккупации, суды «ТРСК» не могут считаться «учрежденными законом» в значении статьи 6 Конвенции. Правительство-заявитель утверждало, что при таких обстоятельствах было бы неправильно ожидать, что потерпевшие лица прибегнут к средствам правовой защиты для целей бывшего требования об исчерпании средств по статье 26, если эти средства правовой защиты не соответствуют стандартам статьи 6 или, как это должно следовать, статьи 13 Конвенции.

85. По утверждениям государства-заявителя, Комиссия в пунктах 123 и 124 своего доклада неверно истолковала объем Консультативного заключения Международного Суда по делу Намибии (Правовые последствия для государств продолжающегося присутствия Южной Африки в Намибии (Юго-Западная Африка) Несмотря на резолюцию 276 (1970) Совета Безопасности, [1971] Доклады Международного Суда 16).

86. Комиссия, со своей стороны, напомнила, что, за исключением государства-ответчика, претензия «ТРСК» на независимую государственность была отклонена и осуждена международным сообществом. Однако он также отметил, что тот факт, что режим «ТРСК» де-факто существовал и осуществлял де-факто власть под общим контролем Турции, не оставил без внимания вопрос о том, были ли средства правовой защиты, которые, по утверждению государства-ответчика, были доступны в «ТРСК». система », которая должна быть исчерпана потерпевшими лицами в качестве предварительного условия приемлемости их жалоб в соответствии с Конвенцией. Комиссия отметила в этом отношении и со ссылкой на вышеупомянутое консультативное заключение Международного Суда по делу Намибии (см. Пункт 85 выше), что даже если легитимность государства не была признана международным сообществом, «международное право признает легитимность определенных юридических договоренностей и сделок в такой ситуации, ... последствия которых можно игнорировать только в ущерб жителям. [t] территории »(loc. cit. p. 56, § 125). При том понимании, что средства правовой защиты, на которые ссылается государство-ответчик, были направлены на благо всего населения северного Кипра, и в той степени, в которой такие средства правовой защиты можно было бы считать эффективными, в принципе они должны приниматься во внимание для целей бывшей статьи 26. Конвенции. последствия которых можно игнорировать только в ущерб жителям территории »(loc. cit. p. 56, § 125). При том понимании, что средства правовой защиты, на которые ссылается государство-ответчик, были направлены на благо всего населения северного Кипра, и в той степени, в которой такие средства правовой защиты можно было бы считать эффективными, в принципе они должны приниматься во

внимание для целей бывшей статьи 26. Конвенции. последствия которых можно игнорировать только в ущерб жителям территории» (loc. cit. p. 56, § 125). При том понимании, что средства правовой защиты, на которые ссылается государство-ответчик, были направлены на благо всего населения северного Кипра, и в той степени, в которой такие средства правовой защиты можно было бы считать эффективными, в принципе они должны приниматься во внимание для целей бывшей статьи 26. Конвенции.

87. В заключении Комиссии, можно ли рассматривать конкретное средство правовой защиты как эффективное и, следовательно, использовать ли оно, необходимо было определить в отношении конкретной рассматриваемой жалобы. Комиссия отметила в этом отношении, что в той степени, в которой государство-заявитель утверждало, что изложенные в заявлении жалобы явились результатом административной практики, вменяемой государству-ответчику, доказательство существования такой практики зависело от отсутствия эффективных средств правовой защиты в отношении к действиям, предположительно составляющим указанную практику.

88. Принимая во внимание эти соображения, Комиссия пришла к выводу, что для целей бывшей статьи 26 Конвенции средства правовой защиты, доступные на северном Кипре, должны рассматриваться как «внутренние средства правовой защиты» государства-ответчика и что вопрос об их эффективности должен быть решен. рассматривается в конкретных обстоятельствах, в которых она возникла.

89. Суд отмечает, что Комиссия избегала общих заявлений о действительности действий властей «ТРСК» с точки зрения международного права и ограничила свои соображения специфическим для Конвенции вопросом применения требования об исчерпании средств правовой защиты, содержащегося в бывшей статье 26. Конвенции в контексте «конституционной» и «правовой» системы, установленной в «ТРСК». Суд одобряет такой подход. Он напоминает в этой связи, что, хотя Суд в своем решении по делу Лоизиду (по существу) отказался придать юридическую силу таким положениям, как «статья 159 Конституции ТРСК», он сделал это в отношении Конвенции (стр. 2231, § 44).). Этот вывод был тем более убедительным, что данная статья имела целью передать полномочия «ТРСК», безвозвратно и без выплаты какой-либо компенсации права заявительницы на ее землю на Северном Кипре. Действительно, Суд в своем решении не «счел желательным, не говоря уже о необходимости, в данном контексте разработать общую теорию законности законодательных и административных актов ТРСК» (там же, с. 2231, § 45).

90. По мнению Суда, и никоим образом не ставит под сомнение либо точку зрения, принятую международным сообществом в отношении создания «ТРСК» (см. Пункт 14 выше), либо тот факт, что

правительство Республики Кипр остается единственной законной Правительством Кипра (см. параграф 61 выше), нельзя исключить, что бывшая статья 26 Конвенции требует, чтобы средства правовой защиты, доступные физическим лицам в целом на северном Кипре, чтобы они могли получить компенсацию за нарушения их прав, предусмотренных Конвенцией, должны быть проверены. Суд, как и Комиссия, охарактеризовал бы события, которые произошли на северном Кипре с 1974 года, с точки зрения осуществления де-факто власти «ТРСК».

91. Суд не согласен с критикой государства-заявителя по поводу того, что Комиссия полагается на эту часть Консультативного заключения. По его мнению, и оцениваемое исключительно с точки зрения Конвенции, Консультативное заключение подтверждает, что там, где можно показать, что средства правовой защиты существуют в интересах отдельных лиц и предлагают им разумные шансы на успех в предотвращении нарушений Конвенции, следует использовать таких средств. Делая такой вывод, Суд считает, что это требование, применяемое в контексте «ТРСК», согласуется с его более ранним заявлением о необходимости избегать на территории северного Кипра существования вакуума в защите прав человека. права, гарантированные Конвенцией (см. пункт 78 выше).

92. Суду кажется очевидным, что, несмотря на оговорки, которые греко-кипрская община на северном Кипре может придерживаться в отношении судов «ТРСК», отсутствие таких институтов будет работать в ущерб членам этой общины. Более того, признание эффективности этих органов для ограниченной цели защиты прав жителей территории, по мнению Суда и в соответствии с Консультативным заключением Международного Суда, никоим образом не узаконивает «ТРСК».

93. Суд напоминает, что в своем Консультативном заключении по Намибии Международный Суд заявил следующее (1971 ICJ Reports, p. 56, § 125):

«В целом непризнание управления территорией Южной Африкой не должно приводить к лишению народа Намибии каких-либо преимуществ, получаемых от международного сотрудничества. В частности, хотя официальные действия, совершенные правительством Южной Африки от имени или в отношении Намибии после прекращения действия мандата, являются незаконными и недействительными, эта недействительность не может распространяться на такие действия, как, например, регистрация рождений, смерти и браки, последствия которых можно игнорировать только в ущерб жителям территории ».

94. Суд отмечает, что этот отрывок был включен в Заключение в результате различных аргументов, приведенных в ходе разбирательства, предшествующего его принятию. Так, представитель Нидерландов указал Международному Суду, что непризнание незаконного правления Южной Африки в Намибии «не исключает учета факта осуществления полномочий в той мере, в какой это необходимо

учитывать. для того, чтобы отдать должное законным интересам человека, [который] фактически подчинен этой власти »(Pleadings, vol. II, p. 130). Представитель Соединенных Штатов заявил, что «[это] было бы, например, нарушением прав отдельных лиц, если бы иностранное государство отказалось признать право намибийцев на вступление в брак в соответствии с действующим законодательством ... или сочли бы своих детей незаконнорожденными. Договор купли-продажи товаров также не должен быть признан недействительным только потому, что он был заключен в соответствии с обычными коммерческими законами, применяемыми к Намибии Южной Африкой »(Pleadings, vol. II, p. 503). Эти утверждения, по логической необходимости, должны распространяться на решения, принимаемые судами и относящиеся к таким повседневным отношениям. Приведенные выше цитаты показывают, что, несмотря на приглашение Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, Международный суд решительно отверг этот подход, отказавшись от каких-либо последствий для незаконных режимов де-факто. Эти утверждения, по логической необходимости, должны распространяться на решения, принимаемые судами и относящиеся к таким повседневным отношениям. Приведенные выше цитаты показывают, что, несмотря на приглашение Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, Международный суд решительно отверг этот подход, отказавшись от каких-либо последствий для незаконных режимов де-факто. Эти утверждения, по логической необходимости, должны распространяться на решения, принимаемые судами и относящиеся к таким повседневным отношениям. Приведенные выше цитаты показывают, что, несмотря на приглашение Генерального секретаря Организации Объединенных Наций, Международный суд решительно отверг этот подход, отказавшись от каких-либо последствий для незаконных режимов де-факто.

95. Суд отмечает, что этот отказ был повторен и усилен в отдельных мнениях судей Дилларда, де Кастро и Ониямы. Судья Диллард (1971 ICJ Reports, стр. 166-67) указал, что максима «ex injuria jus non oritur» не является абсолютной, и добавил, что «[если бы в противном случае] общая заинтересованность в безопасности транзакций была бы снижена. слишком сильное вторжение и сведение к минимуму ненужных трудностей и трений будет затруднено, а это поможет ». Судья де Кастро (там же, стр. 218-19) провел различие между действиями властей де-факто в Намибии, относящимися к действиям или сделкам, «относящимся к государственной собственности, концессиям и т. Д.» и «действия и права частных лиц», которые «должны считаться действительными (действительность записей в книгах записи актов гражданского состояния и земельной книги, действительность браков, обоснованность решений гражданских судов

и др.) ». Судья Онеяма заявил, что, хотя третьи государства обязаны не признавать законность присутствия Южной Африки в Намибии, эта обязанность необязательно распространяется «на отказ признать законность действий Южной Африки от имени или в отношении Намибии с учетом того факта, что администрация Южной Африки над Намибией (хотя и незаконна) по-прежнему является де-факто правительством этой территории ».

96. Следует отметить, что Консультативное заключение Международного Суда, рассматриваемое вместе с состязательными бумагами и объяснениями, данными некоторыми из членов этого суда, ясно показывает, что в ситуациях, аналогичных тем, которые возникают в настоящем деле, обязательство игнорировать действия де-факто сущности далеко не абсолютны. На территории, о которой идет речь, идет жизнь ее жителей. Эта жизнь должна быть терпимой и защищаться де-факто властями, включая их суды; и, в интересах жителей, связанные с этим действия этих властей не могут быть просто проигнорированы третьими государствами или международными учреждениями, особенно судами, в том числе этим. Иначе было бы равносильно лишению жителей территории всех их прав всякий раз, когда они обсуждаются в международном контексте,

97. Суд отмечает, что точка зрения, выраженная Международным Судом в контексте, описанном в предыдущем пункте, ни в коем случае не является изолированной. Это подтверждается как авторитетными авторами, посвященными де-факто образованиям в международном праве, так и существующей практикой, в частности решениями национальных судов о статусе решений, принятых властями де-факто образований. Это касается, в частности, частноправовых отношений и действий органов де-факто властей, касающихся таких отношений. Некоторые государственные органы пошли дальше и фактически признали даже действия, связанные с ситуациями публичного права, например, предоставив суверенный иммунитет фактическим образованиям или отказавшись оспаривать изъятие собственности органами таких образований.

98. Для Суда следует сделать вывод, что он не может просто игнорировать судебные органы, созданные «ТРСК», в том, что касается отношений, о которых идет речь в настоящем деле. Жители ТРСК, включая киприотов-греков, заинтересованы в том, чтобы иметь возможность искать защиты у таких органов; и если власти «ТРСК» не учредили их, это можно было бы справедливо считать противоречащим Конвенции. Соответственно, от жителей территории может потребоваться исчерпание этих средств правовой защиты, если не будет доказано их отсутствие или неэффективность - вопрос, который следует рассматривать в индивидуальном порядке.

99. Таким образом, Суд, как и Комиссия, рассмотрит в отношении каждого из нарушений, о которых заявляет Правительство-заявитель, могли ли заинтересованные лица воспользоваться эффективными средствами правовой защиты для обеспечения возмещения. Он, в частности, будет обращать внимание на то, является ли существование каких-либо средств правовой защиты достаточно определенным не только в теории, но и на практике, и существуют ли какие-либо особые обстоятельства, которые освобождают лиц, затронутых настоящим заявлением, от обязанности исчерпать средства правовой защиты, которые, как утверждается, от государства-ответчика перед Комиссией, находились в их распоряжении. Суд напоминает в этом последнем отношении, что правило исчерпания не применимо, когда административная практика, а именно повторение действий, несовместимых с Конвенцией, и официальная терпимость со стороны государственных властей,

100. Ввиду вышеизложенных соображений Суд не считает необходимым на данном этапе рассматривать более широкую критику со стороны государства-заявителя судебной и административной системы в «ТРСК» в соответствии со статьями 6 и 13 Конвенции.

101. Однако Суд хочет добавить, что ссылка государства-заявителя на незаконность судов «ТРСК», по всей видимости, противоречит утверждению того же правительства о том, что Турция несет ответственность за нарушения, предполагаемые на северном Кипре, - утверждение, которое было принято Судом (см. пункты 75-81 выше). По-видимому, действительно трудно признать, что государство несет ответственность за действия, совершенные на территории, незаконно оккупированной и управляемой им, и отказать этому государству в возможности попытаться избежать такой ответственности путем исправления вменяемых ему правонарушений в его судах. Предоставление такой возможности государству-ответчику в рамках настоящей жалобы никоим образом не означает косвенную легитимацию режима, который является незаконным по международному праву.

102. Суд соответственно заключает, что для целей бывшей статьи 26 (нынешняя статья 35 § 1) Конвенции средства правовой защиты, доступные в «ТРСК», могут рассматриваться как «внутренние средства правовой защиты» государства-ответчика и что вопрос об их эффективности следует рассматривать в конкретных обстоятельствах, в которых он возникает.

5. Что касается требования правила шести месяцев.

103. Суд отмечает, что, хотя Комиссия оставила этот вопрос на стадии рассмотрения по существу, ни одно правительство не представило никаких аргументов по нему; также государство-заявитель

не возвращалось к этому вопросу в своих письменных или устных выступлениях перед Судом.

104. Суд, в соответствии с подходом Комиссии, подтверждает, что поскольку государство-заявитель заявляло о продолжающихся нарушениях в результате административной практики, он не принимает во внимание ситуации, закончившиеся за шесть месяцев до даты подачи жалобы, а именно 22 ноября 1994 г. Таким образом, как и Комиссия, Суд считает, что практика, прекратившаяся до 22 мая 1994 г., выходит за рамки его рассмотрения.

II. УСТАНОВЛЕНИЕ ФАКТОВ И ОЦЕНКА ДОКАЗАТЕЛЬСТВ

105. Суд отмечает, что Комиссия приняла во внимание письменные, а также, в отношении определенных категорий жалоб, устные доказательства, чтобы прояснить и установить факты, лежащие в основе утверждений, выдвинутых государством-заявителем. В соответствующих случаях Комиссия также опиралась на выводы, содержащиеся в ее отчетах за 1976 и 1983 годы (см. Пункт 17 выше), а также на документальные материалы, полученные по ее собственной инициативе, и, в качестве основного источника, на материалы, представленные сторонами. Что касается письменных доказательств сторон, он отмечает, что Комиссия приобщила к материалам дела все письменные представления, сделанные обоими правительствами на этапах приемлемости и по существу до 14 сентября 1998 года. Строгое соблюдение Комиссией этого срока привело к ее решению: 5 марта 1999 г. отклонить Правительство-ответчик » с просьба о приобщении к делу памятной записки о «мерах, касающихся условий жизни киприотов-греков и маронитов в Турецкой республике Северного Кипра». Суд отмечает, что это был единственный документ, исключенный Комиссией, все другие материалы были допущены к рассмотрению в соответствии с требованиями процессуального равенства сторон.

106. Суд отмечает, что там, где было невозможно гарантировать полное соблюдение принципа равенства сторон при рассмотрении дела в Комиссии, например, из-за ограниченного времени, доступного одной стороне для полного ответа на доводы другой стороны, Комиссия приняла это. фактор, принимаемый во внимание при оценке доказательной ценности рассматриваемого материала. Хотя Суд должен внимательно изучить любые возражения, выдвинутые государством-заявителем в отношении установленных Комиссией фактов и ее оценки доказательств, он отмечает, что в отношении документальных материалов обеим сторонам была предоставлена полная возможность комментировать все такие материалы в своих состязательных бумагах. в Суде, включая вышеупомянутую памятную

записку, которая была приобщена к делу на основании процессуального решения, принятого Судом 24 ноября 1999 г.

107. Что касается устных доказательств, Суд отмечает, что Комиссия назначила трех делегатов для заслушивания свидетельских показаний по вопросам Конвенции, касающимся общих условий жизни так называемых «анклавных» киприотов-греков и положения киприотов-турок, проживающих на севере Кипра, в частности политические диссиденты и представители турецко-кипрского цыганского меньшинства. Свидетели были заслушаны в Страсбурге 27 и 28 ноября 1997 г., в Никосии (в основном) 22 и 23 февраля 1998 г. и в Лондоне 22 апреля 1998 г. линия, здание суда в северной Никосии и греко-кипрские деревни в районе Карпаса). Устные заявления были сделаны делегатами от ряда официальных лиц и других лиц, встреченных во время визита на северный Кипр, включая полуостров Карпас. На первом заседании десять свидетелей, предложенных государством-заявителем, дали показания, трое из которых остались неустановленными. На втором слушании делегаты Комиссии заслушали показания двенадцати свидетелей, семь из которых были предложены государством-ответчиком, а пять - государством-заявителем (включая четырех неустановленных свидетелей). На третьем слушании в Лондоне делегаты заслушали пять свидетелей, предложенных государством-заявителем, четверо из которых остались неустановленными. делегаты Комиссии заслушали показания двенадцати свидетелей, семь из которых были предложены государством-ответчиком, а пять - государством-заявителем (включая четырех неустановленных свидетелей). На третьем слушании в Лондоне делегаты заслушали пять свидетелей, предложенных государством-заявителем, четверо из которых остались неустановленными. делегаты Комиссии заслушали показания двенадцати свидетелей, семь из которых были предложены государством-ответчиком, а пять - государством-заявителем (включая четырех неустановленных свидетелей). На третьем слушании в Лондоне делегаты заслушали пять свидетелей, предложенных государством-заявителем, четверо из которых остались неустановленными.

108. Суд отмечает, что делегаты Комиссии предприняли все необходимые шаги для обеспечения того, чтобы получение показаний от неустановленных свидетелей соответствовало требованиям справедливости статьи 6 Конвенции.

109. Он также отмечает, что в той мере, в какой государство-ответчик критически относилось к процедурам, разработанным делегатами для заслушивания показаний неопознанных свидетелей, предложенных государством-заявителем, эти меры соответствовали процедуре проверки, запрошенной самим государством-ответчиком. для обеспечения безопасности неназванных свидетелей по более раннему и не имеющему отношения к делу делу (Саргин и Яджи против Турции,

заявления № 14116-14117 / 88). По мнению Суда, недостатки, заявленные государством-ответчиком в ходе разбирательства в Комиссии, были в достаточной мере уравновешены процедурами, которых придерживалась Комиссия. Он также отмечает, что Комиссия, оценивая показания неустановленных свидетелей,

110. Правительство-заявитель в ходе разбирательства в Суде не оспаривало методы, использованные для заслушивания показаний неустановленных свидетелей. С другой стороны, они оспорили ограничения, установленные делегатами на количество свидетелей, которых они могли заслушать. Это особенно верно в отношении расследования Комиссией их утверждений относительно положения киприотов-турок и членов цыганской общины на севере Кипра (см. Пункт 338 ниже). Хотя Суд должен вернуться к этому вопросу при проведении собственной оценки того, подтверждают ли факты, установленные Комиссией, утверждения государства-заявителя, он считает уместным на данном этапе изучить суть их критики. В этой связи он отмечает, что на самом деле Комиссия обратилась к правительству-заявителю с просьбой выбрать ограниченное число свидетелей для дачи свидетельских показаний о том, что права киприотов-турок и членов цыганской общины на северном Кипре нарушались ответчиком по Конвенции. Состояние. Суд не считает, что подход Комиссии может быть подвергнут критике с точки зрения процессуальной справедливости. Во-первых, делегаты заслушали показания пяти свидетелей, предложенных государством-заявителем, и нет оснований сомневаться в том, что они были специально отобраны в соответствии с восприятием властями страны-заявителя важности их показаний. Во-вторых, эффективное исполнение комиссии »

111. По этим причинам Суд отклоняет критику государства-заявителя в этом отношении.

112. Суд также отмечает, что при оценке доказательств в отношении различных жалоб, объявленных приемлемыми, Комиссия применила стандарт доказывания «вне разумных сомнений», изложенный Судом в его решении «Ирландия против Соединенного Королевства» от 18 января 1978 г. (Серия А, № 25), при этом следует отметить, что такое доказательство может вытекать из сосуществования достаточно сильных, ясных и согласованных выводов или аналогичных неопровержимых презумпций факта (там же, стр. 64-65, § 161).

113. Суд, со своей стороны, одобряет применение этого стандарта, тем более что он был впервые сформулирован в контексте предыдущего межгосударственного дела и с даты принятия решения по этому делу стал частью установленная прецедентная практика Суда (недавний пример см. Салман против Турции [GC], № 21986/93, § 100, ECHR 2000-VII).

Более того, что касается установления наличия административной практики, Суд не полагается на концепцию, согласно которой бремя доказывания ложится на то или иное из двух заинтересованных правительств. Напротив, он должен изучить все представленные материалы, независимо от их происхождения (см. Вышеупомянутое решение по делу «Ирландия против Соединенного Королевства», стр. 64 § 160).

114. Суд отмечает, однако, что государство-заявитель оспаривало уместность применения вышеупомянутого стандарта доказывания в отношении своих утверждений о том, что нарушения Конвенции, на которые они жалуются, являются следствием административной практики со стороны государства-ответчика. По их мнению, Комиссия совершила ошибку, не приняв во внимание наличие «существенных доказательств» административной практики, и то, что она полагалась на стандарт «вне разумных сомнений», помешала ей прийти к правильному выводу по фактам в отношении ряда жалоб. Для государства-заявителя стандарт доказывания, применяемый Комиссией, расходится с подходом, которого придерживался Суд в своем решении по делу Ирландия против Соединенного Королевства, подход, который, по их мнению,

115. Однако Суд напоминает, что в своем решении по делу Ирландия против Соединенного Королевства он отклонил утверждение правительства Ирландии о том, что стандарт доказывания «вне разумных сомнений» был чрезмерно жестким стандартом для установления наличия административной практики нарушения статьи 3 Закона. Конвенция (*loc. cit.*, pp. 64-65, § 161). Стандарт «вне разумных сомнений» был применен в этом деле для того, чтобы определить, подтверждают ли доказательства утверждение о практике нарушения. Соответственно, Суд будет оценивать факты, установленные Комиссией, со ссылкой на этот стандарт. Кроме того, Суд будет применять определение административной практики, несовместимой с Конвенцией, изложенное в его решении по делу Ирландия против Соединенного Королевства,

116. Суд также напоминает, что в области исчерпания внутренних средств правовой защиты бремя доказывания распределяется. В контексте настоящего дела государство-ответчик обязано требовать неисчерпания средств правовой защиты, чтобы убедить Суд в том, что средство правовой защиты было эффективным средством правовой защиты, доступным в теории и на практике в соответствующее время, то есть, что оно было доступным. , был тот, который был способен обеспечить возмещение в отношении жалоб потерпевших и предлагал разумные шансы на успех. Однако, как только это бремя доказывания было удовлетворено, государство-заявитель должно установить, что средство правовой защиты, предложенное государством-ответчиком,

было фактически исчерпано или было по какой-то причине неадекватным и неэффективным в конкретных обстоятельствах дела, или что существовали особые обстоятельства, освобождающие заинтересованных лиц от требования об исчерпании этого средства правовой защиты. Одна из таких причин может заключаться в том, что национальные власти остаются полностью пассивными перед лицом серьезных обвинений в неправомерном поведении или причинении вреда государственными служащими, например, когда они не проводят расследования или не предлагают помощь. В таких обстоятельствах можно сказать, что бремя доказывания снова перекладывается, так что на государство-ответчик возлагается обязанность показать, что власти сделали в ответ на масштаб и серьезность обжалуемых вопросов (см., *Mutatis mutandis*, вышеупомянутое решение по делу Акдивар и другие, стр. 1211, § 68). Одна из таких причин может заключаться в том, что национальные власти остаются полностью пассивными перед лицом серьезных обвинений в неправомерном поведении или причинении вреда государственными служащими, например, когда они не проводят расследования или не предлагают помощь. В таких обстоятельствах можно сказать, что бремя доказывания снова перекладывается, так что на государство-ответчик возлагается обязанность показать, что власти сделали в ответ на масштаб и серьезность обжалуемых вопросов (см., *Mutatis mutandis*, вышеупомянутое решение по делу Акдивар и другие, стр. 1211, § 68). Одна из таких причин может заключаться в том, что национальные власти остаются полностью пассивными перед лицом серьезных обвинений в неправомерном поведении или причинении вреда государственными служащими, например, когда они не проводят расследования или не предлагают помощь. В таких обстоятельствах можно сказать, что бремя доказывания снова перекладывается, так что на государство-ответчик возлагается обязанность показать, что власти сделали в ответ на масштаб и серьезность обжалуемых вопросов (см., *Mutatis mutandis*, вышеупомянутое решение по делу Акдивар и другие, стр. 1211, § 68).

117. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд ссылается на свою устоявшуюся прецедентную практику о том, что в соответствии с системой Конвенции до вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции 1 ноября 1998 года установление и проверка фактов были в первую очередь это вопрос Комиссии (бывшие пункты 1 и 31 статьи 28). Хотя Суд не связан установленными Комиссией фактами и по-прежнему свободен давать свою собственную оценку в свете всех материалов, представленных ему, однако только в исключительных обстоятельствах он будет осуществлять свои полномочия в этой области (см., Среди прочего, многие авторитетные источники, вышеупомянутое решение по делу Акдивар и другие, стр. 1214, § 78; и, совсем недавно, Салман, процитированный выше, § 89).

118. Суд уже отмечал, что государство-заявитель оспорило выводы Комиссии в отношении некоторых из их утверждений, считая их противоречащими весу представленных доказательств. Суд предлагает рассмотреть возражения Правительства-заявителя при рассмотрении существа их утверждений.

III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ГРЕКОВ-КИПРИОТОВ И ИХ РОДСТВЕННИКОВ

А. Пропавшие без вести киприоты-греки

1. Что касается фактов, установленных Комиссией

119. На слушании в Суде государство-заявитель заявило, что число пропавших без вести в настоящее время составляет 1485 человек и что доказательства ясно указывают на тот факт, что пропавшие без вести лица были либо задержаны, либо находились под стражей или находились под фактическим руководством и ответственностью турецкой армии или ее ополченцев, и в последний раз их видели в районах, которые находились под эффективным контролем государства-ответчика. Кроме того, они утверждали, что Суд должен исходить из предположения, что пропавшие без вести лица были все еще живы, если не было доказательств обратного.

120. Суд отмечает, прежде всего, что государство-заявитель не оспаривало факты, установленные Комиссией (см. Пункты 25-27 выше). Со своей стороны, он не видит каких-либо исключительных обстоятельств, которые заставили бы его отступить от фактов, установленных Комиссией, принимая во внимание тщательный анализ последней всех вещественных доказательств, включая выводы, сделанные ею в ее отчетах за 1976 и 1983 годы. Как и Комиссия, Суд не считает целесообразным оценивать количество лиц, попадающих в категорию «пропавших без вести». Он ограничивается наблюдением за тем, что цифры сообщаются правительством-заявителем Комитету Организации Объединенных Наций по пропавшим без вести лицам («КГП») и пересматриваются в соответствии с самой последней доступной информацией.

121. Кроме того, Суд разделяет озабоченность Комиссии ограничением своего расследования установлением степени, если таковая имеется, до которой власти государства-ответчика выяснили судьбу или местонахождение пропавших без вести. В его задачу не входит делать выводы на основе доказательств того, живы ли какие-либо из этих лиц или нет, или были ли они убиты при обстоятельствах,

влекущих за собой ответственность государства-ответчика. Действительно, государство-заявитель обратилось к Суду с просьбой действовать, исходя из предположения, что указанные лица все еще живы. Суд вернется к этому вопросу в контексте утверждений государства-заявителя по статье 2 Конвенции.

122. При изложенном выше понимании Суд рассмотрит по существу утверждения государства-заявителя.

2. Что касается существа жалоб государства-заявителя.

(а) Статья 2 Конвенции

123. Правительство-заявитель просило Суд установить, что факты свидетельствуют о продолжающемся нарушении статьи 2 с точки зрения как процессуальных, так и материально-правовых обязательств, содержащихся в этом положении. Статья 2 в соответствующих случаях предусматривает:

«1. Право каждого на жизнь охраняется законом ... »

124. По утверждению государства-заявителя, предполагаемое процессуальное нарушение было совершено в порядке административной практики с учетом продолжающегося отказа властей государства-ответчика провести какое-либо расследование судьбы пропавших без вести лиц. В частности, не было доказательств того, что власти государства-ответчика проводили обыски мертвых или раненых, не говоря уже о захоронении мертвых. Кроме того, государство-ответчик в силу присутствия своих вооруженных сил напрямую продолжало препятствовать расследованиям на оккупированной территории с целью поиска тех лиц, которые все еще пропали без вести, и продолжало отказываться от ответственности за их судьбу.

125. Правительство-заявитель также подчеркнуло, что процессуальное обязательство по защите права на жизнь, возложенное на государство-ответчик в соответствии со статьей 2, не может быть выполнено со ссылкой на текущую работу ГСМП (см. Пункт 16 выше) с учетом ограниченного объема полномочий этого органа и характеристикам «эффективного расследования», как это определено в прецедентной практике Суда в контексте рассматриваемого положения Конвенции.

126. С точки зрения материально-правового обязательства, содержащегося в статье 2, государство-заявитель просило Суд установить и объявить, в соответствии с выводом Комиссии, что государство-ответчик не приняло необходимых оперативных мер для защиты права на жизнь пропавшие без вести лица, все из которых исчезли при угрожающих жизни обстоятельствах, известных государству-ответчику и фактически созданных им.

127. Комиссия отметила, что пропавшие без вести лица исчезли при обстоятельствах, угрожающих жизни, с учетом, в частности, того факта, что их исчезновение произошло в то время, когда имелись явные доказательства крупномасштабных убийств, в том числе в результате действий преступного поведения за пределами зоны боевых действий. По мнению Комиссии, и со ссылкой на прецедентную практику Суда, власти государства-ответчика имели позитивное обязательство в соответствии со статьей 2 провести эффективное расследование обстоятельств исчезновений. Более того, это обязательство должно было рассматриваться как продолжающееся с учетом того, что пропавшие без вести лица могли погибнуть в результате преступлений, не подлежащих ограничению.

128. Соответственно, Комиссия пришла к выводу, что статья 2 была нарушена из-за отсутствия эффективного расследования властями государства-ответчика и что эта неспособность не могла быть компенсирована вкладом государства-ответчика в работу, проводимую ГКГС.

129. Суд отмечает, что государство-заявитель, прежде всего, утверждает, что пропавшие без вести лица должны считаться живыми, если нет явных доказательств обратного (см. Параграф 119 выше). Хотя доказательства, представленные Комиссии, подтверждают очень высокий уровень гибели военнослужащих и гражданских лиц во время военных операций в июле и августе 1974 г., Суд повторяет, что он не может делать предположений относительно того, действительно ли кто-либо из пропавших без вести лиц был убит кем-либо из них. Турецкие силы или полувоенные формирования киприотов-турок, в руки которых они могли попасть. Это правда, что глава «ТРСК» г-н Денкташ, 1 марта 1996 г. передал заявление, в котором признается, что турецкая армия передала пленных киприотов-греков боевикам-киприотам под турецким командованием и что эти заключенные были затем убиты (см. пункт 25 выше). Точно так же в феврале 1998 года профессор Ялчин Кучук, который в 1974 году служил турецким офицером, утверждал, что турецкая армия участвовала в массовых убийствах мирных жителей (см. Пункт 25 выше). Хотя все эти утверждения вызвали несомненную озабоченность, особенно в умах родственников пропавших без вести, Суд считает, что их недостаточно для установления ответственности государства-ответчика за смерть любого из пропавших без вести. Это просто предположение, что кто-либо из этих людей был убит при обстоятельствах, описанных в этих отчетах.

130. Суд отмечает, что данные об убийствах, совершенных непосредственно турецкими солдатами или с их попустительства, относятся к периоду, который выходит за рамки настоящего заявления. Действительно, следует отметить, что Комиссия не смогла установить на основании фактов, были ли какие-либо из пропавших без вести лиц

убиты при обстоятельствах, за которые государство-ответчик может нести ответственность в соответствии с материально-правовым аспектом статьи 2 Конвенции. Таким образом, Суд приходит к выводу, что он не может согласиться с утверждениями государства-заявителя о том, что факты свидетельствуют о существенном нарушении статьи 2 Конвенции в отношении любого из пропавших без вести лиц.

131. По мнению Суда, утверждения государства-заявителя должны, однако, рассматриваться в контексте процессуального обязательства государства-участника по статье 2 по защите права на жизнь. Он напоминает в этой связи, что обязательство защищать право на жизнь в соответствии со статьей 2 Конвенции, рассматриваемое вместе с общей обязанностью государства по статье 1, «обеспечивать каждому, находящемуся под [своей] юрисдикцией, права и свободы, определенные в [] Конвенция », подразумевает, что должна существовать какая-либо форма эффективного официального расследования, когда люди были убиты в результате применения силы агентами государства (см. С соответствующими изменениями, *McCann and Others v. The United Kingdom* решение от 27 сентября 1995 г., Series A, т. 324, р. 49, § 161, и решение по делу *Kaya v. Turkey* от 19 февраля 1998 г., Отчеты 1998-I, стр. 329, § 105) или негосударственными агентами (см., С соответствующими изменениями, решение по делу *Эрги против Турции* от 28 июля 1998 г., Reports 1998-IV, стр. 1778, § 82; решение по делу *Яша против Турции* от 2 сентября 1998 г., Reports 1998-VI, р. 2438, § 100; и *Tanrikulu v. Turkey [GC]*, № 23763/94, § 103, ECHR 1999-IV).

132. Суд напоминает, что нет никаких доказательств того, что кто-либо из пропавших без вести был убит незаконно. Однако, по его мнению, и имеющее отношение к настоящему делу, вышеупомянутое процессуальное обязательство также возникает после доказательства аргументированного утверждения о том, что лицо, которое в последний раз видели под стражей представителей государства, впоследствии исчезло в контексте что может считаться опасным для жизни.

133. На этом фоне Суд отмечает, что доказательства подтверждают утверждение государства-заявителя о том, что многие пропавшие без вести лица были задержаны либо турецкими, либо турецко-кипрскими силами. Их задержание произошло в то время, когда ведение боевых действий сопровождалось арестами и массовыми убийствами. Комиссия правильно охарактеризовала ситуацию как опасную для жизни. Вышеупомянутое радиовещательное заявление г-на Денкташа и более поздний отчет профессора Кучука, если и не окончательный вывод об ответственности государства-ответчика за смерть пропавших без вести, являются, по крайней мере, четкими указаниями на атмосферу риска и страха, существующую в материальное время и реальные опасности, которым подвергались задержанные.

134. То, что пропавшие без вести лица исчезли на этом фоне, отрицать нельзя. Суд не может не отметить, что власти государства-ответчика никогда не проводили расследования утверждений родственников пропавших без вести о том, что последние исчезли после задержания при обстоятельствах, при которых имелись реальные основания опасаться за их благополучие. В этой связи необходимо отметить, что не последовало никаких официальных действий в связи с тревожным заявлением г-на Денкташа. Не было предпринято никаких попыток установить имена лиц, которые, как сообщается, были освобождены из-под стражи в Турции в руки полувоенных формирований турок-киприотов, или выяснить местонахождение мест, где были захоронены тела.

135. Суд согласен с государством-заявителем в том, что рассматриваемое процессуальное обязательство государства-ответчика не может быть выполнено посредством его вклада в следственную работу ГКМП. Как и Комиссия, Суд отмечает, что, хотя процедуры КСМП, несомненно, полезны для гуманитарной цели, для которой они были созданы, они сами по себе недостаточны для соответствия стандарту эффективного расследования, требуемому статьей 2 Конвенции, особенно ввиду ограниченного объема расследований, проводимых этим органом (см. пункт 27 выше).

136. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд заключает, что имеет место продолжающееся нарушение статьи 2 в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести эффективное расследование, направленное на выяснение местонахождения и судьбы пропавших без вести греков-киприотов, который исчез при угрожающих жизни обстоятельствах.

(b) Статья 4 Конвенции

137. Правительство-заявитель обратилось к Суду с просьбой установить и объявить, что обстоятельства дела также свидетельствуют о нарушении статьи 4 Конвенции, которая гласит, что применимо:

«1. Никто не должен содержаться в рабстве или подневольном состоянии.

... »

138. Правительство-заявитель утверждало, что в отсутствие каких-либо убедительных выводов о том, что пропавшие без вести лица теперь мертвы, следует предположить, что они все еще содержались под стражей в условиях, которые, учитывая продолжительность периода, истекшего после событий 1974 года, следует охарактеризовать как подневольное состояние. По мнению государства-заявителя, этому утверждению можно было бы опровергнуть только в том случае, если бы Суд нашел доказанным, что пропавшие без вести лица теперь

мертвы, и в этом случае следует сделать вывод, что государство-ответчик нарушило свои обязательства по статье 2.

139. Комиссия установила, что нарушения статьи 4 не было, поскольку она считала, что в доказательствах нет ничего, что могло бы поддержать предположение о том, что в течение соответствующего периода кто-либо из пропавших без вести лиц все еще находился под стражей в Турции и содержался в условиях что нарушило статью 4.

140. Суд согласен с выводом Комиссии. В этой связи он отмечает, что, как и Комиссия, отказался строить предположения о судьбе или местонахождении пропавших без вести. Кроме того, он принял факты, установленные Комиссией.

141. Следовательно, нарушение статьи 4 Конвенции установлено.

(с) Статья 5 Конвенции

142. Правительство-заявитель утверждало, что статья 5 Конвенции была нарушена государством-ответчиком в порядке административной практики. В статье 5 в соответствующих случаях предусматривается:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

... »

143. По мнению государства-заявителя, тот факт, что власти государства-ответчика не провели быстрое и эффективное расследование хорошо задокументированных обстоятельств задержания и последующего исчезновения большого, но неопределенного числа пропавших без вести киприотов-греков, дал привести к нарушению процессуальных обязательств, предусмотренных статьей 5. Правительство-заявитель повторило свое утверждение о том, что государство-ответчик считалось ответственным за судьбу пропавших без вести лиц, поскольку доказательства ясно показали, что их в последний раз видели под контролем и под стражей Турецкие военные или их агенты.

144. Кроме того, задержание пропавших без вести не могло быть оправдано требованиями статьи 5 и должно было считаться незаконным. Правительство-заявитель утверждало в этой связи, что государство-ответчик не вело никаких точных или надежных записей о лицах, задержанных его властями и агентами, и не приняло каких-либо других эффективных мер, которые могли бы служить защитой от риска исчезновения.

145. Комиссия пришла к выводу, что государство-ответчик не выполнило свое обязательство провести быстрое и эффективное расследование в отношении доказуемого утверждения о том, что после этого исчезли лица киприотов-греков, задержанные турецкими

войсками или их агентами в 1974 году. Для Комиссии нарушение обязательства по статье 5 должно быть истолковано как длящееся нарушение, учитывая, что Комиссия уже установила в своем отчете от 1983 г. по заявке № 8007/77, что правительство-ответчик не предоставило никакой информации о судьбе пропавших без вести киприотов-греков, которые исчезли под стражей в Турции. Комиссия подчеркнула, что не может быть ограничений по времени в отношении обязанности по расследованию и информированию,

146. Комиссия, с другой стороны, установила, что нарушение статьи 5 не имело места в силу фактического задержания пропавших без вести греков-киприотов. В этой связи он отметил отсутствие доказательств, подтверждающих предположение о том, что в течение рассматриваемого периода какие-либо пропавшие без вести киприоты-греки по-прежнему задерживались турецкими или кипрско-турецкими властями.

147. Суд прежде всего подчеркивает, что непризнанное задержание лица является полным отрицанием гарантий свободы и безопасности лица, содержащихся в статье 5 Конвенции, и наиболее серьезным нарушением этой статьи. Взяв на себя контроль над конкретным лицом, власти обязаны отчитаться о его или ее местонахождении. Именно по этой причине статью 5 следует рассматривать как требующую от властей принятия эффективных мер для защиты от риска исчезновения и проведения быстрого и эффективного расследования обоснованного утверждения о том, что лицо было заключено под стражу и не содержалось под стражей. видели с тех пор (см. решение по делу Курт против Турции от 25 мая 1998 г., Reports 1998-III, p. 1185, § 124).

148. Суд ссылается на неопровержимые доказательства того, что киприоты-греки удерживались турецкими или кипрско-турецкими силами. Нет никаких указаний на то, что велись какие-либо записи о личности задержанных, а также о датах или месте их задержания. С гуманитарной точки зрения, этот недостаток нельзя оправдать ни боевыми действиями, которые имели место в соответствующее время, ни общим запутанным и напряженным положением дел. С точки зрения статьи 5 Конвенции отсутствие такой информации сделало невозможным развеять опасения родственников пропавших без вести по поводу судьбы последних. Несмотря на невозможность назвать имена тех, кто был взят под стражу, государство-ответчик должно было провести другие расследования с целью объяснения исчезновений. Как отмечалось ранее,

149. Суд рассмотрел это утверждение с точки зрения процессуальных требований статьи 5 Конвенции и обязательств, возлагаемых на государство-ответчик как Договаривающуюся сторону Конвенции. Как и Комиссия, и не подвергая сомнению ценность гуманитарной работы, проводимой КС / СС, Суд повторяет, что эти обязательства не могут

быть выполнены со ссылкой на характер расследования КСМП (см. Параграф 135 выше).

150. Суд приходит к выводу, что в течение рассматриваемого периода имело место нарушение статьи 5 Конвенции в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести эффективное расследование местонахождения и судьбы пропавшего без вести грека. Кипрские лица, в отношении которых имеется спорное заявление о том, что они находились под стражей в момент исчезновения.

151. Суд, с другой стороны, находит, как и Комиссия, что не было установлено, что в течение рассматриваемого периода кто-либо из пропавших без вести греков-киприотов действительно содержался под стражей кипрско-турецкими властями.

(d) Статьи 3, 6, 8, 13, 14 и 17 Конвенции.

152. Суд отмечает, что на стадии рассмотрения дела Европейской Комиссией по существу государство-заявитель утверждало, что обстоятельства дела свидетельствуют о нарушениях вышеупомянутых статей. Комиссия пришла к выводу, что эти жалобы выходят за рамки ее решения о приемлемости и по этой причине не могут быть рассмотрены.

153. Суд также отмечает, что государство-заявитель не рассматривало эти жалобы ни в меморандуме, ни на публичных слушаниях; они также не пытались оспорить толкование Комиссией объема решения о приемлемости. В этих обстоятельствах Суд считает, что нет оснований рассматривать его компетенцию рассматривать эти жалобы или их существо.

Таким образом, Суд приходит к выводу, что нет необходимости рассматривать жалобы государства-заявителя в соответствии со статьями 3, 6, 8, 13, 14 и 17 Конвенции в отношении пропавших без вести греков-киприотов.

В. Родственники пропавших без вести греков-киприотов

1. Статья 3 Конвенции.

154. Правительство-заявитель по причинам, указанным Комиссией, просило Суд постановить, что продолжающиеся страдания семей пропавших без вести лиц представляют собой не только продолжающееся, но и серьезное нарушение статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

155. По мнению Комиссии, обстоятельства, на которые ссылалось государство-заявитель, свидетельствуют о продолжающемся нарушении статьи 3 в отношении родственников пропавших без вести. По мнению Комиссии, с учетом обстоятельств, при которых члены их семей исчезли после военного вмешательства, в ходе которого многие люди были убиты или взяты в плен, а территория впоследствии была изолирована и стала недоступной для родственников, последние, несомненно, пострадали больше всего. болезненная неуверенность и тревога. Более того, их душевные страдания не исчезли с течением времени. Комиссия пришла к выводу, что обращение, которому подверглись родственники пропавших без вести, можно надлежащим образом охарактеризовать как бесчеловечное по смыслу статьи 3.

156. Суд напоминает, что вопрос о том, является ли член семьи «исчезнувшего лица» жертвой обращения, противоречащего статье 3, будет зависеть от наличия особых факторов, которые придают страданиям данного лица размер и характер, отличные от эмоционального дистресса. которое может рассматриваться как неизбежное для родственников жертвы серьезного нарушения прав человека. Соответствующие элементы будут включать близость семейных уз - в этом контексте определенное значение будет иметь связь родитель-ребенок -, конкретные обстоятельства отношений, степень, в которой член семьи был свидетелем рассматриваемых событий, причастность члена семьи в попытках получить информацию об исчезнувшем человеке и о том, как власти ответили на эти запросы. Суд также напоминает, что суть такого нарушения заключается не столько в факте «исчезновения» члена семьи, сколько в реакции и отношении властей к ситуации, когда она доводится до их сведения. Особенно в отношении последнего, что родственник может прямо заявить, что является жертвой поведения властей (см. Чакичи против Турции [GC], № 23657/94, § 98, ECHR 1999-IV).

157. Суд отмечает, что власти государства-ответчика не провели расследования обстоятельств исчезновения пропавших без вести. Ввиду отсутствия какой-либо информации об их судьбе родственники лиц, пропавших без вести во время событий июля и августа 1974 г., были приговорены к продолжительной жизни в состоянии острой тревоги, которую нельзя сказать, что она исчезла с течением времени. В обстоятельствах данного дела Суд не считает, что тот факт, что некоторые родственники могли фактически не быть свидетелями задержания членов семьи или не жаловались на это властям государства-ответчика, лишает их статуса потерпевших в соответствии со статьей 3. Он напоминает, что военная операция привела к значительным человеческим жертвам, массовые аресты и задержания и насильственное разлучение семей. Общий контекст все еще должен быть ясен в умах родственников людей, судьба которых никогда не

была известна властями. Они терпят агонию, не зная, были ли члены семьи убиты в ходе конфликта, все еще находятся под стражей или, если они были задержаны, умерли с тех пор. Тот факт, что очень значительное число киприотов-греков вынуждено было искать убежища на юге в сочетании с продолжающимся разделом Кипра, следует рассматривать как очень серьезные препятствия на пути их поиска информации. Предоставление такой информации является обязанностью властей государства-ответчика. Эта ответственность не была исполнена. Для Суда,

158. По вышеуказанным причинам Суд заключает, что в течение рассматриваемого периода имело место нарушение статьи 3 Конвенции в отношении родственников пропавших без вести греков-киприотов.

2. Статьи 8 и 10 Конвенции.

159. Правительство-заявитель также указало в своем меморандуме, что упорное неспособность властей государства-ответчика отчитаться перед семьями пропавших без вести лиц представляет собой серьезное нарушение их права на уважение семейной жизни и, кроме того, нарушение их права. получать информацию. По утверждению государства-заявителя, государство-ответчик несет ответственность в отношении статей 8 и 10 Конвенции, оба из которых следует рассматривать как нарушенные в данных обстоятельствах.

160. Суд отмечает, что Комиссия придерживалась мнения, что жалобы государства-заявителя по статьям 8 и 10 были по существу направлены на обращение, которому подверглись родственники пропавших без вести в их попытках установить судьбу последних. При таком понимании Комиссия ограничилась рассмотрением вопросов, поднятых таким обращением с точки зрения статьи 3.

161. Суд согласен с подходом Комиссии. Ввиду своего вывода по статье 3, с акцентом на последствиях отсутствия информации для семей пропавших без вести лиц, он считает ненужным отдельно рассматривать жалобы, которые государство-заявитель сформулировало в терминах статей 8 и 10. Конвенции.

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ НА УВАЖЕНИЕ ИХ ЖИЛИЩА И ИМУЩЕСТВА

A. Что касается фактов, установленных Комиссией

162. Правительство-заявитель подтвердило факты, установленные Комиссией (см. Параграфы 30-33 выше). В отношении этих выводов они просили Суд сделать вывод, что факты свидетельствуют о

нарушении статей 8 и 13 Конвенции и статьи 1 Протокола № 1, а также статьи 14 Конвенции в совокупности с этими положениями. Они также утверждали, что рассматриваемые факты привели к нарушению статей 3, 17 и 18 Конвенции.

163. Суд считает, что нет никаких исключительных обстоятельств, которые заставили бы его иначе взглянуть на факты, установленные Комиссией (см. Пункты 30-33 выше). В этой связи он отмечает, что Комиссия смогла опираться на выводы, содержащиеся в ее отчетах за 1976 и 1983 годы, и приняла во внимание влияние «законодательных» и других текстов, действующих в «ТРСК», на осуществление прав, на которые ссылается Правительство-заявитель. Он также отмечает, что государство-ответчик не оспаривало точность нескольких утверждений о фактах, сделанных государством-заявителем в ходе разбирательства в Комиссии (см. Пункт 29 выше).

164. Соответственно, Суд рассмотрит по существу жалобы государства-заявителя со ссылкой на факты, установленные Комиссией.

Б. Что касается существа жалоб Правительства-заявителя

1. Статья 8 Конвенции.

165. Правительство-заявитель настаивало на бесспорном утверждении, что именно действия государства-ответчика помешали перемещенным киприотам-грекам вернуться в свои дома в нарушение статьи 8 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на уважение его частной и семейной жизни, его жилища и его корреспонденции.

2. Не допускается вмешательство государственных властей в осуществление этого права, за исключением случаев, когда такое вмешательство предусмотрено законом и необходимо в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, общественной безопасности или экономического благосостояния населения страны, для предотвращения беспорядков или преступлений, для защиты здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других ».

166. Правительство-заявитель заявило, что политика государства-ответчика, направленная на раздел Кипра по расовому признаку, затронула 211 000 перемещенных киприотов-греков и их детей, а также ряд маронитов, армян, латинян и отдельных граждан Республики Кипр, которые воспользовались правом в соответствии с Конституцией стать членами греко-кипрской общины. Они утверждали, что продолжающийся отказ властей «ТРСК» разрешить перемещенным лицам вернуться на север нарушает не только право на уважение их домов, но и право на уважение их семейной жизни. В этой последней

связи государство-заявитель отметило, что оспариваемая политика привела к разделению семей.

167. В дополнительном представлении государство-заявитель просило Суд установить, что факты также раскрывают политику преднамеренного разрушения и манипулирования человеческой, культурной и природной средой и условиями жизни на северном Кипре. Правительство-заявитель утверждало, что эта политика была основана на имплантации огромного количества поселенцев из Турции с намерением и следствием ликвидации греческого присутствия и культуры на северном Кипре. По мнению государства-заявителя, понятия «дом» и «личная жизнь» были достаточно широкими, чтобы включить концепцию поддержания существующих культурных отношений в существующей культурной среде. Принимая во внимание деструктивные изменения, вносимые в эту среду государством-ответчиком,

168. Комиссия отметила, в первую очередь, что вопрос о том, можно ли было ожидать, что лица, затронутые оспариваемыми мерами, будут использовать внутренние средства правовой защиты для получения компенсации по своим жалобам, не подлежал рассмотрению. По мнению Комиссии, отказ властей «ТРСК» разрешить перемещенным лицам вернуться в свои дома отражает признанную официальную политику и, соответственно, административную практику. В этих обстоятельствах Конвенция не требовала исчерпания внутренних средств правовой защиты.

169. Что касается существа жалоб, касающихся тяжелого положения перемещенных лиц, Комиссия со ссылкой на свои выводы в своих отчетах за 1976 и 1983 гг. И установление фактов в настоящем деле (см. Параграфы 30-33 выше) установила, что эти Людям без исключения по-прежнему запрещали возвращаться или даже посещать свои прежние дома на северном Кипре. По мнению Комиссии, факты свидетельствуют о продолжающемся нарушении статьи 8 в этом отношении, независимо от апелляции государства-ответчика к соображениям общественной безопасности, изложенным во втором абзаце статьи 8. Что касается мнения государства-ответчика, что требование Вопрос о возвращении перемещенных лиц из числа греков-киприотов на север и поселения в своих домах должен был решаться в общем контексте межобщинных переговоров.

170. Принимая во внимание свой вывод по статье 8, а также свои выводы по жалобе государства-заявителя на нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции (см. Пункт 183 ниже), Комиссия сочла, что нет необходимости рассматривать дальнейшие утверждения государства-заявителя относительно манипулирование демографической и культурной средой в домах перемещенных лиц.

171. Суд отмечает, что в ходе разбирательства в Комиссии государство-ответчик не оспаривало утверждение государства-заявителя о невозможности для перемещенных киприотов-греков вернуться в свои дома на севере. Они утверждали, что эта ситуация останется неизменной до достижения договоренности об общем политическом решении кипрского вопроса. В этих обстоятельствах Суд, как и Комиссия, считает, что вопрос о том, можно ли было ожидать, что потерпевшие воспользуются внутренними средствами правовой защиты в «ТРСК», не возникает.

172. Суд отмечает, что официальная политика властей «ТРСК» по отказу перемещенных лиц в праве на возвращение в свои дома подкрепляется очень жесткими ограничениями, введенными теми же властями на посещение северных территорий киприотами-греками, проживающими на юге. . Соответственно, перемещенные лица не только не могут обратиться к властям с просьбой повторно занять дома, которые они покинули, но и физически лишены возможности даже посетить их.

173. Суд также отмечает, что ситуация, оспариваемая государством-заявителем, сложилась после событий 1974 года на северном Кипре. Похоже, что это никогда не было отражено в «законодательстве» и применяется в качестве политики в поддержку двухзональной договоренности, разработанной, как утверждает, для сведения к минимуму риска конфликта, который возникает при смешении греческого и турецкого языков. Могут возникнуть кипрские общины на севере. Эта двухзонная договоренность осуществляется в рамках межобщинных переговоров, спонсируемых Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций (см. Пункт 16 выше).

174. Суд сделает следующие замечания в этой связи: во-первых, полное отрицание права перемещенных лиц на уважение их жилища не имеет никакого юридического основания по смыслу статьи 8 § 2 Конвенции (см. Пункт 173 выше); во-вторых, нельзя ссылаться на межобщинные переговоры, чтобы узаконить нарушение Конвенции; в-третьих, нарушение, о котором идет речь, существует в рамках политики с 1974 года и должно считаться продолжающимся.

175. Принимая во внимание эти соображения, Суд заключает, что имеет место продолжающееся нарушение статьи 8 Конвенции по причине отказа разрешить возвращение любых перемещенных лиц из числа греков-киприотов в свои дома на северном Кипре.

176. Что касается дальнейших утверждений государства-заявителя о предполагаемом манипулировании демографической и культурной средой в домах перемещенных лиц, Суд, как и Комиссия, считает, что нет необходимости рассматривать эту жалобу с учетом сделанного им выше вывода о продолжении нарушение статьи 8 Конвенции.

177. Кроме того, Суд считает целесообразным изучить доводы государства-заявителя по вопросу разделения семей (см. Пункт 166 выше) в контексте их утверждений относительно условий жизни киприотов-греков Карпаса.

2. Статья 1 Протокола № 1.

178. Правительство-заявитель утверждало, что продолжающийся отказ государства-ответчика разрешить возвращение перемещенных лиц на северный Кипр не только лишил их доступа к их собственности там, но также не позволял им использовать, продавать, передавать по наследству, закладывать, развивать и пользоваться ею. По их мнению, продолжаются нарушения всех компонентов права на беспрепятственное владение имуществом, гарантированного статьей 1 Протокола N 1 к Конвенции, которая гласит:

«Каждое физическое или юридическое лицо имеет право беспрепятственно пользоваться своим имуществом. Никто не может быть лишен своего имущества иначе как в общественных интересах и на условиях, предусмотренных законом и общими принципами международного права.

Предыдущие положения, однако, никоим образом не ущемляют право государства обеспечивать соблюдение таких законов, которые оно считает необходимыми для контроля за использованием собственности в соответствии с общими интересами или для обеспечения уплаты налогов или других взносов или штрафов. »

179. Правительство-заявитель утверждало, что государство-ответчик проводило систематическую и постоянную политику вмешательства в недвижимое имущество перемещенных лиц. Они заявили, в частности, что рассматриваемая собственность, от которой перемещенные лица были незаконно лишены права собственности после их выселения с севера, была передана во владение Турции. Затем были предприняты шаги для «легализации» незаконного присвоения собственности и ее передачи «государственным» органам, киприотам-туркам и поселенцам с материковой части Турции. Это было осуществлено посредством передачи «титулов» их новым владельцам. Никакой компенсации жертвам этих вмешательств не присуждалось. Кроме того, были приняты конкретные меры по освоению и эксплуатации земель, принадлежащих перемещенным лицам, в коммерческих целях.

180. По мнению государства-заявителя, продолжающееся нарушение прав собственности явно влечет за собой ответственность государства-ответчика в соответствии с Конвенцией с учетом выводов, к которым пришел Суд в своем решении по делу Лоизиду (по существу). Совершенно независимо от этого соображения государство-заявитель указало, что, поскольку государство-ответчик пыталось оправдать вмешательство в имущественные права перемещенных лиц, ссылаясь на

отступление, содержащееся в статье 1 Протокола № 1, «законный» использованные меры обязательно должны были считаться недействительными, поскольку они исходили от незаконного сепаратистского образования и не могли по этой причине считаться соответствующими качественным требованиям, присущим понятию «предусмотренных законом».

181. Комиссия отметила, что жалобы государства-заявителя были по существу направлены на «законодательство» и общепризнанную административную практику властей «ТРСК». В связи с этим от пострадавших лиц не требовалось прибегать к каким-либо внутренним средствам правовой защиты, при этом Комиссия отметила, что в любом случае не представляется возможным наличие каких-либо средств правовой защиты для перемещенных киприотов-греков, лишенных своей собственности на северном Кипре.

182. Что касается существа дела, Комиссия сочла, что характер предполагаемого вмешательства в имущественные права перемещенных киприотов-греков был по существу таким же, как вмешательство, на которое г-жа Лоизиду жаловалась в своем заявлении. Хотя это заявление касалось одного конкретного случая общей административной практики, к которой относятся жалобы в настоящем деле, аргументация Суда в пунктах 63 и 64 его Постановления по делу Лоизиду (по существу) (стр. 2237-38) также должна применяться к административным практика как таковая.

183. Комиссия, в основном по причинам, изложенным Судом в вышеупомянутом решении, пришла к выводу, что в течение рассматриваемого периода имело место продолжающееся нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции в силу того факта, что владельцы-греки-киприоты собственности на северном Кипре были лишены доступа и контроля, использования и пользования своей собственностью, а также в какой-либо компенсации за вмешательство в их права собственности.

184. Суд согласен с анализом Комиссии. Он отмечает, что Комиссия сочла установленным на основании доказательств того, что по крайней мере с июня 1989 года власти «ТРСК» больше не признавали никаких прав собственности киприотов-греков в отношении их собственности на северном Кипре (см. Параграф 32 выше). Это предполагаемое лишение имущества, о котором идет речь, было воплощено в конституционном положении «Статья 159 Конституции ТРСК» и получило практическую силу в «Законе No. 52/1995 ». Казалось бы, законность вмешательства в собственность перемещенных лиц неоспорима в судах «ТРСК». Соответственно, от заинтересованных лиц не требуется использовать внутренние средства правовой защиты для защиты своих жалоб.

185. Суд далее отмечает, что суть жалоб государства-заявителя заключается не в том, что имело место формальное и незаконное отчуждение собственности перемещенных лиц, а в том, что эти лица из-за продолжающегося отказа в доступе к своей собственности потеряли все контроль над своей землей, а также возможность пользоваться ею. Как Суд отмечал ранее (см. Параграфы 172-73 выше), физическое изгнание киприотов-греков с территории северного Кипра осуществляется в соответствии с политикой или практикой «ТРСК». Соответственно, требование исчерпания не применяется в этих обстоятельствах.

186. Суд напоминает о своем заключении в решении по делу Лоизиду (по существу), что этот конкретный заявитель не мог считаться утратившим право собственности на свою собственность в силу действия «статьи 159 Конституции ТРСК», положения, которое он признал недействительным для целей Конвенции (стр. 2231, § 44). На этот вывод не влияет действие Закона № 52/1995 ». Он добавляет, что, хотя последняя не использовалась в Суде в деле Лоизиду, она не может иметь больше юридической силы, чем ее исходная «статья 159», которую он призван применять.

187. Суд убежден в том, что его доводы и выводы в решении по делу Лоизиду (по существу) применимы в равной степени к перемещенным киприотам-грекам, которые, как и г-жа Лоизиду, не могут получить доступ к своей собственности на северном Кипре из-за ограничений, наложенных властями «ТРСК» об их физическом доступе к этой собственности. Продолжающийся и полный отказ в доступе к своей собственности является явным вмешательством в право перемещенных киприотов-греков на мирное владение имуществом по смыслу первого предложения статьи 1 Протокола № 1. Он также отмечает, что, как что касается предполагаемой экспроприации, перемещенным лицам не была выплачена компенсация за вмешательство, от которого они пострадали и продолжают страдать в отношении их прав собственности.

188. Суд отмечает, что государство-ответчик в ходе разбирательства в Комиссии стремилось оправдать вмешательство ссылкой на межобщинные переговоры и на необходимость переселения перемещенных турецко-кипрских беженцев. Однако аналогичные доводы были представлены государством-ответчиком в деле Лоизиду и были отклонены в решении по существу (стр. 2237-38, § 64). Суд не видит причин в настоящем деле пересматривать эти оправдания.

189. По указанным выше причинам Суд приходит к выводу, что имеет место продолжающееся нарушение статьи 1 Протокола № 1 в силу того факта, что владельцам собственности из числа греков-киприотов на севере Кипра отказывают в доступе и контроле, использовании и пользовании своей недвижимостью. собственность, а

также любую компенсацию за вмешательство в их имущественные права.

3. Статья 13 Конвенции.

190. Правительство-заявитель утверждало, что явная неспособность государства-ответчика предоставить эффективное или даже какое-либо средство правовой защиты перемещенным лицам в отношении нарушений статьи 8 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции является явным нарушением статьи 13 Конвенции. Конвенция, которая предусматривает:

«Каждый, чьи права и свободы, изложенные в [Конвенции], нарушены, должен иметь эффективное средство правовой защиты в национальном органе, даже если нарушение было совершено лицами, действовавшими в официальном качестве».

191. Правительство-заявитель в основном одобрило доводы, которые привели Комиссию к установлению нарушения статьи 13.

192. Комиссия сослалась на свой вывод о том, что права перемещенных лиц, предусмотренные статьей 8 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1, были нарушены в порядке административной практики. Поскольку эта практика была закреплена в «законодательстве» «ТРСК», Комиссия отметила, что не было предусмотрено никаких положений, позволяющих киприотам-грекам оспаривать свое физическое изгнание с территории северного Кипра. В связи с этим Комиссия установила, что у перемещенных лиц не было средств правовой защиты, чтобы оспорить вмешательство в их права по этим статьям, и что, как следствие, имело место нарушение статьи 13.

193. Суд отмечает, что в ходе разбирательства в Комиссии государство-ответчик утверждало, что до выработки согласованного политического решения общей кипрской проблемы не может быть и речи о праве перемещенных лиц на возвращение в дома и собственность, которые они покинули северный Кипр или заявили права на любую свою недвижимую собственность, переданную властям «ТРСК» на основании «статьи 159 Конституции ТРСК» и переданную киприотам-туркам с полными титулами в соответствии с имплементирующим «Законом № . 52/1995 ». Правительство-ответчик не утверждало перед Комиссией, что перемещенные лица могут воспользоваться внутренними средствами правовой защиты, чтобы оспорить эту политику вмешательства в их права. Верно, Суд считает, что возражение против его применения противоречило бы заявленной политике. Суд далее напоминает в этой связи, что в отношении нарушений, заявленных в соответствии со статьей 8 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1, он пришел к выводу, что не возникло никаких проблем в отношении требования об исчерпании средств правовой

защиты. Он ссылается на причины, подтверждающие эти выводы (см. Пункты 171-75 и 184-89 выше).

194. По этим причинам Суд, как и Комиссия, заключает, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции из-за того, что государство-ответчик не предоставило киприотам-грекам, не проживающим на северном Кипре, какие-либо средства правовой защиты для оспаривания вмешательства в их права в соответствии с Статьей 8 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1.

4. Статья 14 Конвенции в совокупности со статьями 8 и 13 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1.

195. Правительство-заявитель заявило, что административная практика, «законодательство» и «конституционные положения», о которых идет речь, нарушают не только права, гарантированные статьей 8 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1, но и направлены исключительно против киприотов-греков, не проживающих в Северный Кипр, также статья 14 Конвенции. Статья 14 Конвенции гласит:

«Осуществление прав и свобод, изложенных в [Конвенции], должно обеспечиваться без дискриминации по любому признаку, например, по полу, расе, цвету кожи, языку, религии, политическим или другим убеждениям, национальному или социальному происхождению, принадлежности к национальному меньшинству, имуществу, рождению или другой статус».

196. Развивая свои доводы, государство-заявитель утверждало, что целью государства-ответчика была дискриминация греков и греков-киприотов, поскольку только эти категории лиц лишены права приобретать недвижимое имущество в «ТРСК». Другим «иностранцам», таким как британские пенсионеры, ничто не препятствовало в приобретении недвижимого имущества в «ТРСК», в том числе имущества, которое было «оставлено» перемещенными лицами из числа греков-киприотов. Более того, турки из Турции, не проживающие в «ТРСК», не рассматривались как бросившие свою собственность, и им разрешалось приобретать новые владения недвижимостью или дома.

197. Правительство-заявитель также утверждало, что на практике государство-ответчик на дискриминационной основе не предоставило средств правовой защиты киприотам-грекам и грекам в отношении их прав собственности. По их мнению, имело место нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 13.

198. Комиссия пришла к выводу, что вмешательство в права, предусмотренные статьей 8 Конвенции и статьей 1 Протокола № I, касалось исключительно киприотов-греков, не проживающих на северном Кипре, и было наложено на них именно по той причине, что они принадлежали к этому классу лиц. Соответственно, имело место нарушение статьи 14 в совокупности со статьей 8 Конвенции и статьей

1 Протокола № 1. Комиссия не вынесла решения по жалобе государства-заявителя на нарушение статьи 13 в совокупности со статьей 14.

199. Суд считает, что в обстоятельствах настоящего дела жалобы государства-заявителя по этому заголовку фактически равносильны тем же жалобам, хотя и с другой точки зрения, что и жалобы, которые Суд уже рассматривал в отношении статей 8 и 13. Конвенции и статьи 1 Протокола № 1. Суд установил, что эти статьи были нарушены. Он считает, что нет необходимости проверять, имело ли место в данном случае нарушение статьи 14 в совокупности с этими статьями в связи с предполагаемым дискриминационным обращением с киприотами-греками, не проживающими на северном Кипре, в отношении их прав на уважение своих прав, дома, к мирному пользованию своим имуществом и к эффективному средству правовой защиты.

5. Статья 3 Конвенции.

200. Правительство-заявитель утверждало, что обращение, которому подверглись перемещенные лица, является нарушением статьи 3 Конвенции, которая гласит:

«Никто не должен подвергаться пыткам или бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию».

201. Правительство-заявитель утверждало, что Суд должен установить нарушение статьи 3, поскольку, по их мнению, обращение, в первую очередь, выделяет категории лиц по расовым и этническим признакам, подвергает их серьезным лишениям, отказывает им в соблюдении их прав по Конвенции или вмешивается в их права, а также совершает так конкретно и публично, это поведение, которое является оскорблением человеческого достоинства вплоть до бесчеловечного обращения.

202. Комиссия сочла, что нет необходимости исследовать, является ли рассматриваемая дискриминация также бесчеловечным или унижающим достоинство обращением по смыслу статьи 3, с учетом ее вывода по статье 14.

203. Принимая во внимание свой собственный вывод по жалобам государства-заявителя на нарушение статьи 14 Конвенции (см. Параграфы 195 и 199 выше), а также его вывод о нарушении статей 8 и 13 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, Суд, со своей стороны, не считает необходимым рассматривать, приводят ли заявленные факты также к нарушению статьи 3 Конвенции.

6. Статьи 17 и 18 Конвенции.

204. Правительство-заявитель утверждало, что обстоятельства дела свидетельствуют о нарушении статей 17 и 18 Конвенции, которые гласят:

Статья 17.

«Ничто в [Конвенции] не может быть истолковано как подразумевающее для любого государства, группы или лица какое-либо право участвовать в любой деятельности или совершать какие-либо действия, направленные на уничтожение любого из прав и свобод, изложенных в настоящем документе, или на их ограничение в большей степени, чем это предусмотрено в Конвенции ».

Статья 18.

«Ограничения, разрешенные [Конвенцией] в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться ни для каких целей, кроме тех, для которых они были установлены».

205. Правительство-заявитель утверждало, что статья 17 была нарушена, поскольку государство-ответчик ограничивало права и свободы лиц, в основном киприотов-греков, в большей степени, чем это предусмотрено Конвенцией. Они также утверждали, что государство-ответчик применило ограничения прав, предусмотренных Конвенцией, с целью, отличной от той, для которой они были установлены, в нарушение статьи 18 Конвенции.

206. Суд считает, что нет необходимости отдельно рассматривать эти жалобы, принимая во внимание выводы, к которым он пришел по жалобам государства-заявителя в соответствии со статьями 8 и 13 Конвенции и статьей 1 Протокола N 1 к Конвенции.

V. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ КИПРИОТОВ-ГРЕКОВ НА СЕВЕРЕ КИПРА

207. Правительство-заявитель утверждало, что условия жизни, в которых находились киприоты-греки, оставшиеся на севере, привели к существенным нарушениям Конвенции. Они подчеркнули, что эти нарушения были совершены на практике и были направлены против истощенного и в настоящее время в основном пожилого населения, проживающего в районе Карпас на севере Кипра, в рамках политики этнической чистки, успех которой можно было измерить по факту, что из примерно 20 000 киприотов-греков, проживавших на Карпасе в 1974 году, в настоящее время осталось только 429 человек. Марониты, из которых в настоящее время 177 человек все еще живут на северном Кипре, также работали в условиях аналогичных, хотя и менее суровых ограничений.

208. Правительство-заявитель сослалось на статьи 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 11, 13, 14 Конвенции и статьи 1 и 2 Протокола N 1 к Конвенции.

А. Что касается фактов, установленных Комиссией

209. В качестве общего аргумента государство-заявитель утверждало, что Комиссия в отношении некоторых из их жалоб ошибочно пришла к выводу, вопреки весомости доказательств, об отсутствии нарушения Конвенции. По утверждению государства-заявителя, выводы Комиссии по таким вопросам, как ограничения на ввоз других книг, кроме школьных, вмешательство в переписку и отказ в доступе к медицинским услугам противоречили не только письменным и устным показаниям свидетелей, но и четким выводам, содержащимся в «Кратком изложении Карпаса» (см. пункт 36 выше), и обзорам действий, предпринятых властью «ТРСК», чтобы претворить в жизнь предложения по устранению страданий, причиненных греко-кипрскому и маронитскому населению в результате административной практики нарушения их прав по Конвенции. Правительство-заявитель также утверждало, что свидетели, число которых, к сожалению, было ограничено, имели ограниченное время, чтобы рассказать о своем опыте делегатам Комиссии. Кроме того, адвокатам государства-заявителя оставалось лишь ничтожно мало времени, чтобы изложить все относящиеся к делу факты после показаний свидетелей.

210. Правительство-заявитель настаивало на том, чтобы Суд принял во внимание эти и другие недостатки в сборе доказательств при рассмотрении выводов Комиссии. Они также заявили, что относительно тяжелого положения маронитов, проживающих на северном Кипре, Суд должен подготовить и изучить Гуманитарный обзор, составленный в отношении этой общины. В этой связи они отметили, что Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций предложил опубликовать Обзор в ходе разбирательства в Комиссии. Однако возражение государства-ответчика не позволило приобщить его к материалам дела.

211. Суд напоминает, что Комиссия установила факты со ссылкой, среди прочего, на устные показания свидетелей, предложенных обеими сторонами. Он также напоминает, что отклонил критику государства-заявителя в отношении того, как делегаты заслушивали доказательства, и вновь подтверждает, что заслушивание свидетелей было организовано таким образом, чтобы уважать принцип процессуального равенства между обеими сторонами (см. Параграфы 110-11 выше). Кроме того, следует отметить, что с целью установления фактов Комиссия широко использовала документальные материалы, включая «Краткое изложение Карпаса» об условиях жизни проживающего в анклав греко-кипрского населения на севере Кипра и ООН. Генеральный секретарь сообщает о ходе реализации предложений по исправлению положения, сформулированных в записке.

212. Суд отмечает, что государство-заявитель принимает большую часть фактов, установленных Комиссией. Их критика направлена на

определенные выводы, которые Комиссия сделала на основании этих фактов. Со своей стороны, и принимая во внимание всесторонний и тщательный анализ доказательств, проведенный Комиссией, Суд не считает, что существуют какие-либо исключительные обстоятельства, которые заставили бы его отклониться от фактов, установленных Комиссией. С другой стороны, он внимательно изучит, подтверждают ли факты все жалобы государства-заявителя. Суд повторяет, что будет делать это, используя стандарт доказывания «вне разумных сомнений», в том числе в отношении предполагаемого существования административной практики нарушения прав, предусмотренных Конвенцией (см. Пункты 114-15 выше).

213. Что касается запроса государства-заявителя о получении Гуманитарного обзора, касающегося условий жизни маронитской общины на северном Кипре, Суд отмечает, что государство-ответчик не подало сигнал о том, что оно сняло свой протест против публикации документа. Он отмечает, что в любом случае основные аспекты обзора были обнаружены и включены в материалы дела.

214. Суд отмечает, что Комиссия при рассмотрении по существу жалоб правительства-заявителя произвела общую оценку условий жизни киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, с точки зрения статей 3, 8 и 14 Конвенции. В то же время Комиссия рассмотрела по существу жалобы на условия жизни согласно соответствующей статье Конвенции (статьи 2, 5, 6, 9, 10 и 11 Конвенции и статьи 1 и 2 Протокола № 1), рассматривая в рамках своей глобальной оценки конкретные жалобы, поданные государством-заявителем в соответствии со статьей 8, относительно вмешательства в право киприотов-греков Карпаса на уважение их частной и семейной жизни, жилища и корреспонденции. Принимая во внимание тот факт, что Правительство-заявитель

215. Соответственно, Суд будет следовать подходу Комиссии в этом отношении.

Б. Что касается существа жалоб Правительства-заявителя

1. Статья 2 Конвенции.

216. Правительство-заявитель утверждало, что ограничение возможности проживающих в анклав греков-киприотов и маронитов получать медицинское лечение и отказ предоставить или разрешить получение адекватных медицинских услуг явились нарушением статьи 2 Конвенции.

217. По их мнению, государство-ответчик с точки зрения административной практики должно считаться неспособным защитить право на жизнь этих сообществ, учитывая отсутствие на северном

Кипре адекватных служб экстренной помощи и специализированных служб, а также гериатрической помощи. В подтверждение своего утверждения государство-заявитель отметило, что престарелые киприоты-греки были вынуждены переселиться на юг для получения надлежащего ухода и внимания.

218. Комиссия установила, что не было нарушения статьи 2 в связи с отказом в доступе к медицинским услугам киприотам-грекам и маронитам, проживающим на северном Кипре. В этой связи он посчитал, что, хотя в отдельных случаях могли быть недостатки, в целом им был доступен доступ к медицинским услугам, включая больницы на юге. Ввиду этого заключения Комиссия не сочла необходимым рассматривать, были ли исчерпаны в отношении этой жалобы какие-либо внутренние средства правовой защиты, которые могли быть доступны в «ТРСК».

219. Суд отмечает, что может возникнуть проблема в соответствии со статьей 2 Конвенции, когда показано, что власти Договаривающегося государства подвергают жизнь человека риску, отказывая в медицинской помощи, которую они обязались предоставить населению в целом. Он отмечает в этой связи, что пункт 1 статьи 2 Конвенции обязывает государство не только воздерживаться от умышленного и незаконного убийства, но также принимать соответствующие меры для защиты жизни лиц, находящихся под его юрисдикцией (см. *the United Kingdom*) от 9 июня 1998 г., Reports 1998-III, p. 1403, § 36). Однако он отмечает, что Комиссия не смогла установить на основании доказательств, что власти «ТРСК» умышленно отказывали в медицинской помощи соответствующему населению или применяли практику откладывания обработки запросов пациентов на лечение на юге страны. Он отмечает, что в течение рассматриваемого периода посещения врачей действительно затруднялись из-за ограничений, наложенных властями «ТРСК» на передвижение соответствующих групп населения, и что в некоторых случаях задержки действительно имели место. Однако не установлено, что жизнь каких-либо пациентов подвергалась опасности из-за задержки в отдельных случаях. Следует также отметить, что ни киприоты-греки, ни марониты не лишены возможности пользоваться медицинскими услугами, включая больницы на севере. Правительство-заявитель критически относится к уровню здравоохранения, доступному на севере. Однако Суд не считает необходимым рассматривать в этом деле степень, в которой статья 2 Конвенции может налагать на Договаривающееся государство обязательство по обеспечению определенного стандарта медицинской помощи.

220. Суд также отмечает, что трудности, с которыми общины киприотов-греков и маронитов сталкиваются в рассматриваемой области здравоохранения, в основном связаны с контролем,

установленным в отношении их свободы передвижения. Эти меры контроля являются результатом административной практики, которую нельзя оспорить в судах «ТРСК» (см. Пункт 41 выше). В связи с этим Суд считает, что вопрос о неисчерпании средств правовой защиты не подлежит рассмотрению.

221. Суд приходит к выводу, что нарушение статьи 2 Конвенции не было установлено в силу предполагаемой практики отказа в доступе к медицинским услугам киприотам-грекам и маронитам, проживающим на северном Кипре.

222. Суд вернется к жалобе государства-заявителя в отношении предполагаемого вмешательства в доступ к медицинским учреждениям в контексте общей оценки соблюдения статьи 8 Конвенции (см. Параграфы 281 и последующие ниже).

2. Статья 5 Конвенции.

223. Правительство-заявитель утверждало, что доказательства ясно подтверждают, что личная безопасность проживающих в анклав киприотов-греков была нарушена на практике. Правительство-заявитель ссылалось в этом отношении на статью 5 Конвенции, соответствующая часть которой гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность ... »

224. По утверждению государства-заявителя, Комиссия ошиблась в своем заключении о том, что эта Жалоба не подтверждена доказательствами. Правительство-заявитель утверждало, что письменные и устные показания свидетелей ясно продемонстрировали уязвимость и страх анклава населения, а также безнаказанность, с которой могли действовать лица, виновные в преступлениях против личности и собственности. Что касается последнего пункта, государство-заявитель отметило, что, несмотря на уведомление о жалобах, полиция не предприняла никаких действий и без установления личности нападавших и подозреваемых гражданский иск, даже при наличии средств правовой защиты, был невозможен. Они подчеркнули, что необходимо учитывать тот факт, что жертвы этих преступных действий были в возрасте и что показания, данные некоторыми свидетелями делегатам Комиссии, должны рассматриваться на фоне их страха перед мстью.

225. Комиссия отметила, что за рассматриваемый период не было случаев фактического задержания проживающих в анклав киприотов-греков; он также не нашел, что утверждения об угрозах личной безопасности были обоснованными. В этих обстоятельствах не рассматривался вопрос об исчерпании внутренних средств правовой защиты. Он пришел к выводу, что нарушения статьи 5 не было.

226. Суд отмечает, что государство-заявитель не утверждало, что какие-либо члены анклавного греко-кипрского населения действительно были задержаны в течение рассматриваемого периода. Их жалоба связана с уязвимостью пожилого и сокращающегося населения перед угрозой агрессии и преступности и общим чувством незащищенности. Однако Суд считает, что это вопросы, которые выходят за рамки статьи 5 Конвенции и более уместно рассматривать в контексте его общей оценки условий жизни киприотов-греков Карпаса с точки зрения требований статьи 8 (см. Параграф 281 и последующие ниже).

227. По вышеуказанной причине Суд заключает, что нарушения статьи 5 Конвенции не было.

3. Статья 6 Конвенции.

228. Правительство-заявитель, ссылаясь на свои предыдущие аргументы по вопросу о внутренних средствах правовой защиты, поднятые в контексте предварительных вопросов (см. Параграфы 83-85 выше), утверждало, что киприотам-грекам на северном Кипре было отказано в праве иметь свои гражданские права и обязанности, определяется независимыми и беспристрастными судами, установленными законом. Они просили Суд установить нарушение статьи 6 Конвенции, которая предусматривает следующее:

«1. При определении его гражданских прав и обязанностей ... каждый имеет право на справедливое ... разбирательство дела ... независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона ... »

229. Правительство-заявитель критиковало то, что Комиссия не приняла во внимание существенную незаконность режима, в котором функционируют суды «ТРСК». Они утверждали в этой связи, что нельзя утверждать, что эти суды были «учреждены законом» в значении статьи 6, как она интерпретируется в прецедентной практике Суда. К сожалению, Комиссия ошибочно сочла, что суды «ТРСК» имели достаточную правовую основу в «конституционно-правовой системе ТРСК». Кроме того, Комиссия упустила из виду явные доказательства, подтверждающие Правительство-заявитель. с точки зрения, что проживающее в анклавном греко-кипрское население не верило в независимость и беспристрастность судебной системы и что любые решения, которые могли быть вынесены в пользу истцов, были лишены смысла из-за запугивания со стороны турецких поселенцев. К этому следовало добавить факты, во-первых, отсутствие системы юридической помощи, которая могла бы облегчить возбуждение дела, и, во-вторых, сами власти ничего не сделали для предотвращения запугивания со стороны поселенцев, в результате чего судебные решения оставались неисполненными. Кроме того, необходимо было

должным образом учесть тот факт, что возможность возбуждения судебного разбирательства была нарушена из-за ограничений, наложенных на передвижение проживающих в анклав киприотов-греков и, следовательно, на их доступ к судам. По утверждению государства-заявителя,

230. Комиссия установила на основании фактов, что киприотам-грекам, проживающим на севере Кипра, не препятствовали подавать гражданские иски в суды «ТРСК». В заключении Комиссии, государство-заявитель не изложило свои утверждения о существовании практики отказа в доступе к суду в «ТРСК».

231. Что касается утверждения государства-заявителя о том, что суды «ТРСК» не соответствовали критериям, изложенным в статье 6, Комиссия отметила, во-первых, что в институциональной структуре правовой системы «ТРСК» не было ничего, что могло бы вызвать сомнения. о независимости и беспристрастности гражданских судов или субъективной и объективной беспристрастности судей, и, во-вторых, эти суды функционировали на основе внутреннего права «ТРСК», несмотря на незаконность в соответствии с международным правом «ТРСК» претензии на государственность. Комиссия нашла поддержку этой точки зрения в Консультативном заключении Международного Суда по делу Намибии (см. Пункт 86 выше). Более того, в Комиссии '

232. Соответственно, Комиссия пришла к выводу, что в течение рассматриваемого периода не было нарушения статьи 6 Конвенции в отношении киприотов-греков, проживающих на северном Кипре.

233. Суд отмечает, что государство-заявитель ограничило свои доводы по этому вопросу гражданской частью статьи 6 Конвенции. Он напоминает в этой связи, что первый абзац статьи 6 воплощает право на доступ к суду или трибуналу в отношении споров по гражданским правам или обязанностям, которые, как можно сказать, по крайней мере на спорных основаниях, признаются национальным законодательством; само по себе оно не гарантирует какого-либо конкретного содержания таких прав и обязательств в материальном праве Договаривающегося Государства (см., в частности, решение по делу Литгоу и другие против Соединенного Королевства от 8 июля 1986 г., Серия А, № 102, С. 70, § 192). Кроме того, суд или Трибунал характеризуется в основном смысле этого слова своей судебной функцией, то есть определяет вопросы, входящие в его компетенцию, на основе норм права и после судебного разбирательства, проведенного в установленном порядке. Он также должен удовлетворять ряду дополнительных требований - независимость, в частности, от исполнительной власти; беспристрастность; продолжительность срока полномочий его членов; гарантии, предоставляемые его процедурой, некоторые из которых фигурируют в тексте пункта 1 статьи 6 (см., среди прочего, решение по

делу Белилос против Швейцарии от 29 апреля 1988 г., Series A, № 132, стр. 29, § 64).

234. Суд отмечает, что государство-заявитель утверждает, что проживающим в анклав греко-киприотским населением в порядке административной практики не разрешается подавать гражданские иски в суды «ТРСК». Однако это утверждение расходится с показаниями свидетелей, заслушанных делегатами, включая свидетелей, предложенных государством-заявителем. Этому также противоречат письменные доказательства, представленные Комиссии. Совершенно очевидно, что киприоты-греки, проживающие на севере, время от времени успешно подавали иски в суд в защиту своих прав собственности (см. Пункт 39 выше), и им не запрещают обращаться в местные суды по причинам расы, языка или этнического происхождения. Комиссия согласилась с этим на основании фактов, и Суд не оспаривает вывод Комиссии. Для Суда, государство-заявитель должно доказать, что суды были признаны безуспешными. В отсутствие этого его просят поразмышлять по существу их иска. Правда, количество исков анклавного населения ограничено. Однако это само по себе не подтверждает утверждение государства-заявителя, особенно если принять во внимание тот факт, что население является старым и малочисленным и, по причинам лояльности, возможно, психологически не склонно ссылаться на юрисдикцию созданных судов со стороны «ТРСК».

235. Суд также считает, что на этот вывод не влияет тот факт, что некоторые вопросы, которые могут серьезно сказаться на повседневной жизни находящихся в анклав киприотов-греков, не подлежат обжалованию в судах «ТРСК», например, ограничения их свободы передвижения или их право завещать собственность членам семьи на юге (см. параграфы 40-41 выше). Однако, по мнению Суда, эти меры, воплощенные в политике или «законодательстве», должны рассматриваться с точки зрения эффективности средств правовой защиты по смыслу статьи 13 Конвенции и их совместимости с другими соответствующими материально-правовыми положениями Конвенции и его протоколы. Наличие таких мер не улучшает дело государства-заявителя относительно предполагаемой административной практики нарушения статьи 6.

236. Что касается оспаривания государством-заявителем самой законности судебной системы «ТРСК», Суд отмечает, что они выдвинули аналогичные аргументы в контексте предварительного вопроса, касающегося требования об исчерпании внутренних средств правовой защиты в отношении жалоб, охватываемых настоящей жалобой. (см. пункты 83-85 выше). Суд пришел к выводу, что, несмотря на незаконность «ТРСК» с точки зрения международного права, нельзя исключать, что от заявителей могут потребовать подать свои жалобы,

среди прочего, в местные суды с целью получения компенсации. Он далее указал в этой связи, что его основная задача в этом отношении заключалась в обеспечении, с точки зрения системы Конвенции,

237. Суд отмечает на основании доказательств, представленных в Комиссию (см. Пункт 39 выше), что в «ТРСК» существует действующая судебная система для урегулирования споров, касающихся гражданских прав и обязанностей, определенных в «национальном законодательстве» и доступная для греко-кипрское население. Как отметила Комиссия, судебная система по своему функционированию и процедурам отражает судебные и общеправовые традиции Кипра (см. Пункт 231 выше). По его мнению, с учетом того факта, что именно «внутреннее законодательство ТРСК» определяет сущность этих прав и обязанностей в интересах населения в целом, из этого следует, что национальные суды, учрежденные «законом», »ТРСК, являются форумами для их исполнения. Для Суда,

По мнению Суда, любой другой вывод нанесет ущерб общине киприотов-греков и приведет к лишению лиц из этой общины возможности вынести судебное решение по основанию иска против частного или государственного органа (см. 96 выше). В этой связи следует отметить, что доказательства подтверждают, что киприоты-греки успешно предприняли судебные действия в защиту своих гражданских прав.

238. Суд добавил, что его вывод по этому вопросу никоим образом не является признанием, подразумеваемым или иным образом, претензии «ТРСК» на государственность (см. Параграфы 61, 90 и 92 выше).

239. Суд отмечает, что государство-заявитель оспаривает независимость и беспристрастность судебной системы «ТРСК» с точки зрения местного населения греков-киприотов. Однако Комиссия отклонила это утверждение на основании фактов (см. Параграф 231 выше). Принимая во внимание свою собственную оценку доказательств, Суд принимает этот вывод.

240. По указанным выше причинам Суд заключает, что нарушение статьи 6 Конвенции не было установлено в отношении киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, в связи с предполагаемой практикой отказа в справедливом судебном разбирательстве независимым и беспристрастным судом при вынесении решения. своих гражданских прав и обязанностей.

4. Статья 9 Конвенции.

241. Правительство-заявитель утверждало, что факты свидетельствуют о вмешательстве в право проживающих в анклав киприотов-греков исповедовать свою религию в нарушение статьи 9 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мысли, совести и религии; это право включает свободу менять свою религию или убеждения, а также свободу исповедовать свою религию или убеждения, как самостоятельно, так и совместно с другими, публично или в частном порядке, в богослужении, обучении, отправлении религиозных обрядов и соблюдении норм.

2. Свобода исповедовать свою религию или убеждения подлежит только таким ограничениям, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах общественной безопасности, для защиты общественного порядка, здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других ».

242. Правительство-заявитель утверждало, что вмешательство в права заинтересованного населения в соответствии со статьей 9 было отражено в политике «ТРСК» по ограничению свободы передвижения и тем самым ограничения доступа к местам отправления культа. Правительство-заявитель также осудило отказ «ТРСК» назначить дополнительных священников в этом районе. Они поддержали выводы Комиссии по фактам и ее вывод о том, что имело место нарушение статьи 9. Они добавили, что аналогичное нарушение должно быть обнаружено в отношении маронитского населения, проживающего на северном Кипре, в связи с тем, что это население также имело бороться с ограничениями своего права посещать святыне места в северной части Кипра и ухаживать за ними.

243. Комиссия отметила, что наличие ряда мер ограничивает религиозную жизнь проживающего в анклавe греко-кипрского населения. В этой связи он отметил, что, по крайней мере, до недавнего времени, были наложены ограничения на их доступ к монастырю Апостола Андрея, а также на их способность выезжать за пределы своих деревень для участия в религиозных церемониях. Кроме того, власти «ТРСК» не одобрили назначение дополнительных священников для этого района, поскольку на весь район Карпаса был только один священник. По мнению Комиссии, эти ограничения препятствовали организации греческих православных религиозных церемоний в нормальном и регулярном порядке и составляли нарушение статьи 9 Конвенции. По мнению Комиссии, не существовало эффективных средств правовой защиты в отношении обжалуемых мер.

244. Соответственно, Комиссия пришла к выводу, что в течение рассматриваемого периода имело место нарушение статьи 9 Конвенции в отношении киприотов-греков, проживающих на северном Кипре.

245. Суд принимает факты, установленные Комиссией, которые не оспариваются государством-заявителем. Правительство-заявитель не утверждало, что власти «ТРСК» как таковые вмешивались в право греко-кипрского населения исповедовать свою религию в одиночку или в компании других. Действительно, свидетельств такого вмешательства нет. Однако ограничения, наложенные на свободу передвижения этого

населения в течение рассматриваемого периода, значительно ограничили их способность соблюдать свои религиозные убеждения, в частности их доступ к местам отправления религиозных обрядов за пределами своих деревень и их участие в других аспектах религиозной жизни.

246. Суд заключает, что имело место нарушение статьи 9 Конвенции в отношении киприотов-греков, проживающих на севере Кипра.

247. Суд отмечает, что государство-заявитель просило его сделать аналогичный вывод в отношении общины маронитов, проживающих на северном Кипре. Однако он считает, что имеющихся доказательств недостаточно, чтобы доказать вне всяких разумных сомнений, что члены этой общины были предвзяты в той же степени, что и кипрско-греческое население на севере, при осуществлении своего права на свободу религии. Таким образом, Суд считает, что нарушение статьи 9 не было установлено в отношении маронитов, проживающих на севере Кипра.

5. Статья 10 Конвенции.

248. Правительство-заявитель утверждало, что власти «ТРСК» проводили чрезмерную цензуру школьных учебников, ограничивали ввоз газет и книг на греческом языке и препятствовали распространению любых газет или книг, содержание которых они не одобряли. По их мнению, эти действия нарушили с точки зрения административной практики право проживающих в анклав киприотов-греков получать и распространять информацию и идеи, гарантированные статьей 10 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободное выражение своего мнения. Это право включает свободу придерживаться своего мнения и свободу получать и распространять информацию и идеи без вмешательства со стороны государственных властей и независимо от государственных границ. Настоящая статья не препятствует государствам требовать лицензирования предприятий вещания, телевидения или кино.

2. Осуществление этих свобод, поскольку оно влечет за собой обязанности и ответственность, может подлежать таким формальностям, условиям, ограничениям или штрафам, которые предписаны законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности, территориальной безопасности, добросовестности или общественной безопасности, для предотвращения беспорядков или преступлений, для защиты здоровья или нравственности, для защиты репутации или прав других, для предотвращения раскрытия информации, полученной конфиденциально, или для поддержания авторитета и беспристрастности судебная власть ».

249. Правительство-заявитель одобрило вывод Комиссии о том, что школьные учебники, предназначенные для детей греков-киприотов на севере, подвергались чрезмерным мерам цензуры. Однако в своем

представлении Комиссия не приняла во внимание достаточные доказательства, подтверждающие, что книги и газеты на греческом языке подвергались цензуре и конфисковывались властями «ТРСК». Правительство-заявитель заявило, что было бы чрезмерным доверием признать, что эти власти подвергали цензуре школьные учебники, каким бы невинным они ни были, но разрешали неограниченный ввоз книг других категорий. Правительство-заявитель полагалось на устное подтверждение некоторых свидетелей, заслушанных делегатами Комиссии, о том, что книги, как и газеты, должны были тайно ввозиться на север Кипра из опасения конфискации.

250. Комиссия установила нарушение статьи 10, поскольку власти киприотов-турок в течение рассматриваемого периода подвергали цензуре или отклоняли распространение значительного числа школьных учебников на том основании, что их содержание могло вызвать враждебность между этнические общины северного Кипра. Комиссия отметила, что книги, которые были подвергнуты цензуре или отклонены, касались таких предметов, как греческий язык, английский язык, история, география, религия, обществоведение, естественные науки, математика и музыка. Даже с учетом возможности того, что такие книги содержали материалы, свидетельствующие о взгляде государства-заявителя на историю и культуру Кипра, оспариваемые действия не соответствовали требованиям пункта 2 статьи 10. Комиссия:

251. С другой стороны, Комиссия не сочла установленным на основании доказательств того, что ограничения были наложены на ввоз газет или книг на греко-кипрском или греческом языке, кроме школьных учебников, или на прием электронных носителей. Что касается отсутствия системы распространения газет в районе Карпаса, Комиссия отметила, что она не была проинформирована о каких-либо административных мерах, препятствующих созданию такой системы.

252. Суд напоминает, что он принял факты, установленные Комиссией (см. Параграф 212 выше). При таком понимании он подтверждает вывод Комиссии о том, что имело место вмешательство в статью 10 из-за практики, принятой властями «ТРСК» по проверке содержания школьных учебников перед их распространением. В этой связи он отмечает, что, хотя процедура проверки была разработана для выявления материалов, которые могут представлять опасность для межобщинных отношений, и проводилась в контексте мер укрепления доверия, рекомендованных ВСООНК (см. Пункт 44 выше), в действительности В течение рассматриваемого периода было отмечено, что большое количество школьных учебников, независимо от их безобидного содержания, подвергалось односторонней цензуре или отклонялось властями. Следует также отметить, что в ходе разбирательства в Комиссии государство-ответчик не представило

каких-либо оправданий для этой формы широкомасштабной цензуры, которая, надо сделать вывод, намного превышала пределы методов укрепления доверия и составляла отказ в праве на свободу информации. Не похоже, чтобы какие-либо средства правовой защиты могли быть приняты для оспаривания решений властей «ТРСК» в этом отношении.

253. Суд отмечает, что государство-заявитель считает, что Комиссия ошиблась в оценке доказательств в отношении других категорий книг на греческом языке, а также газет. Он внимательно рассмотрел вопросы, на которые ссылалось государство-заявитель. Однако Суд не считает, что доказательства отдельных случаев конфискации на контрольно-пропускном пункте Ледра Палас, представленные Комиссии и выделенные государством-заявителем в меморандуме и на публичных слушаниях, подтверждают их утверждения со ссылкой на «сверх разумных сомнение» стандарт доказывания.

254. Таким образом, Суд считает, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, поскольку школьные учебники, предназначенные для использования в их начальной школе, подвергались в течение рассматриваемого периода чрезмерному износу. меры цензуры.

6. Статья 11 Конвенции.

255. Правительство-заявитель утверждало, что их жалоба по этому пункту связана с их утверждением о том, что киприоты-греки Карпаса стали жертвами вмешательства в их право на свободу собраний в нарушение статьи 11 Конвенции, которая гласит:

«1. Каждый имеет право на свободу мирных собраний и свободу ассоциации с другими, включая право создавать профессиональные союзы и вступать в них для защиты своих интересов.

2. На осуществление этих прав не могут быть наложены никакие ограничения, кроме тех, которые предусмотрены законом и необходимы в демократическом обществе в интересах национальной безопасности или общественной безопасности, для предотвращения беспорядков или преступлений, для защиты здоровья или нравственности или для защиты прав и свобод других лиц. Настоящая статья не препятствует наложению законных ограничений на осуществление этих прав служащими вооруженных сил, полиции или государственной администрации ».

256. Правительство-заявитель утверждало, что Комиссия не придала должного значения доказательствам давней политики государства-ответчика по противодействию праву анклавного населения на участие в организованных или специальных собраниях. Они утверждали, что Комиссия ошибочно установила, что препятствия для проведения двухобщинных встреч возникли только со второй половины 1996 года и, таким образом, выходили за рамки рассмотрения дела. Правительство-заявитель утверждало, что эти препятствия на самом

деле продолжались с 1974 года в связи с общей ограничительной политикой государства-ответчика в области свободы передвижения. Они утверждали, что их утверждение было подтверждено Генеральным секретарем ООН ». с замечания о мерах, принимаемых властями киприотов-турок в отношении киприотов-греков и маронитов, проживающих в северной части Кипра (документ ООН S / 1995/1020, приложение IV, 30 ноября 1995 г.). В качестве примера ограничений права на свободу собраний в течение рассматриваемого периода правительство-заявитель отметило, что власти киприотов-турок 13 ноября 1994 г. отказали греческому певцу в разрешении дать концерт в районе Карпаса. .

257. Правительство-заявитель также жаловалось, что рассматриваемая административная практика также привела к нарушению статьи 8, учитывая, что греко-кипрское и маронитское население не могло свободно собираться, встречаться или собираться либо за пределами своих деревень в «ТРСК», либо пересекая от линии прекращения огня до буферной зоны или путем посещения свободной зоны.

258. Комиссия исходила из того понимания, что существенная жалоба государства-заявителя на нарушение статьи 11 касается предполагаемого нарушения права заинтересованного населения на свободу ассоциации в смысле создания ассоциаций или присоединения к ним или участия в деятельности ассоциаций с минимальными организационными полномочиями. структура, исключение социальных контактов. Комиссия установила на основании доказательств, что в течение рассматриваемого периода не было никаких ограничений ни в одном аспекте права, как это определено. Что касается препятствий для участия проживающих в анклав киприотов-греков в двухобщинных мероприятиях, организуемых Организацией Объединенных Наций, Комиссия отметила, что в документах ООН упоминаются препятствия, которые создавались на пути межобщинных встреч со второй половины 1996 года. Однако

259. Принимая во внимание свой вывод об отсутствии нарушения права киприотов-греков, проживающих на северном Кипре, на свободу ассоциации, Комиссия сочла, что нет необходимости проверять, были ли исчерпаны какие-либо доступные средства правовой защиты в отношении утверждений правительства-заявителя.

260. Суд отмечает, что вопросы, поднятые государством-заявителем, по сути являются вопросами факта, которые были тщательно изучены Комиссией в контексте процедуры установления фактов. Он отмечает, что на основе проанализированных доказательств Комиссия сочла невозможным сделать вывод о том, что в течение рассматриваемого периода власти «ТРСК» вмешивались в попытки киприотов-греков создать свои собственные ассоциации или смешанные ассоциации с

киприотами-турками. или вмешательство в участие киприотов-греков в деятельности ассоциаций (см. пункт 258 выше). Суд соглашается с выводом Комиссии и добавляет, что доказательства не позволяют сделать вывод, вне всяких разумных сомнений,

261. Как и Комиссия, Суд также считает, что его заключение не требует от него проверки того, были ли исчерпаны какие-либо доступные внутренние средства правовой защиты в отношении этих жалоб.

262. Что касается жалоб государства-заявителя на предполагаемую практику введения ограничений на участие киприотов-греков в двухобщинных или межобщинных мероприятиях в течение рассматриваемого периода, Суд считает, что, принимая во внимание предмет этих событий, о том, что их целесообразнее рассматривать с точки зрения статьи 8 Конвенции. Он сделает это в контексте своей глобальной оценки этой статьи (см. Параграфы 281 и последующие ниже).

263. Суд приходит к выводу, что нарушение статьи 11 Конвенции не было установлено в связи с предполагаемой практикой отказа киприотам-грекам, проживающим на севере Кипра, в праве на свободу ассоциации.

7. Статья 1 Протокола № 1

264. Правительство-заявитель жаловалось, что киприоты-греки и марониты, проживающие на северном Кипре, стали жертвами нарушений их прав в соответствии со статьей 1 Протокола № 1. Они утверждали, что власти государства-ответчика незаконно вмешивались в собственность умерших киприотов-греков и маронитов, поскольку а также с имуществом лиц, решивших навсегда покинуть северную часть. Кроме того, землевладельцам было отказано в доступе к их сельскохозяйственным угодьям, расположенным за пределами трех миль от их деревень. Правительство-заявитель обратилось в Суд с просьбой подтвердить вывод Комиссии о том, что статья 1 Протокола N 1 к Конвенции была нарушена в этом отношении.

265. В дополнительном доводе государство-заявитель указало на свое утверждение о том, что третьи стороны вмешивались в собственность соответствующих лиц, независимо от того, находились ли они внутри их деревень или за пределами трехмильной зоны, и что власти «ТРСК» соглашались или терпели такое вмешательство. По мнению государства-заявителя, доказательства, представленные Комиссии, ясно продемонстрировали, что местная полиция в порядке административной практики не расследовала незаконные акты проникновения, кражи со взломом и причинения ущерба собственности, что противоречит позитивным обязательствам государства-ответчика по статье 1. Протокола № 1. Они с сожалением

отметили, что Комиссия не нашла нарушения, несмотря на наличие существенных доказательств административной практики.

266. Комиссия согласилась с доказательствами того, что не было никаких указаний на то, что в течение рассматриваемого периода имели место какие-либо случаи неправомерной передачи собственности киприотов-греков другим лицам и что собственность проживающих в стране киприотов-греков не рассматривалась как «брошенная собственность» в пределах значения «статьи 159 Конституции ТРСК» (см. параграф 184 выше). В этой связи он отметил, что местные суды вынесли решение в пользу ряда киприотов-греков, которые утверждали, что их собственность была незаконно передана в соответствии с применимыми внутренними «правилами». Однако Комиссия установила, что киприоты-греки, решившие переселиться на юг, больше не считались законными владельцами оставленной ими собственности.

267. Комиссию также не убедили в том, что наследники, проживающие на юге Кипра, будут иметь какие-либо реальные перспективы использования средств правовой защиты в судах «ТРСК» для требования прав наследования собственности умерших киприотов-греков, проживающих на севере. По мнению Комиссии, государство-ответчик не доказало к своему удовлетворению, что такое имущество не будет считаться «брошенным» при применении соответствующих «правил». В любом случае само существование этих «правил» и их применение для Комиссии несовместимы с буквой и духом статьи 1 Протокола № 1.

268. Что касается преступных действий третьих лиц, на которые ссылается Правительство-заявитель, Комиссия посчитала, что доказательства не подтверждают их утверждения о том, что власти «ТРСК» либо участвовали, либо поощряли преступный ущерб или посягательство. Он отметил, что в суды были успешно поданы несколько гражданских и уголовных исков в отношении жалоб, связанных с такими инцидентами, и что в последнее время увеличилось количество уголовных преследований.

269. Суд отмечает на основании установленных Комиссией фактов, что в отношении владения недвижимостью на севере практика «ТРСК» не проводит никакого различия между перемещенными владельцами-греками-киприотами и владельцами-греками-киприотами Карпаса, которые покидают «ТРСК». навсегда, в результате чего недвижимое имущество последнего считается «брошенным» и подлежит перераспределению третьим лицам в «ТРСК».

По мнению Суда, эти факты свидетельствуют о продолжающемся нарушении статьи 1 Протокола № 1 в отношении киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, поскольку их право на беспрепятственное пользование своим имуществом не было обеспечено в случае их постоянного выезда с этой территории. .

270. Суд также отмечает, что доказательства, полученные в отношении этой жалобы, также убедительно свидетельствуют о том, что собственность киприотов-греков на севере не может быть завещана ими в случае смерти и что она переходит к властям как «брошенная» собственность. Он отмечает, что государство-ответчик утверждало в Комиссии, что наследник может прибегнуть к средствам судебной защиты, чтобы заявить о правах наследования собственности умершего родственника-грека-киприота. Суд, как и Комиссия, не убежден в том, что судебное разбирательство может иметь какие-либо шансы на успех, принимая во внимание точку зрения государства-ответчика в ходе разбирательства в Комиссии о том, что собственность умерших киприотов-греков переходит к властям в соответствии с этим понятием. «брошенного» имущества.

Соответственно, статья 1 Протокола № 1 также была нарушена в этом отношении, учитывая, что права наследования лиц, проживающих на юге Кипра, в связи с недвижимостью на северном Кипре умерших родственников-греков-киприотов не были признаны.

271. Что касается утверждения правительства-заявителя об отсутствии защиты киприотов-греков от действий, связанных с преступным нанесением ущерба их собственности, Суд считает, что представленные доказательства не подтверждают требуемым стандартам наличие административной практики со стороны «ТРСК». власти попустительствуют таким действиям или не расследуют или не предотвращают их. Он отмечает, что Комиссия внимательно изучила устные показания свидетелей, но не смогла сделать вывод о том, что обвинение было обоснованным. Принимая во внимание свою собственную оценку доказательств, на которые ссылалось государство-заявитель, Суд принимает этот вывод. Он также отмечает, что «внутреннее законодательство» «ТРСК» предусматривает подачу гражданских исков против нарушителей и подачу уголовных жалоб против правонарушителей. Суды «ТРСК» иногда выносили решения в пользу истцов из числа киприотов-греков. Как отмечалось ранее, на основании доказательств не было установлено, что в течение рассматриваемого периода существовала административная практика отказа лицам из анклавного населения в доступе к суду для защиты своих гражданских прав (см. Параграф 240 выше).

272. Суд соответственно заключает, что нарушение статьи 1 Протокола № 1 не было установлено на основании предполагаемой практики неспособности защитить собственность киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, от вмешательства со стороны частных лиц.

8. Статья 2 Протокола № 1.

273. Правительство-заявитель утверждало, что детям киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, было отказано в возможности получения среднего образования и что родители-греки-киприоты детей среднего школьного возраста, как следствие, были лишены права обеспечивать образование своих детей в соответствии с их религиозными и религиозными убеждениями. философские убеждения. Правительство-заявитель ссылалось на статью 2 Протокола N 1 к Конвенции, которая гласит:

«Никому не может быть отказано в праве на образование. При выполнении любых функций, которые оно принимает на себя в отношении образования и обучения, государство должно уважать право родителей обеспечивать такое образование и обучение в соответствии с их собственными религиозными и философскими убеждениями».

274. Правительство-заявитель одобрило причины, приведенные Комиссией для установления нарушения вышеуказанного положения. Однако они просили Суд постановить, что это положение также было нарушено в связи с предотвращением государством-ответчиком надлежащего обучения в начальной школе до конца 1997 года. До этой даты «ТРСК» не разрешала назначение учитель начальных классов. По утверждению государства-заявителя, такая политика нарушала право детей греков-киприотов на начальное образование.

275. Комиссия, ссылаясь на принципы, изложенные Судом в деле о некоторых аспектах законов об использовании языков в образовании в Бельгии (существо дела) (решение от 23 июля 1968 г., серия А, № 6), отметила: что средние учебные заведения, которые ранее были доступны детям киприотов-греков, были упразднены властями киприотов-турок. Соответственно, законное желание киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, получить образование своих детей в соответствии с их культурными и этническими традициями, в частности с помощью греческого языка, не могло быть выполнено. Комиссия также сочла, что полное отсутствие помещений для средних школ для соответствующих лиц не может быть компенсировано властями, разрешившими ученикам посещать школы на юге, принимая во внимание тот факт, что на их возвращение на север накладывались ограничения (см. пункт 44 выше). В заключении Комиссии, практика властей киприотов-турок равносильна отрицанию права на образование по существу и нарушению статьи 2 Протокола № 1.

276. Что касается предоставления начального образования на греческом языке, Комиссия сочла, что право на образование соответствующего населения не игнорировалось кипрско-турецкими властями и что любые проблемы, возникающие в связи с вакансией на преподавательские должности, были устранены. решено.

277. Суд отмечает, что дети родителей-греков-киприотов на севере Кипра, желающие продолжить среднее образование с использованием греческого языка, обязаны переводиться в школы на юге, причем эта возможность недоступна в «ТРСК» с момента решения турецко-кипрские власти отменить его. По общему признанию, дети по достижении 12 лет могут продолжить свое образование в турецкой или англоязычной школе на севере. Соответственно, в строгом смысле нет отказа в праве на образование, которое является основным обязательством, возлагаемым на Договаривающуюся сторону в соответствии с первым предложением статьи 2 Протокола N 1 к Конвенции (см. Дело Kjeldsen, Busk Madsen and Pedersen v. Дания от 7 декабря 1976 г., Series A, т. 23, стр. 25-26, § 52). Кроме того,

278. Однако, по мнению Суда, возможность для родителей-греков-киприотов продолжить образование своих детей на севере нереалистична с учетом того факта, что указанные дети уже получили начальное образование в местной кипрско-греческой школе. Власти, несомненно, должны осознавать, что родители-греки-киприоты хотят, чтобы их дети получали образование на греческом языке. Взяв на себя ответственность за предоставление начального образования на греческом языке, отказ властей «ТРСК» обеспечить постоянное обеспечение этого образования на уровне средней школы, по сути, следует рассматривать как отрицание существования рассматриваемого права. .

279. Суд отмечает, что государство-заявитель подало дополнительную жалобу в отношении начального образования и отношения властей «ТРСК» к заполнению преподавательских должностей. Как и Комиссия, он считает, что в целом доказательства не раскрывают существования административной практики отказа в праве на образование на уровне начальной школы.

280. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд приходит к выводу, что имело место нарушение статьи 2 Протокола № 1 в отношении киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, поскольку для них не было подходящих средних школ.

С. Общее обследование условий жизни киприотов-греков на севере Кипра

1. Статья 8 Конвенции.

281. Правительство-заявитель утверждало, что государство-ответчик в порядке административной практики нарушило в различных отношениях право киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, на уважение их частной жизни и жилища. Правительство-заявитель сослалось на статью 8 Конвенции.

282. Правительство-заявитель обратилось к Суду с просьбой подтвердить вывод Комиссии о нарушении статьи 8, во-первых, в связи с разделением семей, вызванным продолжающимися ограничениями права киприотов-греков на возвращение в свои дома на севере и, во-вторых, поскольку в результате действия всех этих ограничений на население анклава.

283. В своих дополнительных объяснениях государство-заявитель утверждало, что Комиссия не сделала прямого вывода о том, что статья 8 была нарушена в силу воздействия, которое различные ограничения на свободу передвижения проживающих в анклав киприотов-греков имели в течение рассматриваемого периода их право на уважение частной жизни. Они подчеркнули в этой связи ограничения, которые не позволяли проживающим в анклав киприотам-грекам собираться или встречаться с другими людьми на неформальной или разовой основе или посещать двухобщинные встречи или другие собрания (см. Параграфы 256-57 выше). Правительство-заявитель также утверждало, что следует выявить еще одно и отдельное нарушение права на уважение частной жизни с учетом последствий, которые ограничения передвижения имели для доступа проживающих в анклав киприотов-греков к медицинскому обслуживанию (см. Пункты 216-17 выше.). В этой связи правительство-заявитель отметило, что требование получить разрешение на лечение и отказ в посещении врачами-греками-киприотами или врачами-маронитами по их выбору нарушают право киприотов-греков на севере на уважение их частной жизни.

284. Правительство-заявитель также утверждало, что представленные Комиссии доказательства ясно показали, что статья 8 была нарушена в следующих дополнительных отношениях: вмешательство властей «ТРСК» в право на уважение корреспонденции путем обысков на контрольно-пропускном пункте Ледра Палас. и конфискация писем; отказ со стороны тех же властей в течение длительного периода и на дискриминационной основе в установке телефонов в домах киприотов-греков и перехват телефонных разговоров, которые они могли сделать.

285. Правительство-заявитель повторило свое мнение о том, что государство-ответчик посредством своей политики колонизации участвовало в преднамеренном манипулировании демографической и культурной средой «дома» киприотов-греков (см. Пункт 167 выше). Они просили Суд установить нарушение статьи 8 в этом отношении.

286. Правительство-заявитель в заключение заявило, что Суд должен рассмотреть неспособность Комиссии рассмотреть в индивидуальном порядке каждое из вышеуказанных вмешательств и установить, что они привели к отдельным нарушениям статьи 8.

287. Комиссия рассмотрела жалобы государства-заявителя с глобальной точки зрения, не упуская из виду отдельные аспекты этого

положения (см. Пункт 214 выше). На основании фактов он установил, что ограничения, введенные властями «ТРСК» в течение рассматриваемого периода на свободу передвижения киприотов-греков на юг и обратно, серьезно нарушили право проживающих в анклав киприотов-греков на уважение семейная жизнь. Кроме того, их передвижение в районе Карпаса, в том числе в соседние села или города, сопровождалось мерами строгого и агрессивного полицейского контроля. Комиссия отметила, что посетителей в их дома физически сопровождали сотрудники полиции, которые в некоторых случаях оставались с посетителями в доме хозяина. По мнению Комиссии,

288. Комиссия отметила, что не было никаких средств правовой защиты, чтобы оспорить меры, применяемые к анклавному населению, и что они не могли быть каким-либо образом оправданы положениями пункта 2 статьи 8.

289. Ввиду вышеуказанного вывода Комиссия не сочла необходимым рассматривать по существу жалобу правительства-заявителя относительно предполагаемого воздействия политики колонизации государства-ответчика на демографическую и культурную среду в домах киприотов-греков.

290. Кроме того, Комиссия не сочла установленным на основании доказательств того, что в течение рассматриваемого периода имела место административная практика игнорирования права киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, на уважение их корреспонденции.

291. Однако Комиссия отметила, что в целом повседневная жизнь киприотов-греков на северном Кипре характеризовалась множеством неблагоприятных обстоятельств, которые в значительной степени были прямым результатом официальной политики, проводимой государством-ответчиком и его подчиненными. администрация. По мнению Комиссии, эти неблагоприятные факторы усугубили нарушение права проживающих в анклав киприотов-греков на уважение их частной и семейной жизни и уважение к их дому.

292. Суд отмечает, в первую очередь, что факты, установленные Комиссией, подтверждают, что в течение рассматриваемого периода право проживающих в анклав греков-киприотов на семейную жизнь было серьезно ограничено из-за мер, введенных властями «ТРСК» в отношении ограничить воссоединение семей. Таким образом, государство-ответчик в ходе разбирательства в Комиссии не оспаривало, что киприотам-грекам, навсегда покинувшим северную часть Кипра, не разрешалось вернуться, даже если они оставили семью (см. Пункт 29 выше). Несмотря на то, что власти «ТРСК» в 1998 году ввели меры для облегчения посещения родственников в определенной степени, период, рассматриваемый для целей настоящего заявления, характеризовался серьезными ограничениями по количеству и

продолжительности таких посещений. Более того, в течение отчетного периода школьникам из северного Кипра, посещающим школы на юге, не разрешалось постоянно возвращаться на север по достижении 16-летнего возраста в случае мужчин и 18 лет в случае девочек. Также следует отметить, что на посещение этими учащимися своих родителей на севере применялись определенные ограничения (см. Пункт 43 выше).

293. По мнению Суда, введение этих ограничений в течение рассматриваемого периода в качестве политического вопроса и при отсутствии какой-либо правовой основы привело к насильственному разделению семей и отказу киприотов-греков на севере от возможности вести нормальную семейную жизнь. В отсутствие какой-либо правовой основы для этих ограничений Суду не нужно рассматривать вопрос о том, может ли рассматриваемое вмешательство быть оправданным со ссылкой на положения пункта 2 статьи 8 Конвенции. По той же причине ему не нужно рассматривать вопрос о том, можно ли ожидать, что потерпевшие исчерпают внутренние средства правовой защиты, чтобы оспорить то, что по сути является административной практикой вмешательства в право на уважение семейной жизни.

294. Что касается предполагаемого вмешательства в право проживающих в анклав киприотов-греков на уважение их частной жизни и жилища, Суд отмечает, что Комиссия сочла это установленным на основании доказательств того, что в течение рассматриваемого периода эта община фактически контролировалась в отношении о его контактах и передвижениях (см. параграф 287 выше), киприоты-греки должны отчитываться перед властями даже по самым приземленным причинам для перемещения за пределы своих деревень. Суд также отмечает, что наблюдение, осуществляемое властями, распространялось даже на физическое присутствие представителей государства в домах киприотов-греков во время общественных или иных посещений третьих лиц, включая членов семей.

295. Суд считает, что такие крайне интрузивные и агрессивные действия нарушили право греко-кипрского населения в районе Карпаса на уважение их частной и семейной жизни. Для этих действий не было приведено никаких правовых оснований, тем более каких-либо оправданий, которые могли бы соответствовать положениям пункта 2 статьи 8 Конвенции. Они были выполнены на практике. Таким образом, в данных обстоятельствах не возникает вопроса об исчерпании внутренних средств правовой защиты.

296. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд заключает, что имело место нарушение права киприотов-греков, проживающих на северном Кипре, на уважение их частной и семейной жизни и уважение их жилища, как это гарантировано статьей 8 Конвенции.

297. Суд также отмечает, что государство-заявитель оспаривает вывод Комиссии о том, что не было установлено, что в течение рассматриваемого периода корреспонденция проживающих в анклав киприотов-греков была перехвачена или вскрыта в порядке административной практики. Принимая во внимание свою собственную оценку доказательств, Суд считает, что возражение государства-заявителя на вывод Комиссии не может быть поддержано. Он отмечает, что доказательства действительно подтверждают, что в некоторых случаях людей на контрольно-пропускном пункте Ледра Палас обыскивали на предмет писем. Однако представленные доказательства не подтверждают требуемым стандартам утверждение о том, что такие обыски проводились в порядке административной практики;

298. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд приходит к выводу, что нарушение статьи 8 Конвенции не было установлено в связи с предполагаемой практикой вмешательства в право киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, на уважение их переписки.

299. Суд отмечает, что государство-заявитель не оспаривает решение Комиссии изучить в глобальном масштабе условия жизни киприотов-греков на северном Кипре с точки зрения статьи 8. Однако они просят Суд выделить из этого исследования ряд предполагаемых конкретных вмешательств в право на уважение частной жизни и вынесение отдельного решения по существу (см. параграфы 283-86 выше). По мнению Суда, вопросы, на которые ссылается государство-заявитель в этой связи, в действительности связаны с их более общим утверждением о том, что государство-ответчик проводит политику, направленную на то, чтобы требовать северную часть Кипра для киприотов-турок и поселенцев из Турции. к исключению любого греко-кипрского влияния. Правительство-заявитель утверждает, что эта политика проявляется в жесткости ограничений, наложенных на проживающее в анклав греко-кипрское население. По мнению Суда, конкретные жалобы, на которые ссылается Правительство-заявитель относительно препятствий для доступа к медицинскому обслуживанию и препятствий для участия в двух- или межобщинных мероприятиях (см. Параграфы 216-227, 257 и 283 выше), являются элементами, которые подлежат рассмотрению. в контексте общего анализа условий жизни соответствующего населения с точки зрения их влияния на право его членов на уважение частной и семейной жизни.

300. В этой связи Суд не может не поддержать вывод Комиссии, содержащийся в пункте 489 ее доклада, о том, что ограничения, которые существуют в повседневной жизни проживающих в анклав киприотов-греков, создают у них ощущение, «что они вынуждены жить во враждебной среде, в которой вряд ли возможно. можно вести нормальную личную и семейную жизнь ». Комиссия отметила в

поддержку этого вывода, что неблагоприятные обстоятельства, которым подверглось затронутое население, включали: отсутствие обычных средств связи (см. Параграф 45 выше); отсутствие на практике кипрско-греческой прессы (см. пункт 45 выше); недостаточное количество священников (см. пункт 47 выше); трудный выбор, с которым столкнулись родители и школьники в отношении среднего образования (см. пункты 43-44 выше); ограничения и формальности, применяемые к свободе передвижения, в том числе, как добавил Суд, для целей обращения за медицинской помощью и участия в двух- или межобщинных мероприятиях; невозможность сохранения имущественных прав при отбытии или смерти (см. пункт 40 выше).

301. Суд, как и Комиссия, считает, что эти ограничения являются факторами, которые усугубляют нарушения, которые он обнаружил в отношении права проживающих в анклав греков-киприотов на уважение частной и семейной жизни (см. Пункт 296 выше). Принимая во внимание этот вывод, Суд считает, что нет необходимости отдельно рассматривать утверждения государства-заявителя по статье 8 относительно имплантации турецких поселенцев на северном Кипре (см. Пункт 285 выше).

2. Статья 3 Конвенции.

302. Правительство-заявитель утверждало, что на практике киприоты-греки, проживающие в районе Карпас на севере Кипра, подвергались бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, в частности, дискриминационному обращению, равносильному бесчеловечному и унижающему достоинство обращению.

303. Они утверждали, что Суд должен, как и Комиссия, установить, что статья 3 была нарушена. Правительство-заявитель полностью поддержало доводы Комиссии в этом отношении.

304. Комиссия не согласилась с доводом государства-ответчика о том, что ей не позволяли проверить, является ли совокупность мер, оспариваемых государством-заявителем, включая те, в отношении которых не было обнаружено нарушения Конвенции, доказательством проведения политики расовая дискриминация, являющаяся нарушением статьи 3 Конвенции. В этой связи Комиссия особо отметила свой доклад по бывшей статье 31 в деле Восточноафриканские азиаты против Соединенного Королевства, принятом 14 декабря 1973 г. (Decisions and Reports 78-A, p. 62). Принимая во внимание тот факт, что он установил нарушение Конвенции в нескольких отношениях, Комиссия отметила, что все установленные вмешательства касались исключительно киприотов-греков, проживающих на северном Кипре, и были наложены на них именно по той причине, что они принадлежали к этому классу лиц. В заключении Комиссии, обжалуемое обращение было явно дискриминационным по отношению к ним по признаку

«этнического происхождения, расы и религии». Несмотря на недавнее улучшение их положения, лишения, которым подвергались проживающие в анклав киприоты-греки в течение рассматриваемого периода, по-прежнему сказывались на их повседневной жизни и достигли такого уровня жестокости, который представляет собой оскорбление их человеческого достоинства.

305. Суд напоминает, что в своем решении по делу Абдулазиз, Кабалес и Балкандали против Соединенного Королевства от 28 мая 1985 г. (Серия А, № 94) он принял аргумент заявителей о том, что, независимо от значимости статьи 14, жалоба на дискриминационное обращение может вызвать отдельный вопрос по статье 3. Суд пришел к выводу по существу, что различие в обращении, на которое обжаловано в этом деле, не означало какого-либо неуважения или неуважения к личности заявителей и что оно не было направлено на то, и не унижали и не унижали их (с. 42, §§ 90-92).

306. Суд далее напоминает, что Комиссия в своем решении по вышеупомянутому делу об азиатах из Восточной Африки отметила в отношении утверждения о расовой дискриминации, что особое значение следует придавать дискриминации по признаку расы и что публично выделять группа лиц, в отношении которых применяется различное отношение по признаку расы, при определенных обстоятельствах может представлять собой особое оскорбление человеческого достоинства. По мнению Комиссии, дифференцированное обращение с группой лиц по признаку расы может, таким образом, представлять собой унижающее достоинство обращение, когда различное обращение по какому-либо другому признаку не вызывает такого вопроса (*loc. cit.*, P. 62, § 207). .

307. Принимая во внимание эти соображения, Суд не может не отметить, что Генеральный секретарь Организации Объединенных Наций в своем промежуточном докладе от 10 декабря 1995 года по «Сводке по Карпасу» (см. Пункт 36 выше) заявил, что проведенная ВСООНК проверка живого Условия жизни киприотов-греков Карпаса подтверждают, что они являются объектом очень жестких ограничений, которые ограничивают осуществление основных свобод и в результате неумолимо обеспечивают прекращение существования общины с течением времени. Он сослался на тот факт, что власти не разрешили киприотам-грекам Карпаса завещать недвижимое имущество родственнику, даже ближайшему родственнику, если последние также не проживают на севере;

308. Суд отмечает, что гуманитарный обзор, отраженный в «Карпасской записке», охватывал 1994-95 годы, которые попадают в период, рассматриваемый для целей жалоб, содержащихся в настоящем заявлении. Он напоминает, что вопросы, поднятые Генеральным секретарем Организации Объединенных Наций в его докладе о ходе

работы, с точки зрения анализа Суда привели его к выводу о том, что имели место нарушения прав киприотов-греков, проживающих в анклав, в соответствии с Конвенцией. Он также отмечает, что ограничения свободы передвижения этого сообщества сильно сказываются на их возможности пользоваться частной и семейной жизнью (см. Параграфы 292-93 выше) и их правом исповедовать свою религию (см. Параграф 245 выше). Суд установил, что в этом отношении были нарушены статьи 8 и 9 Конвенции.

309. Для Суда неизбежен вывод о том, что рассматриваемое вмешательство было направлено против греко-кипрской общины Карпаса именно по той причине, что они принадлежали к этому классу лиц. Обращение, которому они подвергались в течение рассматриваемого периода, может быть объяснено только с точки зрения тех черт, которые отличают их от турецко-кипрского населения, а именно их этнического происхождения, расы и религии. Суд далее отмечает, что политика государства-ответчика заключается в проведении обсуждений в рамках межобщинных переговоров на основе двухзональных и двухобщинных принципов (см. Пункт 16 выше). Приверженность государства-ответчика этим принципам должна рассматриваться как отраженная в ситуации, в которой проживают и вынуждены жить греческие киприоты Карпаса: изолированные, ограничены в своих передвижениях, контролируются и не имеют перспектив обновления или развития своего сообщества. Условия, в которых это население обречено жить, унижают и нарушают само понятие уважения человеческого достоинства его членов.

310. По мнению Суда, и применительно к рассматриваемому периоду дискриминационное обращение достигло уровня жестокости, равносильного унижающему достоинство обращению.

311. Суд заключает, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции, поскольку киприоты-греки, проживающие в районе Карпас на севере Кипра, подверглись дискриминации, равносильной унижающему достоинство обращению.

3. Статья 14 Конвенции в совокупности со статьей 3.

312. Правительство-заявитель заявило, что, несмотря на заключение Комиссии по их жалобе на нарушение статьи 3, заключение, которое они одобрили, Суд должен отдельно рассмотреть дискриминационные меры, примененные к киприотам-грекам, проживающим на северном Кипре, и исключительно в отношении них, с точки зрения соблюдения статьи 14 Конвенции. Правительство-заявитель утверждало, что, поскольку проживающие в анклав греки-киприоты стали жертвами необоснованных и неоправданных различий в обращении на основе расовых и религиозных оснований, фундаментальный принцип, лежащий в основе статьи 14, был нарушен на практике. Они

утверждали, что элементы дискриминации включают систему ограничений и давления, которые составляют политику этнической чистки в районе Карпаса; государство-ответчик ' s политика демографической однородности; продолжающиеся нарушения прав собственности киприотов-греков вследствие систематического заселения поселенцев; ограничения на передвижение перемещенных киприотов-греков как аспект этнической исключительности; передача владения собственностью перемещенных киприотов-греков, вынужденных покинуть регион Карпас, турецким поселенцам; и продолжающееся лишение собственности киприотов-греков, находящихся на территории, оккупированной Турцией.

313. Комиссия, со своей стороны, не сочла необходимым, учитывая ее вывод по жалобе государства-заявителя по статье 3, рассматривать текущие жалобы также в контексте обязательств государства-ответчика по статье 14.

314. Суд согласен с выводом комиссии. Принимая во внимание доводы, которые лежат в основе его собственного вывода о нарушении статьи 3, он считает, что нет необходимости отдельно высказываться о том, что на самом деле является повторным изложением жалобы, которая по существу рассматривается в этом заключении.

315. Таким образом, Суд заключает, что с учетом его вывода в соответствии со статьей 3 Конвенции нет необходимости проверять, имело ли место в рассматриваемый период нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 3 в отношении Греки-киприоты, живущие на северном Кипре.

4. Статья 14 Конвенции в совокупности с другими соответствующими статьями.

316. Правительство-заявитель просило Суд установить, что политика государства-ответчика в отношении проживающих в анклав киприотов-греков включала нарушения статьи 14 Конвенции в совокупности с соответствующими положениями. Они утверждали, что соответствующее население подвергалось дискриминации при пользовании правами, гарантированными этими положениями, по расовым, религиозным и языковым признакам.

317. Суд считает, что, принимая во внимание особые обстоятельства этого дела, нет необходимости проверять, имело ли место в рассматриваемый период нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности с другими соответствующими статьями.

D. Предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции

318. Правительство-заявитель утверждало, что как с точки зрения закона, так и на практике государство-ответчик не предоставило

эффективное средство правовой защиты в национальном органе, который выполнил либо статью 6, либо другие требования, которые привели бы средство правовой защиты в соответствие с требованиями статьи 13. .

319. Правительство-заявитель сослалось на статью 13 Конвенции в поддержку своих утверждений о том, что киприотам-грекам, проживающим на северном Кипре, было отказано в любой возможности оспорить вмешательство в их права, в том числе со стороны частных лиц, действующих с молчаливого согласия или при поощрении властей «ТРСК».

320. Правительство-заявитель не оспаривало вывод Комиссии о нарушении статьи 13 в отношении вмешательства властей «ТРСК» в права киприотов-греков, проживающих на северном Кипре, в соответствии со статьями 3, 8, 9 и 10 Конвенции и статьями. 1 и 2 протокола № 1.

321. Однако, по мнению государства-заявителя, Комиссия ошиблась в своих выводах о том, что в отношении вмешательства частных лиц в права проживающих в анклав киприотов-греков на уважение их жилища (статья 8) и собственности (статья 1 Протокола N 1 к Конвенции. 1), статья 13 не была нарушена. Правительство-заявитель подчеркнуло, что в этих выводах не учитывались, во-первых, неадекватность судов «ТРСК» с точки зрения требований статьи 6 Конвенции (см. Параграфы 83-85 выше) и, во-вторых, критерий доказательности для установления существования административная практика нарушения прав, предусмотренных Конвенцией (см. параграф 114 выше). Что касается последнего пункта, государство-заявитель утверждало, что: вместо того, чтобы исследовать, имелись ли перед ней «существенные доказательства», указывающие на схему или систему отказа от расследования преступных действий против соответствующего населения, а это явно было сделано, Комиссия ошибочно сосредоточилась на том, имеются ли эффективные средства правовой защиты, доступные потерпевшим. лица в судах «ТРСК». Правительство-заявитель утверждало, что Комиссия не учла, в частности, тот факт, что государство-ответчик не смогло обеспечить эффективные средства правовой защиты в виде терпимости властей к неоднократным преступным действиям в отношении домов и собственности. греко-кипрского населения, и этот отказ нельзя мириться с ошибочным предположением, что суды «ТРСК» существуют как средство правовой защиты.

По этой причине государство-заявитель обратилось к Суду с просьбой объявить, что статья 13 Конвенции также была нарушена в отношении незаконного проникновения и причинения ущерба собственности частными лицами, а также вмешательства с их стороны в право на уважение жилища киприотов-греков.

322. Комиссия напомнила о своем заключении в отношении жалобы государства-заявителя на нарушение статьи 6 Конвенции (см. Параграфы 230-32 выше), а также о своем решении рассмотреть вопрос о том, можно ли рассматривать эффективное средство правовой защиты в значении бывшей статьи 26. существовать в отношении различных утверждений, выдвинутых государством-заявителем (см. параграфы 86-88 выше). Принимая это во внимание, Комиссия пришла к выводу, что не было нарушения статьи 13 в отношении вмешательства частных лиц в права киприотов-греков, проживающих на северном Кипре, в соответствии со статьями 8 Конвенции и статьей 1 Протокола N 1 к Конвенции, тогда как имело место нарушение статьи 13 в отношении вмешательства властей в их права по статьям 3, 8, 9,

323. Суд согласен с выводом комиссии. Он напоминает, что он проанализировал в отношении различных утверждений, выдвинутых государством-заявителем, были ли у соответствующих лиц доступные им средства правовой защиты, которые были достаточно определенными не только в теории, но и на практике, и имелись ли какие-либо особые обстоятельства, которые можно было бы считать имеющими отношение к делу. освобождают их от требования об их исчерпании (см. параграф 99 выше). При этом Суд принял во внимание бремя доказывания и то, как оно распределяется между сторонами в отношении правила исчерпания средств правовой защиты (см. Пункт 116 выше). В отсутствие государства-ответчика в рассматриваемом им разбирательстве Суд уделил особое внимание устным и письменным доказательствам, представленным по делу, и должным образом принял во внимание государство-заявитель.

324. Несмотря на возражения государства-заявителя против некоторых выводов Комиссии, Суд вынужден вновь подтвердить на основе доказательств свои предыдущие выводы, которые, как он напоминает, отражают выводы Комиссии. Они кратко изложены ниже.

Во-первых, Суд считает, что нарушение статьи 13 Конвенции не было установлено в отношении вмешательства частных лиц в права киприотов-греков, проживающих на северном Кипре, в соответствии со статьями 8 Конвенции и статьей 1 Протокола N 1 к Конвенции. напоминает в этом отношении, что в доказательствах не было показано, что в течение рассматриваемого периода власти «ТРСК» применяли административную практику попустительства преступлениям против домов и собственности проживающего в анклав греко-кипрского населения. ; также не было продемонстрировано с использованием того же стандарта доказывания, что существовала административная практика отказа потерпевшим в доступе к суду для отстаивания своих прав в этой связи. В ходе разбирательства в Комиссии, Правительство-ответчик представило доказательства в поддержку своего утверждения о том, что судебные средства правовой защиты были доступны, и

подчеркнуло успешные иски, поданные несколькими сторонами из числа киприотов-греков. Отмечая, что ни статья 6, ни статья 13 Конвенции не гарантируют заявителю успешного исхода судебного разбирательства, Суд считает, что государство-заявитель не опровергло представленные Комиссии доказательства того, что пострадавшие киприоты-греки имели доступ к местным судам в для предъявления гражданских исков к нарушителям.

Во-вторых, он считает, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в отношении вмешательства властей в права киприотов-греков, проживающих на северном Кипре, в соответствии со статьями 3, 8, 9 и 10 Конвенции и статьями 1 и 2. Протокола № 1. Эти вмешательства явились результатом административной практики нарушения рассматриваемых прав; у потерпевших не было средств правовой защиты или эффективных средств правовой защиты.

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПРАВА ПЕРЕМЕЩЕННЫХ КИПРИОТОВ-ГРЕКОВ НА ПРОВЕДЕНИЕ ВЫБОРОВ

325. Правительство-заявитель в ходе разбирательства в Комиссии утверждало, что была нарушена статья 3 Протокола N 1 к Конвенции, поскольку перемещенные киприоты-греки не могли эффективно пользоваться правом свободно избирать представителей в законодательный орган Кипра в отношении оккупированной территории. Правительство-заявитель не рассматривало эту жалобу в Суде ни в письменном, ни в устном виде.

326. Суд, отмечая, что Комиссия не установила по существу, что рассматриваемое положение было нарушено, не считает необходимым рассматривать жалобу, принимая во внимание тот факт, что жалоба не была рассмотрена государством-заявителем.

327. Соответственно, Суд заключает, что нет необходимости рассматривать по собственной инициативе, свидетельствуют ли факты о нарушении статьи 3 Протокола N 1 к Конвенции.

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ТУРОК-КИПРИОТОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ ЧЛЕНОВ ЦЫГАНСКОЙ ОБЩИНЫ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА СЕВЕРЕ КИПРА

328. Правительство-заявитель утверждало, что киприоты-турки, проживающие на северном Кипре, которые были противниками режима «ТРСК», а также члены цыганской общины, проживающие на севере, стали жертвами серьезных нарушений их прав по Конвенции. Они утверждали, что эти нарушения произошли в результате административной практики. Правительство-заявитель в дополнение

утверждало, что не было эффективных средств правовой защиты в отношении нарушений.

329. Правительство-заявитель ссылалось на статьи 3, 5, 6, 8, 10, 11, 13 и 14 Конвенции и статьи 1 и 2 Протокола № 1, проводя различие между предполагаемыми нарушениями прав киприотов-турок и те из цыганской общины.

А. Объем жалоб, поданных в Суд

1. Доводы государства-заявителя

330. По утверждению государства-заявителя, Комиссия ошибочно исключила из рассмотрения по существу несколько основных жалоб на том основании, что они не были поданы в конкретной форме на стадии рассмотрения вопроса о приемлемости и, таким образом, по существу не попадали под действие решение о приемлемости. Рассматриваемые жалобы касались, в частности: повсеместной дискриминации и унижающего достоинство обращения с цыганской общиной в нарушение статьи 3; унижающее достоинство обращение с киприотами-турками, включая аресты и задержание политических оппонентов и тех, кто просил убежища в Соединенном Королевстве из-за нарушений прав человека в нарушение статьи 3; наделение военных судов обширной юрисдикцией по рассмотрению дел гражданских лиц в нарушение статьи 6;

331. Правительство-заявитель оспорило подход Комиссии к толкованию решения о приемлемости и, в частности, ее мнение о том, что вышеупомянутые жалобы были расширены только на стадии рассмотрения по существу. Они утверждали, что все вышеупомянутые вопросы прямо или по необходимости были подняты как жалобы на стадии приемлемости. Правительство-заявитель утверждало, что доказательства, которые они представили на стадии рассмотрения дела по существу, не поднимали новых вопросов, но имели отношение к уже поднятым вопросам или основаниям жалобы. Они стремились поддержать это мнение в своем утверждении, что государство-ответчик ответило на эти жалобы в своих замечаниях от ноября 1997 г. и им было предоставлено до 27 августа 1998 г. Комиссией для представления дальнейших замечаний после Кипра ».

2. Ответ Суда

332. Суд отмечает, что Комиссия объявила приемлемыми жалобы, поданные государством-заявителем в соответствии со статьями 5, 6, 10, 11 и 13 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1. Эти жалобы были поданы в отношении киприотов-турок. Комиссия также объявила приемлемыми

жалобы в соответствии со статьями 3, 5 и 8 Конвенции в отношении обращения с турецко-кипрскими цыганами, которые просили убежища в Соединенном Королевстве. Суд отмечает, что в отношении всех этих жалоб государство-заявитель опиралось на конкретные факты в поддержку своих утверждений. На стадии рассмотрения дела по существу государство-заявитель представило дополнительные материалы, которые, по их мнению, были предназначены для уточнения фактов, первоначально заявленных в поддержку жалоб, объявленных приемлемыми. Однако в Комиссии ' По мнению, материалы повлияли на введение новых жалоб, которые не были рассмотрены на стадии приемлемости. По этой причине Комиссия не смогла принять к рассмотрению то, что она сочла «дополнительными жалобами». Суд отмечает, что жалобы, на которые ссылается Правительство-заявитель, попадают в эту категорию.

333. Суд не находит причин отклоняться от точки зрения Комиссии относительно объема решения о приемлемости. Он отмечает в этом отношении, что Комиссия внимательно изучила материалы, представленные государством-заявителем на этапе после рассмотрения вопроса о приемлемости, и не хотела исключать никаких дальнейших представлений фактов, которые можно было бы разумно считать включенными в ее решение о приемлемости. Именно по этой причине Комиссия могла должным образом связать состязательные бумаги государства-заявителя после признания приемлемости по различным аспектам предполагаемого обращения с политическими оппонентами с жалобой, которую она объявила приемлемой в соответствии со статьей 5 Конвенции, касающейся нарушения их безопасности. человек. В том же духе,

334. Суд напоминает, что решение Комиссии об объявлении жалобы приемлемой определяет объем дела, переданного в Суд; только в рамках, установленных таким образом, Суд, после того как дело должным образом передано ему на рассмотрение, может принять к сведению все вопросы факта или права, возникающие в ходе разбирательства (см. вышеупомянутое дело Ирландия против Соединенных Штатов). Решение по делу Королевство, стр. 63, § 157, и решение по делу Филис против Греции от 27 августа 1991 г., Series A, т. 209, стр. 19, § 56). Соответственно, именно факты, признанные Комиссией приемлемыми, имеют решающее значение для ее юрисдикции (см., Например, решение по делу Герра и другие против Италии от 19 февраля 1998 г., Reports 1998-I, p. 223, § 44). Хотя Суд уполномочен давать юридическую характеристику этим фактам, которая отличается от той, которая применяется в разбирательстве в Комиссии, его юрисдикция не может распространяться на рассмотрение существа новых жалоб, которые не были заявлены на стадии приемлемости разбирательства. со ссылкой на подтверждающие факты

(см. решение по делу Финдли против Соединенного Королевства от 25 февраля 1997 г., Reports 1997-I, pp. 277-78, § 63); Суд также не убедил довод государства-заявителя о том, что основания, изложенные в их первоначальной жалобе, были тесно связаны с основаниями, заявленными на стадии рассмотрения дела по существу, но отклоненными Комиссией. его юрисдикция не может распространяться на рассмотрение существа новых жалоб, которые не были заявлены на стадии приемлемости разбирательства со ссылкой на подтверждающие факты (см. решение по делу Финдли против Соединенного Королевства от 25 февраля 1997 г., Reports 1997-I, pp. 277-78, § 63); Суд также не убедил довод государства-заявителя о том, что основания, изложенные в их первоначальной жалобе, были тесно связаны с основаниями, заявленными на стадии рассмотрения дела по существу, но отклоненными Комиссией. его юрисдикция не может распространяться на рассмотрение существа новых жалоб, которые не были заявлены на стадии приемлемости разбирательства со ссылкой на подтверждающие факты (см. решение по делу Финдли против Соединенного Королевства от 25 февраля 1997 г., Reports 1997-I, pp. 277-78, § 63); Суд также не убедил довод государства-заявителя о том, что основания, изложенные в их первоначальной жалобе, были тесно связаны с основаниями, заявленными на стадии рассмотрения дела по существу, но отклоненными Комиссией.

335. По этим причинам, а также с учетом фактов и оснований жалобы, поданной государством-заявителем на стадии приемлемости, Суд подтверждает точку зрения Комиссии на объем своего решения о приемлемости. В связи с этим он не будет рассматривать какие-либо жалобы, признанные Комиссией выходящими за рамки этого решения.

Б. Установление фактов

1. Доводы государства-заявителя

336. Правительство-заявитель утверждало, что Комиссия применила неправильный правовой критерий при определении того, существовала ли административная практика нарушения Конвенции. В этой связи они сослались на выводы Комиссии о том, что не было доказано «вне разумных сомнений», во-первых, что существовала практика властей «ТРСК» и судов отказывать в правовой защите политическим оппонентам; во-вторых, существует практика дискриминации цыганской общины или отказа в правовой защите; и, в-третьих, что существовала практика попустительства преступному вмешательству в собственность киприотов-турок или отказа последним в правовой защите.

337. Правительство-заявитель утверждало в вышеупомянутой связи, что в соответствии с Конвенцией было достаточно установить доказательство практики со ссылкой на наличие «существенных доказательств» таковой, которые в отношении этих трех утверждений явно имелись.

338. Что касается оценки доказательств Комиссией, государство-заявитель утверждало, что ценность некоторых выводов Комиссии об отсутствии нарушений была подорвана из-за ограничений, установленных делегатами Комиссии на количество свидетелей, которых можно было заслушать, и заключений, которые Комиссия исходила из достоверности тех свидетелей, которые действительно давали показания.

2. Ответ Суда

339. Суд вначале повторяет свой предыдущий вывод о том, что ограничения, установленные делегатами Комиссии на количество свидетелей, которые могут быть заслушаны в поддержку дела властей Российской Федерации, не подрывают принцип процессуального равенства (см. Пункт 110 выше). Правительство-заявитель утверждает, что делегаты, отказавшись дать дополнительные свидетельские показания, лишили себя возможности быть полностью осведомленными о значимости доказательств против государства-ответчика. Однако, по мнению Суда, решение делегатов могло быть должным образом оправдано со ссылкой на их восприятие относимости и достаточности доказательств во время заслушивания свидетелей. Суд не видит оснований сомневаться в том, что делегаты допустили бы других свидетелей, если бы они считали, что дополнительные устные показания способствовали бы обоснованию фактов, как утверждает Правительство-заявитель. Более того, Суду не кажется, что государство-заявитель настаивало на своем желании заслушать дополнительных свидетелей делегатами. Основной протест против организации делегатами заслушивания свидетелей исходил от ответчика (см. Параграфы 109-10 выше). Это следует рассматривать как важное соображение, которое необходимо взвесить на весах. Основной протест против организации делегатами заслушивания свидетелей исходил от ответчика (см. Параграфы 109-10 выше). Это следует рассматривать как важное соображение, которое необходимо взвесить на весах. Основной протест против организации делегатами заслушивания свидетелей исходил от ответчика (см. Параграфы 109-10 выше). Это следует рассматривать как важное соображение, которое необходимо взвесить на весах.

340. Суд, конечно, внимательно следит за тем фактом, что, в отличие от расследования, проведенного в отношении положения киприотов-греков Карпаса, установление Комиссией фактов в отношении данной

категории жалоб не могло основываться на обзорах фактов, проведенных Организацией Объединенных Наций. Комиссия во многом полагалась на показания свидетелей, заслушанных делегатами. Суду не кажется, что Комиссию можно обвинить в осторожном подходе к оценке показаний свидетелей, принимая во внимание характер утверждений, сделанных свидетелями государства-заявителя, неизбежный элемент субъективности, который окрашивает доказательства лиц, оспаривающих режим, с которым они глубоко не согласны, и показания сторонников этого режима. По мнению Суда,

Он не видит причин отклоняться от фактов, установленных Комиссией (см. Параграфы 52-55 выше).

341. Суд установит, свидетельствуют ли установленные факты о нарушении прав, на которые ссылается государство-заявитель. Что касается стандарта доказывания, он отклоняет доводы государства-заявителя по этому поводу и применяет стандарт доказывания «вне разумных сомнений».

С. Существо жалоб государства-заявителя

1. Жалобы, касающиеся политических оппонентов турок-киприотов

342. Правительство-заявитель утверждало, что киприоты-турки, проживающие на северном Кипре, которые были политическими противниками режима «ТРСК», подвергались произвольному аресту и задержанию в нарушение их прав по статье 5 Конвенции. Кроме того, они подвергались нападениям, угрозам и преследованиям со стороны третьих лиц в нарушение статьи 8 Конвенции. Правительство-заявитель также утверждало, ссылаясь на статью 10 Конвенции, что власти не смогли защитить право на свободу выражения мнения, допустив ограничения третьих сторон на осуществление этого права. Эти ограничения принимали форму, например, отказа в приеме на работу политических оппонентов или угроз или нападений со стороны частных лиц на их личность. Правительство-заявитель также утверждало, что в результате «ТРСК» В рамках общей политики в области свободы передвижения право политических противников на свободу ассоциаций было нарушено из-за вмешательства в их право собираться вместе с киприотами-греками и другими лицами на Кипре. Наконец, государство-заявитель утверждало, что, принимая во внимание вышеупомянутую предысторию, следует сделать вывод, что политические противники режима «ТРСК» стали жертвами жестокого обращения или унижающего достоинство обращения в нарушение статьи 3 Конвенции.

343. Правительство-заявитель утверждало, что имела место административная практика нарушения вышеуказанных прав, предусмотренных Конвенцией, и что это подтверждалось существенными доказательствами, представленными свидетелями, заслушанными делегатами. Они утверждали, что устные показания обычно и последовательно устанавливают административную практику властей «ТРСК» по отказу защищать права политических оппонентов правящих партий, независимо от того, было ли такое вмешательство вызвано третьими сторонами или самими властями.

344. Правительство-заявитель также заявило, что Комиссия ошиблась в своем выводе о том, что процедура *habeas corpus* должна была использоваться потерпевшими от незаконного ареста и содержания под стражей. Они утверждали, что это средство правовой защиты не может считаться эффективным в случаях кратковременных арестов и задержаний с последующим освобождением, тем более что задержанные не имеют доступа к адвокату. Потенциал обращения к средствам правовой защиты *ipso facto* также не может предотвратить установление административной практики нарушения прав, предусмотренных Конвенцией. По мнению государства-заявителя, Комиссия должна была сосредоточить внимание на терпимости властей к неоднократным злоупотреблениям правами политических оппонентов в соответствии со статьями 5, 8, 10 и 11 Конвенции. По мнению государства-заявителя, практика, которую они утверждали, была основана на таком положении дел,

345. Комиссия пришла к выводу, что не было нарушения прав, на которые ссылалось государство-заявитель по причине неспособности защитить эти права. Комиссия отметила, что нельзя исключать того, что в отдельных случаях власти имели место вмешательство в права киприотов-турок по причине их политической оппозиции правящим партиям на северном Кипре. Однако он также отметил, что соответствующие лица не пытались добиться возмещения своих жалоб, например, используя средство правовой защиты *habeas corpus*, чтобы оспорить законность своего ареста или задержания. Для Комиссии не было доказано вне разумных сомнений, что все доступные средства правовой защиты были бы неэффективными.

346. Суд принимает заключение Комиссии. Собственная оценка доказательств заставляет его полагать, что могли иметь место отдельные случаи вмешательства в права политических оппонентов. Однако он не может сделать вывод на основании этих доказательств того, что в течение рассматриваемого периода существовала административная практика подавления любого инакомыслия, направленного против правящих партий «ТРСК», или официальная политика попустительства вмешательству сторонников «ТРСК» в права, на которые ссылается государство-заявитель. Суд должен

учитывать тот факт, что жалобы, на которые ссылается Правительство-заявитель, сформированы в уязвимом политическом контексте, поддерживаемом сильным турецким военным присутствием и характеризующимся социальным соперничеством между турецкими поселенцами и коренным населением. Такой контекст привел к напряженности и, к сожалению, к действиям со стороны агентов «ТРСК», которые в отдельных случаях нарушают права по Конвенции. Тем не менее, Суд считает, что ни доказательства, представленные Правительством-заявителем в Комиссию, ни их критика оценки Комиссией этих доказательств не могут опровергать вывод о том, что не было доказано вне разумных сомнений, что предполагаемая практика существовала во время рассматриваемый период.

347. Суд также отмечает, что Комиссия отметила, что потерпевшие лица не проверяли эффективность средств правовой защиты, доступных в правовой системе «ТРСК», для обеспечения возмещения по их жалобам. Суд, со своей стороны, считает, что государство-ответчик в своих объяснениях в Комиссию обосновало доводы в пользу наличия средств правовой защиты, в том числе средства правовой защиты *habeas corpus*. Представленные доказательства не позволяют убедить его в том, что эти средства правовой защиты были неадекватными и неэффективными в отношении обжалуемых вопросов или что существовали особые обстоятельства, освобождающие соответствующих лиц от требования воспользоваться этими средствами правовой защиты. В частности, как отмечалось ранее, доказательства не подтверждают, к удовлетворению Суда, того, что власти «ТРСК»:

348. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд заключает, что не было установлено, что в течение рассматриваемого периода имела место административная практика нарушения прав турок-киприотов, которые являются противниками режима на Северном Кипре в соответствии со статьями 3, 5, 8, 10 и 11 Конвенции, в том числе по причине предполагаемой практики неспособности защитить свои права в соответствии с этими положениями.

2. Жалобы, касающиеся общины турок-киприотов-цыган

349. Правительство-заявитель утверждало, что цыганская община, проживающая на севере Кипра, на практике подвергалась настолько обширному дискриминационному и унижающему достоинство обращению, что многие цыгане были вынуждены искать политического убежища в Соединенном Королевстве. Правительство-заявитель ссылалось на статьи 3, 5, 8 и 14 Конвенции.

350. Правительство-заявитель утверждало, что Комиссия ошиблась, установив, что члены цыганской общины, пережившие лишения, не исчерпали внутренние средства правовой защиты. Они утверждали, что доказательства, заслушанные делегатами, подтверждают, что цыгане не

могли позволить себе судебный процесс и что им не предоставлялась юридическая помощь для гражданского судопроизводства. В любом случае рассматриваемое утверждение касалось продолжающейся административной практики дискриминационного и унижающего достоинство обращения с цыганской общиной, и существенные доказательства этого были представлены. Комиссия ошибочно сосредоточила внимание на наличии средств правовой защиты со ссылкой на критерий «вне разумного сомнения», а не на ключевом вопросе о том, имеются ли существенные доказательства административной практики дискриминационного и унижающего достоинство обращения в отношении цыганской общины.

351. Комиссия отметила, что отдельные члены цыганской общины в течение рассматриваемого периода испытывали трудности. В этой связи он сослался на снос лачуг цыганской общины недалеко от Морфу по приказу местных властей, отказ авиакомпаний перевозить цыган без визы и унижение цыганских детей в школе. Однако в заключении Комиссии потерпевшие не исчерпали доступные внутренние средства правовой защиты, и не было установлено вне разумных сомнений, что имела место преднамеренная практика дискриминации цыган или отказа в защите от социальной дискриминации. Соответственно, Комиссия установила, что нарушения статей 3, 5, 8 и 14 Конвенции отсутствовали.

352. Суд отмечает, что члены турецко-кипрской цыганской общины пострадали от рук властей «ТРСК». В этой связи он ссылается на случаи, указанные Комиссией (см. Пункт 54 выше). Однако Суд не считает, что эти отдельные дела подтверждают утверждение о существовании в рассматриваемый период административной практики нарушения прав, на которые ссылается государство-заявитель. Он также отмечает, что, по всей видимости, никто из членов общины турецко-кипрских цыган, которые утверждают, что пострадали от рук властей «ТРСК», не пытался прибегнуть к средствам правовой защиты в местных судах, например, с иском о возмещении ущерба в отношении сноса цыганских лачуг возле Морфу. Суд не принимает Правительство-заявитель » с утверждение, что отсутствие правовой помощи в «ТРСК» для возбуждения гражданского иска освобождает потерпевших от требования использовать внутренние средства правовой защиты. Он отмечает, что у Договаривающегося государства как такового нет обязательства по использованию системы правовой помощи по гражданским делам в интересах неимущих тяжущихся сторон. Для Суда важен тот факт, что, по всей видимости, не было предпринято никаких попыток возбудить какое-либо судебное разбирательство в отношении вопросов, на которые ссылается государство-заявитель.

353. Суд заключает, что не было установлено, что в течение рассматриваемого периода имело место нарушение административной

практики прав членов турецко-кипрской цыганской общины в соответствии со статьями 3, 5, 8 и 14 Закона. Конвенции, в том числе по причине предполагаемой практики неспособности защитить свои права в соответствии с настоящими статьями.

3. Предполагаемое нарушение статьи 6 Конвенции.

354. Правительство-заявитель утверждало, что власти «ТРСК» с точки зрения закона и практики нарушили статью 6 Конвенции в том смысле, что гражданские права и обязанности и уголовные обвинения против лиц не могут быть определены независимым и беспристрастным судом, созданным на основании закона в пределах смысла этого положения. Правительство-заявитель повторило в этой связи свое мнение о незаконности контекста, в котором работали суды «ТРСК» (см. Параграфы 83-85 выше).

355. Правительство-заявитель также утверждало, что власти «ТРСК» управляли системой военных судов, которые обладали юрисдикцией рассматривать дела против гражданских лиц по делам, квалифицируемым как военные преступления. По их мнению, из решения Суда *Incal v. Turkey* от 9 июня 1998 г. (Reports 1998-IV) следует, что гражданскому лицу, рассматриваемому военным судом, было отказано в справедливом слушании дела в независимом и беспристрастном суде. Юрисдикция военных судов в этом отношении установлена в «статье 156 Конституции ТРСК», в результате чего их состав не может быть оспорен. Правительство-заявитель утверждало, что Комиссия должна была установить нарушение статьи 6 в связи с существованием законодательной практики нарушения, а не концентрироваться на вопросе о том, имелись ли доказательства каких-либо конкретных разбирательств в военных судах с участием гражданских лиц. Они также подчеркнули, что вопреки заключению Комиссии по этому поводу доказательства, представленные Комиссии, содержат конкретные примеры гражданских лиц, которые были осуждены военными судами. К сожалению, это свидетельство не было учтено в оценке Комиссии. доказательства, представленные Комиссии, дают конкретные примеры того, как гражданские лица предстали перед военными трибуналами и были осуждены. К сожалению, это свидетельство не было учтено в оценке Комиссии. доказательства, представленные Комиссии, дают конкретные примеры того, как гражданские лица предстали перед военными трибуналами и были осуждены. К сожалению, это свидетельство не было учтено в оценке Комиссии.

356. Комиссия не сочла установленным на основании фактов, что военные суды судили гражданских лиц в течение рассматриваемого периода. На этом основании Суд пришел к выводу, что нарушения статьи 6 Конвенции не было.

357. Суд считает, что он не должен удовлетворяться доказательствами того, что существовала административная практика судебного преследования гражданских лиц в военных судах в «ТРСК». Он отмечает, что государство-заявитель жаловалось на существование законодательной практики нарушения статьи 6, принимая во внимание четкие термины «статьи 156 Конституции ТРСК» и «Указа о запрещенных военных территориях» (см. Пункт 355 выше). Он напоминает в этой связи, что в своем решении по делу Ирландия против Соединенного Королевства Суд счел, что, в отличие от отдельных заявителей, Договаривающееся государство имело право оспаривать в соответствии с Конвенцией абстрактный закон с учетом того факта, что бывшая статья 24 (нынешняя статья 33) Конвенции позволяла любому Договаривающемуся государству обращаться в Комиссию о любом предполагаемом нарушении положений Конвенции и Протоколы к нему другого Договаривающегося государства (см. вышеупомянутое решение по делу «Ирландия против Соединенного Королевства», стр. 91, § 240). В том же постановлении Суд установил, что «нарушение» по смыслу бывшей статьи 24 (нынешняя статья 33) явилось следствием простого существования закона, который ввел, направил или санкционировал меры, несовместимые с охраняемыми правами и свободами. Суд также заявил, что нарушение такого рода может быть обнаружено только в том случае, если закон, оспариваемый в соответствии с бывшей статьей 24 (нынешняя статья 33), будет сформулирован достаточно ясно и точно, чтобы нарушение сразу стало очевидным; в противном случае решение должно быть принято со ссылкой на то, как государство-ответчик интерпретировало и применило конкретно оспариваемый текст или тексты (там же).

358. По мнению Суда, абстрактное рассмотрение оспариваемого «конституционного положения» и «Указа о запрещенных военных территориях» приводит к выводу, что эти тексты четко вводят и санкционируют судебное разбирательство дел гражданских лиц военными судами. Он считает, что нет никаких оснований сомневаться в том, что эти суды страдают теми же недостатками независимости и беспристрастности, которые были подчеркнуты в его решении *Incal v. Turkey* в отношении системы судов национальной безопасности, созданных в Турции государством-ответчиком (цитируемое решение выше, pp. 1572-73, §§ 70-72), в частности, о тесных структурных связях между исполнительной властью и военными, работающими в военных судах «ТРСК». По мнению Суда,

359. По указанным выше причинам Суд считает, что имело место нарушение статьи 6 Конвенции в связи с законодательной практикой санкционирования судебного разбирательства дел гражданских лиц военными судами.

4. Предполагаемое нарушение статьи 10 Конвенции.

360. Правительство-заявитель жаловалось в ходе разбирательства в Комиссии, что право киприотов-турок, проживающих на севере Кипра, на получение информации было нарушено из-за запрета на распространение газет на греческом языке. Правительство-заявитель не возвращалось к этой жалобе ни в меморандуме, ни на публичных слушаниях.

361. Со ссылкой на аналогичную жалобу, поданную в контексте условий жизни киприотов-греков Карпаса, Комиссия пришла к выводу, что предполагаемые ограничения на распространение газет на греческом языке на севере Кипра необоснованны.

362. Суд согласен с выводом Комиссии и отмечает, что он согласуется с выводом, сделанным на основании доказательств в связи с предполагаемым вмешательством в статью 10, на которую ссылаются в отношении проживающего в анклав греко-кипрского населения (см. Параграфы 253-54 выше).

363. Соответственно, Суд считает, что нарушение статьи 10 Конвенции не было установлено в силу предполагаемых ограничений права киприотов-турок, проживающих на севере Кипра, получать информацию из грекоязычной прессы.

5. Предполагаемое нарушение статьи 11 Конвенции.

364. Правительство-заявитель утверждало, что в результате общей политики «ТРСК» в области свободы передвижения, начиная с 1974 года, существовала административная практика вмешательства в право киприотов-турок, проживающих на севере, встречаться или объединиться с киприотами-греками и другими людьми на Кипре, особенно в буферной зоне Организации Объединенных Наций и в районе, контролируемом правительством.

365. Правительство-заявитель указало на несколько случаев произвольных ограничений, налагаемых на лиц, желающих посещать двухобщинные собрания, включая спортивные и музыкальные мероприятия. Они обратили внимание на свое утверждение о том, что государство-ответчик в своих замечаниях относительно приемлемости и существа этой жалобы представило в Комиссию доказательства административной практики введения с 1994 по 1996 год продолжающихся ограничений права турок-киприотов на поездки в юг. Они напомнили, что этот период был рассматриваемым.

366. Правительство-заявитель признало, что первоначальная жалоба, поданная в Комиссию, была сформулирована как административная практика вмешательства в право киприотов-турок, проживающих на севере, на свободу ассоциации. Они просили Суд также рассмотреть жалобу в сроки, описанные выше. Что касается ограничений права на

свободу ассоциаций, они утверждали, что доказательства, заслушанные делегатами, ясно свидетельствуют о нарушении этого права. Они также указали в поддержку этого утверждения, что «Статьи 12 и 71 Конституции ТРСК» запрещают создание ассоциаций для продвижения интересов меньшинств. По их мнению, наличие такого запрета само по себе должно рассматриваться как нарушение статьи 11 Конвенции.

367. Комиссия отметила, что ее внимание не было доведено до сведения о том, что в течение рассматриваемого периода киприоты-турки, проживающие на севере Кипра, пытались установить ассоциации с киприотами-греками в северной или южной частях Кипра, чему препятствовали власти. . На этом основании Комиссия сочла жалобу необоснованной.

368. Что касается препятствий для участия киприотов-турок в двухобщинных мероприятиях, Комиссия отметила, что, согласно соответствующим документам Организации Объединенных Наций, со второй половины 1996 года на проведение межобщинных встреч были наложены определенные ограничения. мнение, любая жалоба на этот счет относилась к отдельным фактам, имевшим место после даты принятия решения о приемлемости. По этой причине жалоба не может быть рассмотрена.

369. Суд напоминает, что он принял факты, установленные Комиссией (см. Пункты 339-40 выше). Суд не считает, что на основании представленных ему доказательств в течение рассматриваемого периода существовала административная практика воспрепятствования всем межобщинным контактам между киприотами-турками, проживающими на севере, и киприотами-греками на юге. Суд отмечает, что власти «ТРСК» стали более строго подходить к таким контактам после второй половины 1996 года и действительно запретили их. Однако, как отметила Комиссия, предполагаемые нарушения прав по Конвенции, имевшие место в течение этого периода, выходят за рамки решения о приемлемости (см. Пункт 368 выше).

370. Что касается предполагаемого вмешательства в право киприотов-турок, проживающих на севере, на свободу объединений, Суд отмечает, что Комиссия пришла к выводу на основании доказательств того, что власти «ТРСК» не предпринимали никаких попыток вмешаться, чтобы предотвратить создание двухсторонних организаций. коммунальные организации на севере Кипра. В отсутствие каких-либо конкретных доказательств обратного и с учетом необходимого стандарта доказывания для установления существования административной практики нарушения права, предусмотренного Конвенцией, Суд заключает, что нарушение статьи 11 также не имело места с этой точки зрения. .

371. Таким образом, Суд считает, что не было установлено, что имело место нарушение с точки зрения административной практики права на

свободу ассоциации или собраний в соответствии со статьей 11 Конвенции в отношении киприотов-турок, проживающих на севере Кипра.

6. Заявление о нарушении статьи 1 Протокола № 1

372. Правительство-заявитель утверждало в ходе разбирательства в Комиссии, что имело место продолжающееся нарушение статьи 1 Протокола № 1, во-первых, в связи с неспособностью властей «ТРСК» разрешить туркам-киприотам, проживающим на северном Кипре, вернуться в свои собственности на юге и, во-вторых, в результате терпимости, проявленной теми же властями к актам криминального ущерба собственности киприотов-турок, совершенным частными лицами.

373. Правительство-заявитель заявило в Суде, что в отношении второй жалобы Комиссия ошибочно пришла к выводу, что не было установлено, что властями «ТРСК» существовала административная практика систематического попустительства вмешательству третьей стороны в собственность киприотов-турок. Правительство-заявитель не возвращалось к первой жалобе ни в меморандуме, ни на слушании.

374. Комиссия установила, что до ее сведения не было доведено ни одного случая, когда в течение рассматриваемого периода киприоты-турки, проживающие на севере Кипра, пытались получить доступ к своей собственности на юге, но им в этом препятствовали. Таким образом, жалоба была отклонена из-за отсутствия обоснования. Что касается предполагаемого незаконного вмешательства частных лиц в собственность киприотов-турок, проживающих на севере Кипра, Комиссия сочла, во-первых, что существуют достаточные средства правовой защиты для обеспечения возмещения ущерба от такого вмешательства, и, во-вторых, не было установлено, что существовал административный практика попустительства вмешательству.

375. Суд принимает заключение Комиссии. Он отмечает, в первую очередь, что государство-заявитель не улучшило дело, которое они пытались разобрать перед Комиссией, относительно предполагаемых препятствий, созданных властями «ТРСК» на пути киприотов-турок, которые хотели вернуться в свои дома на юге. . Никаких дополнительных доказательств в суд не было представлено киприотов-турок, проживающих на севере страны, которым в течение рассматриваемого периода не позволяли получить доступ к своей собственности на юге из-за действия ограничений ТРСК на свободу передвижения. движение.

376. Во-вторых, что касается предполагаемых нападений частных лиц на собственность киприотов-турок, Суд считает, что доказательства, на которые ссылается государство-заявитель, не подтверждают их утверждение о том, что власти «ТРСК» терпят,

поощряют или каким-либо образом соглашаются в этой форме преступности. Суд принимает на основании доказательств, что нельзя исключать, что такие инциденты имели место. Однако эти доказательства не подтверждают наличие административной практики нарушения статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции.

377. Принимая во внимание вышеизложенные соображения, Суд заключает, что не было установлено, что имело место нарушение статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции в связи с предполагаемой административной практикой нарушения этой статьи, в том числе по причине невозможности обеспечить соблюдение своих владений на юге Кипра туркам-киприотам, живущим на северном Кипре.

7. Предполагаемое нарушение статьи 13 Конвенции.

378. Правительство-заявитель оспорило вывод Комиссии об отсутствии нарушения статьи 13 Конвенции по причине неспособности обеспечить эффективные средства правовой защиты туркам-киприотам, проживающим на северном Кипре. Правительство-заявитель повторило свое мнение (см. Параграфы 83-85 выше), что средства правовой защиты, которые, как утверждалось, были доступны, не удовлетворяли основным требованиям статьи 6 и, как следствие, не могли считаться «эффективными» в рамках значения статьи 13.

379. Кроме того, государство-заявитель подтвердило свое мнение (см. Параграфы 336-37 выше), что Комиссия ошибочно полагалась на стандарт «вне разумных сомнений» при установлении наличия административной практики отказа в средствах правовой защиты от определенных групп лиц. Если бы он применил правильный стандарт, а именно стандарт «существенных доказательств», он был бы вынужден прийти к другому выводу.

380. По указанным выше причинам государство-заявитель просило Суд отойти от вывода Комиссии и постановить, что государство-ответчик с точки зрения закона и практики нарушило статью 13 из-за того, что оно не предоставило эффективное средство правовой защиты перед национальным органом для Цыганская община и политические противники политики Турции на Кипре.

381. Комиссия посчитала, что в целом средства правовой защиты, предоставляемые правовой системой «ТРСК», представляются достаточными для возмещения любого предполагаемого нарушения прав по Конвенции в отношении рассматриваемых групп, и что государство-заявитель не обосновало свои утверждения относительно существования о практике нарушения статьи 13. Таким образом, Суд пришел к выводу, что в течение рассматриваемого периода нарушения статьи 13 не было.

382. Суд напоминает, что в отношении их утверждений относительно политических оппонентов (см. Параграфы 342-44 выше) и цыганской

общины (см. Параграфы 349-50 выше), он счел, что государству-заявителю не удалось опровергнуть доводы государства-ответчика в судебное разбирательство в Комиссии о том, что потерпевшим лицам были доступны средства правовой защиты в рамках правовой системы «ТРСК». Суд не был убежден в том, что любая попытка использовать средство правовой защиты обречена на неудачу. В связи с этим Суд не мог согласиться с утверждением государства-заявителя о существовании административной практики отказа в средствах правовой защиты отдельным лицам в нарушение статьи 13 Конвенции. Доказательства, представленные Европейскому Суду в этой связи, нельзя сказать, чтобы доказать без всяких разумных сомнений существование какой-либо такой практики.

383. Соответственно, Суд заключает, что нарушение статьи 13 Конвенции не было установлено в связи с неспособностью административной практики обеспечить эффективные средства правовой защиты киприотам-туркам, проживающим на северном Кипре.

VIII. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЕЙ 1, 17, 18 И БЫВШЕГО ПУНКТА 4 СТАТЬИ 32 КОНВЕНЦИИ

384. Правительство-заявитель просило Суд установить нарушения статей 1, 17, 18 и бывшего пункта 4 статьи 32 Конвенции. Статья 1 гласит:

«Высокие Договаривающиеся Стороны обеспечивают каждому, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в Разделе I [Конвенции]».

Бывший пункт 4 статьи 32 Конвенции гласит:

«Высокие Договаривающиеся Стороны обязуются рассматривать как обязательные для себя любое решение, которое Комитет министров может принять во исполнение предыдущих пунктов».

385. Правительство-заявитель утверждало, что ввиду всеобъемлющих и массовых нарушений Конвенции, совершенных государством-ответчиком, в данном случае Суду было бы целесообразно установить нарушение статьи 1.

386. Правительство-заявитель также утверждало, что факты свидетельствуют о том, что государство-ответчик на самом деле контролировало собственность греков-киприотов на севере в соответствии с политикой этнической чистки. Программа переселения государства-ответчика также является ярким проявлением этой политики. Однако государство-ответчик стремилось скрыть свою истинную цель со ссылкой на ограничения прав, разрешенных статьей 8 § 2 или статьей 1 Протокола N 1 к Конвенции. Правительство-

заявитель утверждало, что государство-ответчик должно считаться в данных обстоятельствах нарушившим Статьи 17 и 18 Конвенции.

387. В конце концов, государство-заявитель утверждало, что государство-ответчик не смогло положить конец нарушениям Конвенции, установленным в отчете Комиссии за 1976 год, в соответствии с требованием решения Комитета министров от 21 октября 1977 года (см. Пункт 17 выше). Правительство-заявитель заявило, что Суд должен отметить любые продолжающиеся нарушения Конвенции, которые, как он обнаружил, продолжались после этого решения. Они также утверждали, что Суду следует рассматривать как еще один отягчающий фактор то, что нарушения Конвенции продолжались более двадцати лет, и что официальная политика государства-ответчика напрямую привела к нарушениям после решения Комитета министров.

388. Суд считает, что в данных обстоятельствах нет необходимости отдельно рассматривать эти жалобы. Он также напоминает, что в отношении жалоб государства-заявителя по статьям 17 и 18 он пришел к такому же выводу в контексте аналогичных утверждений, сделанных в отношении предполагаемого вмешательства в права собственности перемещенных лиц из числа греков-киприотов (см. Пункт 206 выше). .

НА ЭТИХ ОСНОВАНИЯХ СУД

I. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ

1. Постановил единогласно, что он обладает юрисдикцией рассматривать предварительные вопросы, поднятые в ходе разбирательства в Комиссии (параграфы 56-58);
2. Постановил единогласно, что Правительство-заявитель имеет *locus standi* для подачи жалобы (параграф 62);
3. Постановил единогласно, что Правительство-заявитель имеет законный законный интерес в рассмотрении жалобы по существу (параграф 68);
4. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что факты, обжалованные в жалобе, подпадают под «юрисдикцию» Турции по смыслу статьи 1 Конвенции и, следовательно, влекут за собой ответственность государства-ответчика в соответствии с Конвенцией (параграф 80);

5. Постановил десятью голосами против семи, что для целей бывшей статьи 26 (действующая статья 35 § 1) Конвенции средства правовой защиты, доступные в «ТРСК», могут рассматриваться как «внутренние средства правовой защиты» государства-ответчика и что вопрос об эффективности этих средств правовой защиты следует рассматривать в конкретных обстоятельствах, в которых он возникает (параграф 102);
6. Постановляет единогласно, что ситуации, закончившиеся более чем за шесть месяцев до даты подачи настоящей жалобы (22 мая 1994 г.), выходят за рамки рассмотрения Европейским Судом (параграф 104).

II. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ПРОПАВШИХ БЕЗ ВЕСТИ ГРЕКОВ-КИПРИОТОВ И ИХ РОДСТВЕННИКОВ

1. Постановил единогласно, что не было нарушения статьи 2 Конвенции в связи с предполагаемым нарушением материально-правового обязательства по этой статье в отношении любого из пропавших без вести лиц (параграф 130).
2. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что имеет место продолжающееся нарушение статьи 2 Конвенции в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести эффективное расследование местонахождения и судьбы пропавших без вести греков-киприотов, которые исчез при угрожающих жизни обстоятельствах (пункт 136);
3. Постановил единогласно, что нарушение статьи 4 Конвенции не было установлено (параграф 141);
4. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что имеет место продолжающееся нарушение статьи 5 Конвенции в связи с неспособностью властей государства-ответчика провести эффективное расследование местонахождения и судьбы пропавших без вести греков-киприотов. в отношении которых имеется аргументированное утверждение, что они находились под стражей в Турции на момент своего исчезновения (пункт 150);
5. Постановил единогласно, что нарушение статьи 5 Конвенции не было установлено в силу предполагаемого фактического задержания пропавших без вести греков-киприотов (параграф 151);
6. Постановляет единогласно, что нет необходимости рассматривать жалобы государства-заявителя в соответствии со статьями 3, 6, 8, 13,

14 и 17 Конвенции в отношении пропавших без вести греков-киприотов (параграф 153);

7. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что имеет место продолжающееся нарушение статьи 3 Конвенции в отношении родственников пропавших без вести греков-киприотов (параграф 158);
8. Постановил единогласно, что нет необходимости проверять, были ли нарушены статьи 8 и 10 Конвенции в отношении родственников пропавших без вести греков-киприотов, принимая во внимание вывод Суда по статье 3 (параграф 161).

III. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ПЕРЕМЕЩЕННЫХ ЛИЦ НА УВАЖЕНИЕ ИХ ЖИЛИЩА И ИМУЩЕСТВА

1. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что имеет место продолжающееся нарушение статьи 8 Конвенции по причине отказа разрешить возвращение любых перемещенных лиц из числа греков-киприотов в свои дома на северном Кипре (параграф 175);
2. Постановил единогласно, что, принимая во внимание вывод о продолжающемся нарушении статьи 8 Конвенции, нет необходимости проверять, имело ли место дальнейшее нарушение этой статьи в связи с предполагаемым манипулированием демографической и культурной средой. о домах перемещенных лиц греков-киприотов на севере Кипра (пункт 176);
3. Постановляет единогласно, что жалоба государства-заявителя на нарушение статьи 8 Конвенции относительно вмешательства в право на уважение семейной жизни в связи с отказом разрешить возвращение любых перемещенных лиц из числа греков-киприотов в свои дома на северном Кипре подпадает под рассматриваться в контексте их утверждений относительно условий жизни киприотов-греков Карпаса (пункт 177);
4. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что имеет место продолжающееся нарушение статьи 1 Протокола № 1 в связи с тем, что владельцам собственности из числа греков-киприотов на севере Кипра отказывают в доступе и контроле, использовании и пользовании недвижимостью. их собственность, а также любую компенсацию за вмешательство в их права собственности (параграф 189);

5. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции в связи с непредоставлением киприотам-грекам, не проживающим на северном Кипре, каких-либо средств правовой защиты для оспаривания вмешательства в их права в соответствии со статьей 8 Конвенции и Статьей 1 Протокола № 1 (пункт 194);
6. Постановил единогласно, что нет необходимости рассматривать, имело ли место в данном случае нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьями 8 и 13 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1, в силу предполагаемое дискриминационное обращение с киприотами-греками, не проживающими на северном Кипре, в отношении их прав на уважение их жилища, на мирное пользование своим имуществом и на эффективные средства правовой защиты (пункт 199);
7. Постановляет единогласно, что нет необходимости рассматривать, приводит ли предполагаемое дискриминационное обращение к перемещенным лицам из числа греков-киприотов также к нарушению статьи 3 Конвенции, принимая во внимание его выводы в соответствии со статьями 8, 13 и 14 Конвенции. и статья 1 Протокола № 1 (пункт 203);
8. Постановил единогласно, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобы государства-заявителя на нарушение статей 17 и 18 Конвенции, принимая во внимание его выводы в соответствии со статьями 8 и 13 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1 (параграф 206). .

IV. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ УСЛОВИЙ ЖИЗНИ КИПРИОТОВ-ГРЕКОВ НА СЕВЕРЕ КИПРА

1. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что нарушение статьи 2 Конвенции не было установлено в связи с предполагаемой практикой отказа в доступе к медицинским услугам киприотам-грекам и маронитам, проживающим на северном Кипре (параграф 221);
2. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что нарушение статьи 5 Конвенции не имело места (параграф 227);
3. Постановил одиннадцатью голосами против шести, что нарушение статьи 6 Конвенции не было установлено в отношении киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, в связи с предполагаемой

практикой отказа в справедливом слушании дела независимым и беспристрастным судом при вынесении решения. об их гражданских правах и обязанностях (пункт 240);

4. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 9 Конвенции в отношении киприотов-греков, проживающих на севере Кипра (параграф 246);
5. Постановил единогласно, что нарушение статьи 9 Конвенции не было установлено в отношении маронитов, проживающих на северном Кипре (параграф 247);
6. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 10 Конвенции в отношении киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, поскольку школьные учебники, предназначенные для использования в их начальной школе, подвергались чрезмерным мерам цензуры. (пункт 254);
7. Постановил единогласно, что нарушение статьи 11 Конвенции не было установлено в связи с предполагаемой практикой отказа киприотам-грекам, проживающим на северном Кипре, в праве на свободу ассоциации (параграф 263);
8. Постановляет единогласно, что жалоба государства-заявителя на нарушение статьи 8 Конвенции в отношении предполагаемой практики ограничения участия киприотов-греков, проживающих на северном Кипре, в двухобщинных или межобщинных мероприятиях, подлежит рассмотрению в контексте глобальной оценки того, имело ли место нарушение этой статьи (параграф 262);
9. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что имеет место продолжающееся нарушение статьи 1 Протокола № 1 в отношении киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, в том смысле, что их право на мирное пользование своим имуществом не было обеспечено в случае их постоянный выезд с этой территории и при этом, в случае смерти, права наследования родственников, проживающих на юге Кипра, не признаются (параграфы 269-70);
10. *Держит* единогласно, что нарушение статьи 1 Протокола № 1 не было установлено в силу предполагаемой практики неспособности защитить собственность киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, от вмешательства со стороны частных лиц (параграф 272);

11. *Держит* шестнадцатью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 2 Протокола № 1 в отношении киприотов-греков, проживающих на северном Кипре, поскольку для них не было подходящих средних школ (параграф 280);
12. *Держит* шестнадцатью голосами против одного, что, с общей точки зрения, имело место нарушение права киприотов-греков, проживающих на северном Кипре, на уважение их частной и семейной жизни и уважение их жилища, как это гарантируется статьей 8 Конвенции. (пункты 296 и 301);
13. *Держит* единогласно, что нарушение статьи 8 Конвенции не было установлено в связи с предполагаемой практикой вмешательства в право киприотов-греков, проживающих на севере Кипра, на уважение их корреспонденции (параграф 298);
14. *Держит* единогласно, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобу государства-заявителя на нарушение статьи 8 Конвенции относительно воздействия предполагаемой политики колонизации государства-ответчика на демографическую и культурную среду в домах киприотов-греков, принимая во внимание его общую оценку условия жизни последнего населения в соответствии с этой статьей (пункт 301);
15. *Держит* шестнадцатью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 3 Конвенции, поскольку киприоты-греки, проживающие в районе Карпас на севере Кипра, подверглись дискриминации, равносильной унижающему достоинство обращению (параграф 311);
16. *Держит* единогласно, что нет необходимости проверять, имело ли место нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности со статьей 3 в отношении киприотов-греков, проживающих на северном Кипре, с учетом вывода, сделанного в соответствии со статьей 3 (параграф 315);
17. *Держит* четырнадцатью голосами против трех, что с учетом конкретных обстоятельств данного дела нет необходимости проверять, имело ли место нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности с другими соответствующими статьями (параграф 317);
18. *Держит* одиннадцатью голосами против шести, что нарушение статьи 13 Конвенции не было установлено в связи с предполагаемым отсутствием средств правовой защиты в отношении вмешательства

частных лиц в права киприотов-греков, проживающих на северном Кипре, в соответствии со статьей 8 Конвенции и статьей 1 Протокола № 1 (п. 324);

19. *Держит* шестнадцатью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 13 Конвенции по причине отсутствия на практике средств правовой защиты в отношении вмешательства властей в права киприотов-греков, проживающих на северном Кипре в соответствии со статьями 3, 8, 9 и 10 Конвенции и статьи 1 и 2 Протокола № 1 (пункт 324).

V. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ ПРАВА ПЕРЕМЕЩЕННЫХ КИПРИОТОВ-ГРЕКОВ НА ПРОВЕДЕНИЕ ВЫБОРОВ

Держит единогласно, что нет необходимости проверять, раскрывают ли факты нарушение права перемещенных киприотов-греков на проведение свободных выборов, гарантированного статьей 3 Протокола № 1 (параграф 327).

VI. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ПРАВ ТУРОК-КИПРИОТОВ, В ТОМ ЧИСЛЕ ЧЛЕНОВ ЦЫГАНСКОЙ ОБЩИНЫ, ПРОЖИВАЮЩИХ НА СЕВЕРНОМ КИПРЕ

1. Постановляет единогласно, что он отказывается от юрисдикции рассматривать эти аспекты жалоб государства-заявителя в соответствии со статьями 6, 8, 10 и 11 Конвенции в отношении политических противников режима в «ТРСК», а также их жалоб в соответствии со статьями 1. и 2 Протокола № 1 в отношении общины турецко-кипрских цыган, которые были сочтены Комиссией не входящими в сферу рассмотрения дела как признанного приемлемым (пункт 335);
2. Единогласно постановил, что нарушение прав киприотов-турок, которые являются противниками режима на северном Кипре в соответствии со статьями 3, 5, 8, 10 и 11 Конвенции, не было установлено в связи с предполагаемой административной практикой, включая предполагаемую практика неспособности защитить свои права согласно этим статьям (параграф 348);
3. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что не было установлено нарушение прав членов общины турецко-кипрских цыган в соответствии со статьями 3, 5, 8 и 14 Конвенции в связи с предполагаемой административной практикой, включая

предполагаемую практику. о неспособности защитить свои права в соответствии с настоящими статьями (параграф 353);

4. Постановил шестнадцатью голосами против одного, что имело место нарушение статьи 6 Конвенции в связи с законодательной практикой санкционирования судебного разбирательства дел гражданских лиц военными судами (параграф 359);
5. Единогласно постановил, что нарушение статьи 10 Конвенции не было установлено в связи с предполагаемой практикой ограничения права киприотов-турок, проживающих на севере Кипра, получать информацию из грекоязычной прессы (параграф 363);
6. Постановляет единогласно, что нарушение статьи 11 Конвенции не было установлено в связи с предполагаемой практикой вмешательства в право на свободу ассоциации или собраний киприотов-турок, проживающих на северном Кипре (параграф 371);
7. Постановил единогласно, что нарушение статьи 1 Протокола № 1 не было установлено на основании предполагаемой административной практики, включая предполагаемую практику отказа от обеспечения пользования своим имуществом на юге Кипра киприотам-туркам, проживающим на севере Кипра (параграф 377);
8. Постановил одиннадцатью голосами против шести, что нарушение статьи 13 Конвенции не было установлено в связи с предполагаемой практикой непредоставления эффективных средств правовой защиты киприотам-туркам, проживающим на северном Кипре (параграф 383).

VII. ПРЕДПОЛАГАЕМЫЕ НАРУШЕНИЯ ДРУГИХ СТАТЕЙ КОНВЕНЦИИ

Держит единогласно, что нет необходимости отдельно рассматривать жалобы государства-заявителя на нарушение статей 1, 17, 18 и бывшего пункта 4 статьи 32 Конвенции (пункт 388).

VIII. ПРОБЛЕМА СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

Держит единогласно, что вопрос о возможном применении статьи 41 Конвенции не готов для решения, и откладывает его рассмотрение.

Совершено на английском и французском языках и оглашено во Дворце прав человека в Страсбурге 10 мая 2001 г.

Люциус WILDHABER
Президент

Мишель ДЕ САЛЬВИЯ
Регистратор

В соответствии с пунктом 2 статьи 45 Конвенции и пунктом 2 правила 74 Регламента Суда к настоящему Постановлению прилагаются следующие особые мнения:

- (a) частично особое мнение г-жи Палм, к которому присоединились г-н Юнгвиерт, г-н Левитс, г-н Пандиру, г-н Ковлер и г-н Маркус-Хелмонс;
- (b) частично особое мнение г-на Косты;
- (c) частично особое мнение г-на Фуада;
- (d) частично особое мнение г-на Маркуса-Хелмонса.

LWM de S.

**ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ПАЛМА,
ПРИСОЕДИНЕННОЕ СУДЬЯМИ ЮНГВЕРТ, ЛЕВИТС,
ПАНЖИРУ, КОВЛЕР И МАРКУС-ХЕЛЬМОНС**

Разделяя большинство выводов Суда по этому сложному делу, я считаю своим долгом зафиксировать свое несогласие по одному важному вопросу: значение, которое Суд придает существованию системы средств правовой защиты в «ТРСК». Я считаю, что подход Суда к этому вопросу настолько ошибочен, что портит решение в целом. По причинам, изложенным ниже, это особенно прискорбно, поскольку Суд мог выполнить свою задачу, избегая этой конкретной запутанности, способом, полностью согласующимся с принципами и его прецедентной практикой.

В своем решении по делу Лоизиду против Турции от 18 декабря 1996 г. (по существу) (Отчеты о постановлениях и решениях 1996-VI) Суд постановил, что статья 159 Основного закона должна быть признана недействительной на фоне отказа международного сообщества. сообщество рассматривать «ТРСК» как государство в соответствии с международным правом. Он «не считал желательным, не говоря уже о необходимости ... разработать общую теорию законности законодательных и административных актов ТРСК» (стр. 2231, §§ 44-45). Суд, очевидно, был заинтересован в том, чтобы ограничить свою аргументацию тем, что было необходимо для решения рассматриваемого дела, и избежать попадания в области особой сложности и деликатности, касающиеся «законности» действий «незаконного» режима.

Такая политика судебной сдержанности в этой сфере подтверждается тремя основными соображениями. Во-первых, любое рассмотрение средств правовой защиты порождает очевидную трудность, заключающуюся в том, что вся судебная система в «ТРСК» черпает свою юридическую силу из конституционных положений, действительность которых Суд не может признать - по тем же причинам, по которым он не мог признать статью 159. в деле Лоизиду - без придания определенной степени легитимности субъекту, от которого международное сообщество отказалось признать. Международный суд не должен считать себя вправе игнорировать либо последовательную практику государств в этом отношении, либо неоднократные призывы международного сообщества не содействовать утверждению государственности образования. Во-вторых, Суд не может рассматривать средства правовой защиты «ТРСК» в вакууме, как если бы это была обычная Договаривающаяся сторона, где можно предположить, что суды «созданы законом» или что судьи независимы и беспристрастны (при отсутствии доказательств обратного). Придание юридической силы средствам судебной защиты обязательно требует от

Суда определения того, являются ли суды «учрежденными законом» -
что-то, что Суд

следует избегать этого, если мы хотим уважать незаконный статус режима «ТРСК» и заявленную позицию международного сообщества. Верно, что понятие «установленный законом» является автономным. Однако Суду следует избегать попадания в положение, в котором по якобы похвальным причинам возникает соблазн придать видимость законности явно незаконной ситуации. В-третьих, Суду следует постоянно помнить о том, что сама Турция не утверждает, что рассматриваемые «средства правовой защиты» являются турецкими средствами правовой защиты, поскольку основной смысл ее аргументов в этом споре заключается в том, что «ТРСК» является независимым государством, ответственным за функционирование своей собственной правовой системы. Таким образом, Суд сталкивается с парадоксом, что в своих объяснениях государство-ответчик предлагает «средства правовой защиты», которые предположительно принадлежат другой правовой системе.

Конечно, я согласен с тем, что даже в ситуации незаконности ясно, что в интересах жителей создать некую форму судебной системы, позволяющую разрешать основные повседневные споры источником власти. Более того, нельзя исключать, что решения таких судов, особенно по гражданским делам - разводы, соглашения об опеке, контракты и т.п. - могут быть признаны судами других стран. Такое признание действительно происходило время от времени, особенно после того, как ситуация с незаконностью прекратилась. Однако именно из-за важности таких договоренностей для местного населения - если ситуация позволяет им обратиться за помощью - международный суд не должен рисковать проводить какое-либо рассмотрение их законности, за исключением тех случаев, когда это строго необходимо. так. Любой другой подход может в конечном итоге нанести вред фактической полезности такой системы. Например, признание «незаконности» может препятствовать использованию таких форумов для разрешения споров. Точно так же вывод, подтверждающий законность таких договоренностей в настоящем деле, может вызвать призыв законного кипрского правительства к тому, чтобы греко-кипрское сообщество избегало таких трибуналов, чтобы не поставить под угрозу международно заявленное требование правительства о незаконности. Суду не следует слишком легко предполагать, что он действует в интересах местного населения, рассматривая законность таких мер. вывод, подтверждающий законность таких договоренностей в настоящем деле, может вызвать призыв законного кипрского правительства к тому, чтобы греко-кипрское сообщество избегало таких трибуналов, чтобы не поставить под угрозу международно заявленное требование правительства о незаконности. Суду не следует слишком легко предполагать, что он действует в интересах местного населения, рассматривая законность таких мер. вывод, подтверждающий

законность таких договоренностей в настоящем деле, может вызвать призыв законного кипрского правительства к тому, чтобы греко-кипрское сообщество избегало таких трибуналов, чтобы не поставить под угрозу международно заявленное требование правительства о незаконности. Суду не следует слишком легко предполагать, что он действует в интересах местного населения, рассматривая законность таких мер.

Тем не менее, я должен с самого начала подчеркнуть, что из моего признания полезности местной судебной системы не следует, что этот Суд должен требовать от заявителей на северном Кипре, подающих жалобы на нарушения прав человека, исчерпать эти возможные средства правовой защиты - или эти средства, которые Суд считает эффективными - до того, как он будет обладать юрисдикцией для рассмотрения их жалоб. Эпизодическое признание иностранными судами - это одно. Требование исчерпания - другое. Требовать от тех, кто подчиняется требованиям оккупирующей власти, обращаться в суд в качестве предварительного условия для рассмотрения их жалоб о нарушениях прав человека этим Судом, безусловно, нереалистично, учитывая очевидное и оправданное недоверие к такой системе. отправления правосудия.

В настоящем решении Суд неразумно приступает к разработке общей теории средств правовой защиты в «ТРСК», построенной на кратких замечаниях Международного суда в его консультативном заключении по Намибии (см. Параграфы 89-102), и приходит к общему выводу в параграфе 102, что «для целей бывшей статьи 26 ... средства правовой защиты, доступные на Северном Кипре, могут рассматриваться как» внутренние средства правовой защиты »государства-ответчика». Это порождает две основные трудности. Во-первых, такая теория в настоящем деле вовсе не нужна, поскольку Суд фактически ни на каком этапе не отклоняет жалобу по бывшей статье 26 в связи с неисчерпанием внутренних средств правовой защиты! Он ограничивается использованием этих соображений лишь косвенно при рассмотрении эффективности средств правовой защиты с точки зрения статьи 13 и вопроса официальной терпимости как элемента концепции административной практики. Пятый пункт постановляющих положений по предварительным вопросам, таким образом, является ненужным и чрезмерно широким.

Что еще более важно, такой общий вывод как прямое следствие, что Европейский суд по правам человека может признать юридически действительными решения судов «ТРСК» и, косвенно, положения Конституции, устанавливающие судебную систему. Такое признание, несмотря на постоянные утверждения Суда об обратном, может только подорвать твердую позицию, занятую международным сообществом, которое через Совет Безопасности ООН объявило провозглашение

государственности «ТРСК» «юридически недействительным» и который твердо отказался признать признание со стороны «ТРСК». Это также противоречит позиции, занятой Комитетом министров Совета Европы (см. Параграф 14 постановления и параграфы 19-23 постановления по делу Лоизиду), а также положениям различных резолюций, призывающих государства «не содействовать или каким-либо образом содействовать незаконному сепаратистскому образованию» (см., в частности, пункты 20 и 23 решения по делу Лоизиду). Я считаю, что международный суд должен проявлять крайнюю нерешительность перед тем, как занять позицию, которая так категорически противоречит международной практике, особенно когда это вовсе не обязательно для разрешения рассматриваемого дела. Осторожная позиция, занятая Судом в пункте 45 его решения по делу Лоизиду, является ярким примером мудрости такого подхода.

Остается объяснить, почему Суду не нужно выражать какое-либо мнение о правовом значении средств правовой защиты на Северном Кипре для решения данного дела. Я предлагаю изучить в этом контексте жалобы, в которых Суд принял во внимание наличие средств правовой защиты, чтобы прийти к своему выводу, а именно жалобы по статьям 6 и 13 в отношении греко-кипрской общины на северном Кипре (параграфы 233-40 и 324) решения), жалобы на политических оппонентов турок-киприотов и цыган (пункты 342-53 решения) и предполагаемое нарушение статьи 13 в отношении этих жалоб (пункты 378-83 решения).

1. Статьи 6 и 13

Суд приходит к выводу, что нарушение статьи 6 не было установлено «в связи с предполагаемой практикой» в отношении утверждения о том, что членам анклавного греко-кипрского населения было отказано в праве на определение их гражданских прав и обязанностей независимым и беспристрастными судами, учрежденными законом (пункты 233-40 решения). При этом он поддержал вывод Комиссии относительно фактов, что в рамках правовой системы «ТРСК» не было ничего, что могло бы поставить под сомнение независимость и беспристрастность судей, и что суды функционировали на основе внутреннего права «ТРСК».

Помимо трудностей, связанных с признанием структуры «ТРСК», на которую я сослался выше, сделанный вывод не согласуется с общими выводами Суда в отношении анклавной греко-кипрской общины о множественных серьезных нарушениях положений Конвенции. (Статьи 3, 9, 10 Конвенции и статьи 1 и 2 Протокола № 1). Суд признает, что проживающие в анклаве греки-киприоты «вынуждены жить во враждебной среде, в которой вряд ли возможно вести нормальную частную и семейную жизнь» (пункт 300). Он также считает, что это

население является жертвой дискриминационного и унижающего достоинство обращения, основанного на этническом происхождении, расе и религии, и что его члены вынуждены жить «изолированно, с ограничениями в своих передвижениях». находятся под контролем и без перспективы обновления или развития своего сообщества »(параграф 309). Если отвлечься от юридических деталей, подтверждающих эти выводы, Суд принимает общую картину сокращающейся и стареющей общины, которая подверглась значительному ограничению прав своих членов, предусмотренных Конвенцией, под прикрытием политики этнического разделения. Кроме того, Суд согласен с замечаниями Генерального секретаря ООН о том, что ограничения неизбежно приведут к прекращению существования сообщества (параграф 307).

В таком контексте можно ли сказать, что члены этого сообщества имеют доступ к судам в отношении их гражданских исков? Правдоподобно ли утверждение, что существует гавань юридической помощи, готовая и способная защитить права этого осажденного населения, несмотря на существование официальной политики сдерживания и угнетения? Мне бы очень хотелось верить, что суды могли и будут действовать таким образом, но при отсутствии существенных доказательств обратного - в отличие от несколько успешных судебных решений по делам о причинении телесных повреждений или нарушении права владения¹- Опыт и здравый смысл учит нас, что суды в такой ситуации вообще бессильны. Следует также иметь в виду, что жителям в течение рассматриваемого периода не разрешалось выезжать более чем на три мили от своих домов - факт, который вряд ли способствует желанию обращаться в суд для разрешения споров. Таким образом, совершенно естественным и предсказуемым является то, что это население не пользуется реальной судебной системой.

Суд должен учитывать общий правовой и политический контекст, в котором действуют средства правовой защиты, а также личные обстоятельства заявителей (см. Решение по делу Акдивар и другие против Турции от 16 сентября 1996 г., Reports 1996-IV, p. 1211, § 69). Это больше соответствует обычному подходу Суда к средствам правовой защиты, заключающемуся в том, что там, где существует практика несоблюдения положений Конвенции, в соответствии с определенной политикой государства, средства правовой защиты, как следствие, будут нерешительными, неполными или бесполезными (см., *mutatis mutandis*, отчет Комиссии по греческому делу, Ежегодник 12,

1. Суд был проинформирован о нескольких успешных судебных исках, но в его распоряжении нет информации по вопросу о том, действительно ли эти решения были исполнены. Вопрос о приведении в исполнение, согласно доводам правительства-заявителя, также связан с предполагаемым запугиванием со стороны турецких поселенцев (см. Параграф 229 Постановления).

стр. 194). Этот вывод также применим к жалобе по статье 13 относительно предполагаемого вмешательства частных лиц в права греков-киприотов на северном Кипре. Ну наконец то,

В заключение, Суд должен был признать нарушение этого положения неизбежным следствием своей общей оценки тяжелого положения этого сообщества и оставить открытыми все вопросы, касающиеся правовой системы «ГРСК».

2. Жалобы на политических оппонентов киприотов-турок и цыган

Суд отклоняет утверждения о существовании административной практики нарушения прав обеих вышеуказанных категорий. Я считаю полезным напомнить, что понятие административной практики в прецедентной практике институтов Конвенции включает два различных и совокупных элемента: во-первых, повторение действий или «накопление идентичных или аналогичных нарушений, которые достаточно многочисленны и взаимосвязаны. приравниваться не только к отдельным инцидентам или исключениям, но и к модели или системе» (см. решение по делу «Ирландия против Соединенного Королевства» от 18 января 1978 г., Series A, № 25, стр. 64, § 159). Это также предполагает определенную «официальную терпимость» со стороны государственных властей на том основании, что «немыслимо, чтобы высшие органы государства имели или, по крайней мере, должны иметь право на это. не знают о существовании такой практики» (там же). Кроме того, «согласно Конвенции эти органы несут строгую ответственность за поведение своих подчиненных; они обязаны навязать свою волю подчиненным и не могут спрятаться за своей неспособностью обеспечить ее уважение» (там же)¹. Суд принимает выводы Комиссии о том, что факты не подтверждают утверждения о таком общем и широкомасштабном вмешательстве в права членов этих групп (параграфы 342-53). Соответственно, нельзя сказать, что присутствовала первая часть одного из составных элементов административной практики, а именно повторение действий. Придя к такому выводу, нет необходимости идти дальше и решать, что члены

1. Комиссия описала понятие официальной терпимости следующим образом: «Официальная терпимость означает, что начальство, хотя и осведомлено о таких актах жестокого обращения, отказывается принимать меры для наказания виновных или предотвращения их повторения; или что высший авторитет проявляет безразличие, отказываясь от любого адекватного расследования их истинности или лжи; или что в судебном разбирательстве отказано в справедливом рассмотрении таких жалоб. К этому последнему элементу Комиссия добавила бы, что любое действие, предпринимаемое вышестоящим органом власти, должно быть в масштабе, достаточном для того, чтобы положить конец повторению действий или прервать образец или систему» (Франция, Норвегия, Дания, Швеция и Нидерланды против Турции, решение от 6 декабря 1983 г., Decisions and Reports 35, стр. 163–64; также дело Греции, Ежегодник 12, стр. 195–96).

этих групп не прибегали к средствам правовой защиты, как это сделал Суд в пункте 352 Постановления. Предположительно - хотя это не указано *expressis verbis* - Суд сослался на средства правовой защиты в этом контексте с целью продемонстрировать отсутствие другого требования административной практики, а именно официальной терпимости. Однако для того, чтобы сделать вывод об отсутствии практики, достаточно отсутствия одного из требований, в данном случае фактического. Здесь опять же Суд неразумно идет дальше, чем это строго необходимо для того, чтобы прийти к такому заключению.

3. Статья 13 в отношении жалоб турецко-кипрской общины.

Суд также принимает вывод Комиссии в отношении этой второстепенной жалобы о том, что в судах «ТРСК» существуют эффективные средства правовой защиты в отношении жалоб диссидентов и цыганского сообщества (параграфы 378-83). Здесь может возникнуть сомнение в том, что, отклонив ранее утверждения об административной практике нарушения прав этих групп, вообще необходимо затем изучить дальнейший вопрос о том, существовала ли практика отказа в эффективных средствах правовой защиты. На мой взгляд, этот вопрос нужно рассматривать только в том случае, если доказательства, представленные в поддержку практики, дают повод для аргументированного утверждения о существовании практики. Но даже если бы это было так, я считаю, что бремя доказывания возлагается на Правительство-ответчик со ссылкой на решенные дела, что у этих групп была реальная возможность возбудить судебные иски. В политической ситуации, сложившейся в «ТРСК», я совсем не убежден по причинам, аналогичным тем, которые изложены в контексте статьи 6 выше, что судебная система способна предоставить или будет разрешено предоставить средства правовой защиты политическим диссидентам. кто ставит под сомнение политику этнического разделения, на которой построено образование, или обнищавших цыган, живущих на обочине гражданского общества.

Соответственно, проблемы средств правовой защиты также можно было избежать в этом контексте, либо установив, что нет необходимости рассматривать статью 13, либо, в качестве альтернативы, обнаружив, что также имело место нарушение этого положения на основании неэффективности средств правовой защиты. - оставляя открытым вопрос об их законности.

Вывод

Суд поступил неразумно, последовав за Комиссией в разработке общей теории относительно действительности и эффективности средств правовой защиты в «ТРСК».

Возможно, он упустил из виду разногласия между Комиссией и судом в Лоизиду относительно того, как подходить к вопросам, возникающим в связи с продолжающейся оккупацией Турцией северного Кипра. Несомненно, в такой политической сфере Суд должен позволить себе руководствоваться твердым - и неумолимым - подходом, которому до сих пор придерживается международное сообщество. Как показано выше, в подходе Суда к решению вопросов, представленных в этом деле, не было необходимости. В межгосударственном деле, когда возникают вопросы, которые имеют последствия для международного сообщества в целом в его отношениях с обеими сторонами и даже с Судом, принципу судебной сдержанности следовало дать полную свободу действий, как Суд предложил в своих замечаниях в Решение *Loizidou*, упомянутое выше.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ КОСТА

(Перевод)

1. Есть только два пункта (из примерно пятидесяти постановляющих положений), по которым я не согласен с большинством (в отношении аргументации или заключения). Они касаются религиозной дискриминации киприотов-греков, проживающих в районе Карпаса, и нарушения прав общины цыган-турок-киприотов.

2. Что касается первого пункта, я вполне понимаю, почему, обнаружив нарушение статьи 3 Конвенции в отношении киприотов-греков с острова Карпас, большинство не считает необходимым проверять, имело ли место нарушение статьи 14. вместе с другими положениями.

3. Я, однако, недоволен тем, что этот вывод был признан также применимым к статье 14 в совокупности со статьей 9. С точки зрения общего принципа запрет на дискриминацию, содержащийся в статье 14, не кажется мне лишним из-за простой вывод о нарушении права, гарантированного Конвенцией. Например, в деле, которое закончилось решением по делу *Chassagnou and Others v. France* ([GC], № 25088/94, 28331/95 и 28443/95, ECHR 1999-III) (в котором я был в меньшинстве, но это отдельный вопрос) Суд, не колеблясь, установил нарушение статьи 11 Конвенции и статьи 1 Протокола N 1 к Конвенции, взятых как отдельно, так и вместе со статьей 14 Конвенции. Для анклавной общины, живущей на острове, разделенном, среди прочего, по религиозному признаку и не имеющем свободы передвижения (см. Параграф 245 настоящего Постановления), мне кажется, что религиозная свобода является одной из наиболее важных свобод и имеет в настоящее дело, было нарушено. Со своей стороны, я не вижу ничего нелогичного в данных обстоятельствах в установлении нарушений статьи 9 и статьи 9 вместе со статьей 14.

4. По общему признанию, можно было бы возразить, что признание дискриминационного обращения достаточно серьезным, чтобы его можно было приравнять к бесчеловечному и унижающему достоинство обращению, запрещенному статьей 3. Возможно. Но я не уверен, что эта статья обязательно охватывает все и имеет приоритет над всеми другими нарушениями. Конвенция составляет единое целое, но это не означает, что установление одного нарушения Конвенции освобождает Суд от обязанности проверять, имели ли место другие нарушения, за исключением исключительных обстоятельств, когда все различные жалобы возникают из одного и того же набор фактов.

5. Что касается киприотов-турок цыганского происхождения, Суд находит в пункте 352 постановления, что практика отказа в защите их прав не установлена. Однако Комиссия выявила многочисленные

КИПР v. TURKEY СУДЕБНОЕ РЕШЕНИЕ

нарушения этих прав и отметила особо серьезные инциденты (см. Пункт 54 Постановления). Не отвергая этого вывода, Суд просто полагается на тот факт, что потерпевшие не применяли никаких

средства правовой защиты в местных судах. Однако, несомненно, следует проводить различие между нарушением прав и свобод потерпевших, которое не оспаривается, и тем фактом, что, правильно или ошибочно, потерпевшие не считали иск в суде возможным или эффективным? Кроме того, следует ли приравнивать их непринятие иска к отсутствию доказательств административной практики, что в любом случае очень трудно доказать и лишь изредка принималось как обоснованное в решениях Суда?

6. На мой взгляд, Суду было бы проще принять выводы Комиссии и признать их нарушением прав, гарантированных Конвенцией и Протоколами к ней. По этой причине я не голосовал за это постановляющее положение.

7. Что касается всего остального, и не вызывая какого-либо индивидуального или коллективного самоудовлетворения, я охотно согласен с основаниями и действующими положениями этого важного решения.

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ ФУАДА

1. Я голосовал против вывода большинства членов Суда о продолжающемся нарушении статьи 1 Протокола № 1 государством-ответчиком в силу того факта, что владельцам собственности из числа греков-киприотов на севере Кипра было отказано доступ и право контролировать свою собственность и пользоваться ею без компенсации за вмешательство в их права собственности. Этого решения следовало ожидать, если только Суд в его нынешнем составе не был убежден в том, что решение большинства по делу Лоизиду было неверным.

2. С большим уважением, на мой взгляд, большинство не придало должного значения причинам и следствиям уродливых и катастрофических событий, которые произошли на Кипре в период с 1963 по 1974 год (которые буквально разорвали остров на части), или событиям, которые произошли с тех пор, особенно при участии Организации Объединенных Наций. Я нашел аргументацию в некоторых особых мнениях, приложенных к решению по делу Лоизиду против Турции от 18 декабря 1996 г. (существо дела) (Отчеты о постановлениях и решениях 1996-VI), убедительными и убедительными. Они подчеркивают уникальные и сложные особенности того, что можно было бы назвать кипрской проблемой.

3. Судья Бернхардт (к которому присоединился судья Лопес Роша) сделал ряд замечаний относительно нынешней ситуации на Кипре и ее влияния на вопросы, рассматриваемые Судом. Он сказал:

«1. Уникальной особенностью настоящего дела является то, что невозможно отделить ситуацию отдельной жертвы от сложного исторического развития и не менее сложной текущей ситуации. В действительности решение Суда касается не только г-жи Лоизиду, но и тысяч или сотен тысяч киприотов-греков, которые имеют (или владели) недвижимостью на северном Кипре. Это также может повлиять на киприотов-турок, которым запрещено посещать и занимать их собственность на юге Кипра. Это может даже коснуться граждан третьих стран, которым запрещено выезжать в места, где у них есть собственность и дома. Фактическая граница между двумя частями Кипра имеет прискорбные и бесчеловечные последствия, заключающиеся в том, что большое количество людей оказывается отделенным от своей собственности и своих бывших домов.

Я, как и большинство судей Большой Палаты, не сомневаюсь, что Турция несет значительную ответственность за сложившуюся ситуацию. Но есть и другие актеры и факторы, вовлеченные в драму. Отправной точкой стал государственный переворот 1974 года. За этим последовало турецкое вторжение, перемещение населения с севера на юг и с юга на север острова и другие события. Провозглашение так называемой «Турецкой республики Северного Кипра», не признанной международным сообществом в качестве государства, является одним из таких событий. Результатом различных влияний и событий стала «железная стена», которая существует уже более двух десятилетий и находится под контролем сил Организации Объединенных Наций. Все переговоры или

предложения о переговорах, направленных на объединение Кипра, до сих пор провалились. Кто виноват в этом сбое? Только с одной стороны? Можно ли дать четкий ответ на этот и ряд других вопросов и сделать четкий юридический вывод?

Дело г-жи Лоизиду не является следствием отдельных действий турецких войск, направленных против ее собственности или свободы передвижения, а является следствием установления границы в 1974 году и ее закрытия до настоящего времени ».

4. Объяснив, почему он считает, что предварительное возражение, выдвинутое государством-ответчиком, было обоснованным, судья Бернхардт продолжил:

«3. Даже если бы я имел возможность следить за большинством членов Суда в этом отношении, я все равно не смог бы обнаружить нарушение статьи 1 Протокола № 1. Как объяснялось выше, присутствие турецких войск на северном Кипре является одним из факторов в чрезвычайно сложной ситуации и развитии. Как было объяснено и решено в решении по делу Лоизиду по предварительным возражениям (23 марта 1995 г., серия А, № 310), Турция может быть привлечена к ответственности за конкретные действия, совершенные на северном Кипре турецкими войсками или официальными лицами. Но в данном случае мы сталкиваемся с особой ситуацией: именно наличие фактической границы, охраняемой силами под командованием Организации Объединенных Наций, лишает киприотов-греков возможности посещать и оставаться в своих домах и на своей собственности в северной части острова. Присутствие турецких войск и поддержка Турцией ТРСК являются важными факторами в существующей ситуации; но я чувствую себя неспособным основывать решение Европейского суда по правам человека исключительно на предположении, что турецкое присутствие является незаконным и что Турция, следовательно, несет ответственность более или менее за все, что происходит на северном Кипре ».

5. Я также согласен с особым мнением судьи Петтити. Заявив, почему он был за принятие некоторых предварительных возражений Турции, он заметил:

«С 1974 года Организация Объединенных Наций не квалифицировала вмешательство турецких войск на северном Кипре как агрессию с точки зрения международного права, были проведены различные переговоры с целью при посредничестве Организации Объединенных Наций, Совета Европы и Европейского союза. Более того, Суд не исследовал вопрос о том, было ли это вмешательство законным (см. § 56 Постановления). Решение разместить международные силы на линии, разделяющей две общины, сделало невозможным свободное передвижение людей между двумя зонами, и ответственность за это лежит не только на правительстве Турции.

Ссылка Суда на точку зрения международного сообщества на Республику Кипр и «ТРСК» (см. Параграф 42 решения) не поясняется. Но возможно ли в 1996 году представить точку зрения этого «международного сообщества» по этому вопросу как неоспоримую, учитывая, что самые последние резолюции Генеральной Ассамблеи и Совета Безопасности Организации Объединенных Наций были приняты несколько лет назад, и Суд не знал о миссиях? международных посредников? Суду кажется, что только Турция несет «ответственность» за последствия конфликта 1974 года! На мой взгляд, дипломатическая ситуация такой сложности потребовала длительного и тщательного расследования на месте, проведенного делегацией Комиссии, роли международных сил и отправления правосудия,

6. В заключение судья Петтити сказал:

Примечательно, что с 1990 года не было ни одного многократного межгосударственного заявления, в котором вся ситуация на Кипре рассматривалась в Суде. Это красноречивое свидетельство того, что государства-члены Совета Европы стремились проявлять дипломатическую осторожность перед лицом хаотических исторических событий, которые мудрость народов может направить в позитивном направлении ».

7. Я также согласен с мнением судьи Гельчуклю в его особом мнении. Он подчеркнул тот факт, что Суд рассматривает политическую ситуацию и что он не считает возможным разделить политические аспекты дела от его правовых аспектов. Он согласился с подходом судьи Бернхардта и позже заметил:

«Кипрский конфликт между турецкой и греческой общинами в основном связан с государственным переворотом 1974 года, осуществленным киприотами-греками с явным намерением достичь союза с Грецией (энозис), что в то время резко критиковал глава кипрского государства. перед международными органами. После этого государственного переворота Турция вмешалась, чтобы обеспечить защиту Республики Кипр в соответствии с условиями Договора о гарантиях, ранее заключенного между тремя заинтересованными государствами (Турцией, Соединенным Королевством и Грецией), который дал этим государствам право вмешиваться отдельно или совместно, когда того требовала ситуация, а ситуация в конечном итоге потребовала этого в июле 1974 года в связи с государственным переворотом. Во всем вышесказанном, кстати,

Такое выполнение пункта Договора о гарантиях изменило ранее существовавшую политическую ситуацию и прочно установило разделение двух общин, которое наблюдалось еще в 1963 году.

...

После создания буферной зоны под контролем сил Организации Объединенных Наций движение с севера на юг и наоборот было запрещено, и произошел обмен населением с общего согласия турецких и кипрских властей, в соответствии с которым восемьдесят тысяч турок-киприотов переехали из с юга на север Кипра ».

8. Судьи Гельчуклю и Петтити сделали другие замечания относительно нынешней ситуации на Кипре, с которыми я полностью согласен. Я думаю, что они имеют отношение к рассматриваемому нами вопросу, даже если они были вынесены на стадии справедливой компенсации (решение по делу *Loizidou v. Turkey* от 28 июля 1998 г. (статья 50), Reports 1998-IV).

Судья Гёльчюклю сказал:

«3. Дело Лоизиду не является единичным случаем, касающимся только заявителя (вмешательство администрации киприотов-греков является очевидным доказательством этого); Напротив, это касается всех жителей острова турецкого или греческого происхождения, которые были перемещены после событий 1974 года, что не должно вызывать удивления.

В основе дела Лоизиду против Турции лежит будущий политический статус государства, которое, к сожалению, исчезло, и к этому вопросу относятся все международные политические органы (Организация Объединенных Наций, Европейский Союз, Совет Европы и т. Д.). сейчас ищу ответ. Вопрос такой важности никогда не может быть сведен просто к концепции права собственности и, таким образом, урегулирован путем применения положения Конвенции, которое никогда не предназначалось для решения проблем такого масштаба ».

Судья Петтити заметил:

«Мои голоса в первых двух решениях были продиктованы политической ситуацией на Кипре и моей интерпретацией международного права. Тот факт, что международные силы контролируют «зеленую линию» и запрещают свободное передвижение людей из одной зоны в другую и доступ к собственности в другой зоне, по моему мнению, должен быть принят во внимание Судом. Текущие политические события показывают, что проблема Кипра, к сожалению, выходит далеко за рамки простого судебного процесса ».

9. На мой взгляд, все, что было сказано в отрывках из цитированных мною особых мнений, уместно, *mutatis mutandis*, когда необходимо рассмотреть стоящий перед нами вопрос. С тех пор как было решено дело Лоизиду, ничего не произошло, что сделало бы эти наблюдения несостоятельными или несущественными.

10. Крапиву нужно схватить. Решение большинства Суда должно означать, что, если каждому киприоту, желающему вернуть свою собственность, не будет разрешено это сделать, пересечь контролируемую ООН буферную зону, если это необходимо, немедленно и до того, как будет найдено решение кипрской проблемы. Установлено, что будет нарушение прав, предусмотренных Конвенцией, в отношении лица, чье желание отклонено. При нынешнем положении дел (а это, к сожалению, уже более четверти века) может кто угодно, вооруженный своим титулом на право собственности, подойти к отряду миротворческих сил ООН и потребовать права пересечь буферную зону, чтобы вновь завладеть своим имуществом? Кто будет контролировать операцию? Каким может быть отношение любого нынешнего владельца рассматриваемой собственности? Не будут ли неизбежны серьезные нарушения мира? Кто будет осуществлять любое выселение, необходимое для того, чтобы зарегистрированный владелец мог вновь вступить во владение?

11. Если соображения такого рода уместны (и я не понимаю, как от них можно отмахнуться), то, как мне кажется, следует признать, что на современном Кипре просто нереально разрешить каждому

собственнику отчужденной собственности требовать немедленного права возобновить владение своей собственностью, где бы она ни находилась. На мой взгляд, эти проблемы нельзя преодолеть путем предоставления таким лицам утешения в виде присуждения компенсации и / или возмещения убытков, потому что их права собственности не могут быть им восстановлены по практическим причинам. Необходимо учитывать все последствия решения большинства: оно выходит далеко за рамки вопросов компенсации и осуждения.

12. События последних тридцати лет или около того показали, что, несмотря на самоотверженные и неустанные усилия Организации Объединенных Наций (через сменяющих друг друга на должности Генерального секретаря и членов их персонала), других организаций и дружественных правительств, решение приемлемое в обе стороны не обнаружено. Это, безусловно, показатель сложности и сложности кипрской проблемы. Эти усилия продолжаются: переговоры продолжались в Нью-Йорке во время заседания Суда.

13. К сожалению, может случиться так, что когда в конечном итоге будет найдено решение, оно не сможет удовлетворить понятное желание каждого киприота вернуться в свой дом, на поля и т. Д. Генеральный секретарь, заглядывая в будущее, реально столкнулся с такой возможностью. Например, еще в 1992 году он включил этот абзац в свой «Набор идей»:

«Другие районы под администрацией киприотов-греков и киприотов-турок. В каждой общине будет создано агентство, которое будет заниматься всеми вопросами, связанными с перемещенными лицами. Право собственности на имущество перемещенных лиц, в отношении которого эти лица испрашивают компенсацию, будет передано в собственность общине, в которой находится это имущество. С этой целью все права собственности будут обменены между двумя агентствами на глобальной общинной основе по цене 1974 года плюс инфляция. Перемещенным лицам будет выплачиваться компенсация от агентства их сообщества из средств, полученных от продажи собственности, переданной агентству, или путем обмена собственности. Недостаток средств, необходимых для компенсации, будет покрываться федеральным правительством из компенсационного фонда, полученного из различных возможных источников, таких как непредвиденные налоги на увеличившуюся стоимость переданной собственности в соответствии с общим соглашением, и экономия от расходов на оборону. Правительству и международным организациям также будет предложено внести вклад в компенсационный фонд. В этой связи также может быть рассмотрен вариант долгосрочной аренды и других коммерческих договоренностей.

Лица из обеих общин, которые в 1974 году проживали и / или владели собственностью в федеративном государстве, находящейся под управлением другой общины или их наследников, смогут подавать иски о компенсации. Лица, принадлежащие к турецко-кипрской общине, которые были перемещены после декабря 1963 года, или их наследники также могут подавать иски ».

14. Совсем недавно Генеральный секретарь выступил с заявлением для каждой стороны (которое было опубликовано в прессе) на раунде не прямых переговоров в ноябре 2000 года в Женеве. Его заявление включает следующий абзац:

«Что касается собственности, мы должны признать, что есть соображения международного права, которым мы должны уделять внимание. Решение должно выдерживать юридический вызов. Необходимо уважать законные права людей на свою собственность. В то же время я считаю, что решение должно тщательно регулировать осуществление этих прав, чтобы защитить характер «составляющих государств». Выполнение этих принципов потребует соответствующего сочетания восстановления, обмена и компенсации. На период времени, который будет установлен по соглашению, могут быть ограничения на количество киприотов-греков, проживающих на севере, и киприотов-турок, проживающих на юге. В этом контексте стоит упомянуть, что критерии,

15. Я не был удовлетворен тем, что государство-заявитель установило, что Турция несет ответственность за предполагаемые нарушения, на которые ссылались в отношении владельцев собственности из числа греков-киприотов.

16. Я также не могу согласиться с решением большинства моих коллег относительно предполагаемых нарушений, касающихся пропавших без вести греков-киприотов и их родственников. Как и Комиссия, большинство пришло к выводу, что факты не свидетельствуют о существенном нарушении статьи 2, поскольку доказательств было недостаточно для установления ответственности Турции за смерть любого из пропавших без вести лиц. Большинство также согласилось с выводом Комиссии о том, что ничто в доказательствах не подтверждает предположение о том, что кто-либо из пропавших без вести лиц все еще находился под стражей в Турции в течение соответствующего периода в условиях, нарушающих статью 4: таким образом, нарушение этой статьи не было установлено.

17. Однако большинство решило, что нарушение статьи 5 было доказано, поскольку турецкие власти не провели эффективного расследования судьбы пропавших без вести лиц, в отношении которых имелось спорное утверждение о том, что они находились под стражей в Турции в время их исчезновения. Они согласились с Комиссией в том, что эти обязательства не были выполнены из-за вклада Турции в следственную работу Комитета по пропавшим без вести лицам («СМР»).

18. Кроме того, они постановили, что, поскольку Турция не провела необходимое расследование и, таким образом, не предоставила никакой информации о судьбе пропавших без вести, их родственники подверглись бесчеловечному обращению, запрещенному статьей 3.

19. Комиссии и Суду был представлен большой материал о формировании, обязанностях и работе КС / СС. Полное изложение всего этого - в отчете комиссии. Генеральная Ассамблея ООН призвала к

созданию следственного органа для рассмотрения дел о пропавших без вести лицах из обеих общин. Генеральная Ассамблея просила Генерального секретаря поддержать создание такого органа с участием Международного комитета Красного Креста («МККК»), «который был бы в состоянии действовать беспристрастно, эффективно и быстро, с тем чтобы решать проблема без неоправданной задержки».

20. В конце концов было решено, что КС / СС должна состоять из трех членов: представителей греческой и турецкой сторон и представителя Генерального секретаря, назначенного МККК. Что кажется очевидным, так это то, что Организация Объединенных Наций по очевидным причинам задумала орган, который будет выполнять свою печальную и трудную задачу объективно и беспристрастно. Призыв ООН был встречен составом КСМП. Очень разумно, если можно так выразиться, МККК должен был быть задействован, чтобы можно было задействовать его ресурсы и обширный опыт для решения зачастую душераздирающей задачи.

21. После создания КС / СС я не увидел ничего, что позволяло бы предположить, что Генеральный секретарь, МККК или любая другая организация, такая как Рабочая группа ООН по насильственным и недобровольным исчезновениям (Женева), предполагала, что одностороннее расследование, проводимое Турцией, Государство, против которого продолжают выдвигаться самые серьезные обвинения в отношении обращения и судьбы пропавших без вести, удовлетворило бы любого. И, конечно же, преимуществом СМР было то, что он также расследует исчезновения пропавших без вести турок-киприотов, о чем явно имела в виду ООН.

22. Позиция Турции по вопросу о пропавших без вести в целом хорошо известна. Я не видел никаких доказательств того, что Турция отказалась сотрудничать с КСП или препятствовала ее работе. Если Круг ведения, Правила или Руководящие принципы, регулирующие порядок работы КС / СС, неудовлетворительны, они могут быть изменены по доброй воле и с помощью Генерального секретаря. Я не могу согласиться с моими коллегами в том, что процедуры СМР сами по себе недостаточны для соответствия стандарту эффективного расследования, требуемому Статьей 2. В соответствии с применимыми Правилами и Руководящими принципами, прочитанными вместе с Техническим заданием, при условии, что оба стороны неохотно сотрудничают с СМР, создана эффективная следственная группа.

23. Помимо того, что Турция полагалась на создание и обязанности КС / СС, которые я считаю оправданными, по моему уважительному мнению, большинство членов Суда не выполнили соответствующую часть заявления, согласно которому Турция подчинялась обязательной юрисдикции суда. Юрисдикция была признана в отношении «вопросов, поднятых в отношении фактов, имевших место после [22 июля 1990 г.]».

24. Концепция продолжающихся нарушений хорошо известна и легко понимается. В простом случае, например, когда человек был арестован и задержан незаконно, не имеет значения, что его первоначальное задержание имело место до того, как ответчик подпадал под действие Конвенции (или даже до того, как Конвенция, запрещающая нарушение, вступила в силу). Суд будет обладать юрисдикцией для проверки и вынесения решения о законности его задержания при условии, что он все еще находится под стражей в рассматриваемое время.

25. Здесь позиция непростая. События, которые, по мнению большинства членов Суда, повлекли за собой обязательство провести эффективное расследование, произошли в июле и августе 1974 года. Это произошло примерно за пятнадцать лет до даты вступления в силу заявления Турции. Ни Комиссия, ни Суд не нашли достаточных доказательств того, что пропавшие без вести лица все еще находились под стражей турецких властей в соответствующее время. По моему мнению, не может быть правильным рассматривать обязательство по Конвенции, которое возникает при определенных обстоятельствах по проведению быстрого и эффективного расследования, как сохраняющееся в течение пятнадцати лет после событий, которые потребовали расследования, так что, когда Турция действительно стала связанной Конвенцией, ее предполагаемое непроведение до настоящего времени надлежащих расследований может рассматриваться как нарушение Конвенции. На мой взгляд, нельзя молиться о концепции продолжающихся нарушений для достижения такого результата. Мне кажется, что такой подход заключался бы в применении обязательства, налагаемого Конвенцией, ретроспективно и лишении срока давности в объявлении его действия.

26. Я не был удовлетворен тем, что государство-ответчик признано виновным в любом нарушении Конвенции в отношении пропавших без вести лиц или их родственников.

27. Теперь я перехожу к рассмотрению предполагаемых нарушений прав человека, которые, как утверждается, связаны с условиями жизни киприотов-греков, которые решили жить в районе Карпаса. Мои коллеги, следуя аргументам большинства в деле Лоизиду, постановили, что все установленные нарушения были вменены в вину Турции, поскольку Турция несла общую ответственность в соответствии с Конвенцией за политику и действия властей «ТРСК» с тех пор, как: через свою армию она осуществляла полный контроль над северным Кипром. Они пришли к выводу, как и Комиссия, что это было очевидно «из-за большого количества войск, участвовавших в боевых действиях на севере Кипра».

28. Я не думаю, что к этому аспекту дела можно подходить без рассмотрения событий, которые привели к разделу Кипра. Эти события

были уникальными. Точно сбалансированные конституционные механизмы, подкрепленные торжественными договорными обязательствами, в соответствии с которыми была создана Республика Кипр, слишком быстро рухнули. Затем был государственный переворот 1974 года, цель которого общеизвестна. Затем последовала фактически война, за которой последовало прекращение огня и перемещение многих членов общины на север или юг от буферной зоны. Еще в 1963 году киприоты-турки начали процесс создания собственной администрации. Они не сидели сложа руки и не полагались на институты Турецкой Республики и не применяли их законы. Было достаточно доказательств того, что «ТРСК» вполне могла после расследования должно быть обнаружено, что оно демонстрирует все атрибуты государства (хотя и признанного только Турцией), которое осуществляет независимый и эффективный контроль над северным Кипром. Без должного расследования нельзя предположить, что «ТРСК» является марионеточным режимом или подчиненной юрисдикцией Турции.

29. Тот факт, что только Турция признала «ТРСК», не влияет на реалии положения. В конце концов, признание - это политический акт. После того, как тщательно продуманные конституционные механизмы (со всеми системами сдержек и противовесов, предназначенных для удовлетворения озабоченностей и опасений двух недоверчивых сообществ) безвозвратно сломались, должны были возникнуть сложные вопросы относительно признания. Правительства, конечно, могли свободно соглашаться или отказываться от признания по своему желанию, но государство, которое было признано, нельзя было назвать двухобщинной республикой, созданной в 1960 году в соответствии с этими договоренностями.

30. Я с уважением согласен с замечаниями судьи Гельчуклю в его особом мнении, приложенном к решению по делу Лоизиду (по существу), где он сказал:

«3. Я также хотел бы подчеркнуть, что не только северный Кипр не находится под юрисдикцией Турции, но и существует (политически и социально) суверенная власть, независимая и демократическая. Не имеет большого значения, признана ли эта власть юридически международным сообществом. При применении Конвенции решающим элементом являются фактические обстоятельства дела. Комиссия и Суд неоднократно заявляли, что понятие «юрисдикция» в значении статьи 1 Конвенции охватывает юрисдикцию как де-факто, так и де-юре. На Северном Кипре нет «вакуума», де-юре или де-факто, а есть политически организованное общество, какое бы название и классификация ни называли его, со своей собственной правовой системой и собственной государственной властью. Кто сегодня станет отрицать существование Тайваня? Вот почему Комиссия в своем отчете по делам Хризостомоса и Папахрисостому изучила закон, действующий на севере Кипра как таковой, а не турецкое, чтобы определить, было ли задержание заявителей законным (см. Параграфы 148, 149 и 174 Закона) Отчет).»

31. Я не согласен с тем, что факты, на которые ссылается Суд, оправдывают вывод о том, что каждое нарушение, независимо от его характера и того, кто его совершил, вменяется без всякой дополнительной ответственности государству-ответчику. Все должно зависеть от фактической позиции, которая сложилась с 1963 года по сегодняшний день, и от обстоятельств, которые преобладали во время каждого предполагаемого нарушения. По моему мнению, с большим уважением к тем, кто придерживается другой точки зрения, в свете произошедших событий (которые не имеют аналогов в другом месте) было важно изучить роль войск в то время, а также их провести.

32. Я упоминаю здесь, что меня не впечатлило утверждение о том, что, если Турция не будет признана виновной в предполагаемых нарушениях в Карпасе, никакое другое государство не будет нести ответственности, в результате чего система Конвенции не будет действовать в площадь. Я не думаю, что следует позволять соображениям такого рода влиять на Суд.

33. Я не был удовлетворен тем, что было установлено с необходимой степенью уверенности, что любые нарушения, на которые ссылались в отношении киприотов-греков, проживающих в районе Карпас на севере Кипра, вменяются в вину Турции.

34. Что касается военных судов, то по причинам, которые я попытался указать, я не могу согласиться с тем, что Турция может нести ответственность за любые недостатки, которые могут быть (для целей статьи 6) в опубликованном Указе о запрещенных военных территориях. со стороны «ТРСК».

ЧАСТИЧНО ОСОБОЕ МНЕНИЕ СУДЬИ МАРКУСА-ХЕЛЬМОНСА

(Перевод)

Разделяю мнение большинства судей Суда по большинству решений по этому делу. Однако есть аспекты этого суждения, с которыми я не согласен, и по этой причине я хотел бы сделать следующие замечания.

На мой взгляд, основная проблема заключается в толковании статьи 35 Конвенции (бывшая статья 26) и в вопросе, могут ли «суды», учрежденные «ТРСК» на северном Кипре, рассматриваться как внутренние средства правовой защиты, которые должны быть исчерпаны. (в той степени, в которой соответствующие средства правовой защиты эффективны в каждом отдельном случае). Большинство судей заявили, что могут, и сослались, в частности, на Консультативное заключение Международного Суда (МС) о правовых последствиях для государств продолжающегося присутствия Южной Африки в Намибии (1971 ICJ Reports, vol. 16, p. 56, § 125).

Я считаю, что большинство судей Суда ошиблись в таком толковании и что на карту поставлен серьезный принципиальный момент.

Консультативное заключение по делу Намибии

1. Пункт 125 Консультативного заключения, на который ссылается Комиссия и на который ссылается Суд, признает в ограниченной степени последствия определенных действий, совершенных перед незаконными властями, таких как декларация о рождении, браке или смерти, с тем чтобы во избежание серьезных нарушений общественной жизни местного населения. Тем не менее, пункт 125 необходимо сначала вернуть в контекст: в пунктах 117–124 Международный Суд неоднократно напоминал всем государствам, что присутствие Южной Африки в Намибии является незаконным, и предупреждал об опасности делать выводы из этого присутствия. В заключение, чтобы явно ослабить и ограничить эффект своих комментариев в параграфе 125, Международный Суд четко заявил в параграфе 126, что «... заявление о незаконности Южной Африки» присутствие в Намибии [противоречит] всем государствам в смысле запрета *erga omnes* законности ситуации, которая поддерживается в нарушение международного права: в частности, ни одно государство, которое вступает в отношения с Южной Африкой в отношении Намибии, не может ожидать, что Соединенные Штаты Наций или ее Членов, чтобы признать действительность или последствия любых таких отношений или их последствия ». (курсив мой)

Хотя Международный Суд признал законность некоторых незаконных действий правительства Южной Африки, таких как регистрация рождений, смертей и браков, он сделал это исключительно потому, что «[их] последствия могут игнорироваться только для

ущерб жителям территории». Таким образом, МС признал эти акты действительными, поскольку это было выгодно для жителей территории и не ухудшало их положение. И наоборот, Международному суду никогда бы не пришлось в голову признать законность действий, которые были незаконными по международному праву, если бы они обязательно действовали в ущерб жителям территории.

ICJ явно расценил параграф 125 как исключение, а не правило!

Соответственно, если бы Суд применил аргументацию Международного суда по аналогии со статьей 35 Конвенции (бывшая статья 26), он был бы виновен в неверном толковании, поскольку требовал от жителей Кипра исчерпать внутренние средства правовой защиты перед «TNRC» перед обращением в Европейский суд по правам человека, когда к тому же известно, что эти средства правовой защиты неэффективны, очевидно, представляет собой дополнительное препятствие для преодоления жителями их законного желания положить конец нарушению основного права путем обращения в Страсбург.

2. Также нет никаких оснований полагаться на консультативное заключение по делу Намибии в качестве руководства для толкования бывшей статьи 26 Конвенции. Заключение никоим образом не касалось исчерпания внутренних средств правовой защиты или действительности судов, учрежденных незаконным правительством. Он служил лишь средством защиты прав жителей в ситуации полной незаконности.

3. Ситуация в Намибии и на Северном Кипре совершенно разная. Власти, осуществляющие власть на территории Юго-Западной Африки, изначально были законными в силу мандата, предоставленного Южной Африке Лигой Наций, который позже был преобразован в «опеку» со стороны Организации Объединенных Наций. Лишь впоследствии, с провозглашением независимости Намибией, они стали незаконными. На Северном Кипре суды, учрежденные законом, существовали до турецкого вторжения в 1974 году. Только после этого вторжения были созданы явно незаконные суды.

4. Кроме того, в решении по делу Лоизиду против Турции от 18 декабря 1996 г. (по существу), Отчет о постановлениях и решениях 1996-VI, Европейский суд по правам человека не сослался на Заключение по делу Намибии при рассмотрении вопроса о исчерпании внутренних средств правовой защиты в соответствии с бывшей статьей 26 Конвенции. Это произошло только при рассмотрении в общих чертах возможности того, что операции, затрагивающие отдельных лиц в режиме де-факто, могут быть признаны имеющими некоторую юридическую силу.

5. Используя его со ссылкой на бывшую статью 26 Конвенции, Суд дает ЗаклЮчению по делу Намибии неоправданно широкое толкование, для которого нет оснований и которое Международный Суд никогда не намеревался. Следствием такого широкого толкования будет то, что: (а) Европейский суд по правам человека не может отказать в признании судов, учрежденных «ТРСК», (б) это будет в интересах всех жителей северного Кипра, включая киприотов-греков, искать защиты в этих судах, (с) если бы «ТРСК» не учредила эти суды, это нарушило бы Европейскую конвенцию и (d) в результате жители «ТРСК» имели бы был обязан исчерпать средства правовой защиты, предоставленные этими судами.

6. Пункты 95 и 96 решения, на мой взгляд, неуместны, поскольку в своем ЗаклЮчении по делу Намибии МС был ясен и намеренно лаконичен. Кажется, нет необходимости «добавлять» к тексту большинства судей МС, ссылаясь на индивидуальные мнения, выраженные некоторыми судьями, и на аргументы, высказанные в ходе прений, особенно если результатом является параграф 125 ЗаклЮчения. больший объем, чем предполагалось большинством в МС.

7. Наконец, в пункте 97 решения Суд, кажется, делает поспешные и необдуманные выводы, которые он считает широко распространенным мнением по этому поводу. В качестве доказательства этого, среди прочих источников, достаточно изучить прецедентную практику Верховного суда Соединенных Штатов по вопросу действительности действий конфедератов Юга во время Гражданской войны. Следует отметить, что южные власти были законными до их отделения (таким образом, положение полностью отличается от положения, при котором суды создаются незаконно после военного вторжения соседнего государства). Вскоре после окончания гражданской войны Верховный суд признал в делах «Техас против Уайта» 74 US 227; 7 Wall.700 (1868); Хорн против Локхарта, 21 L.ed. 658; 17 Стена. 570 (1873 г.) и Уильямс против Браффи, 96 США 178 (1878 г.), и в очень строгих пределах, чтобы административные акты и решения судов конфедерации имели некоторую юридическую силу в той степени, в которой их цель и исполнение не противоречили власти национального правительства и не нарушали конституционные права граждан. Те ограниченные эффекты, которые даны ретроспективно, были строго ограничены привычными действиями, необходимыми для правильного функционирования жизни в обществе. В более недавнем деле Адамс против Адамса ([1970] 3 Weekly Law Reports 934) Высокий суд Англии категорически отказался признать какие-либо последствия действий соответствующего сепаратистского правительства (бывшего правительства Родезии после принятия одностороннего декларация независимости).

Европейская конвенция о правах человека

1. Хочу отметить, что это особая ситуация. Конвенция представляет собой *lex specialis*, особые особенности которого необходимо уважать и который можно рассматривать по аналогии только в ситуациях, которые находятся на четвереньках друг с другом (что, очевидно, не относится к Консультативному заключению в случае Намибии).

2. Анализ подготовительных материалов к Европейской конвенции (Док. Совета Европы, секрет Н (61) 4) показывает, что, хотя внутренние средства правовой защиты, естественно, должны были быть исчерпаны до отправки заявлений в Страсбург, это условие было быстро дополнено. и квалифицируется по принципу, что исчерпание должно осуществляться «в соответствии с общепризнанным международным правом» (там же, в частности, стр. 462 и особенно стр. 497). Эта формулировка в конечном итоге стала «в соответствии с общепризнанными нормами международного права».

Почему было сделано требование об исчерпании внутренних средств правовой защиты и особенно ссылка на общепризнанные нормы международного права? Хотя уместно, чтобы национальные суды в первую очередь имели возможность положить конец нарушению основного права там, где такая возможность является эффективной, в равной степени очевидно, что авторы Конвенции не хотели быть чрезмерно формальными. и создавать дополнительные препятствия для заявителей, желающих подать заявление в Страсбург. Авторы Конвенции стремились быть рациональными, но, прежде всего, эффективными, и предложить быстрое средство правовой защиты в Страсбурге, когда не существует другой практической альтернативы. Их озабоченность эффективностью и справедливостью усиливалась тем фактом, что общепризнанные нормы в этой сфере действительно существуют в международном праве.

3. Действительно, Европейский суд по правам человека неоднократно толковал бывшую статью 26 Конвенции, и ее толкование соответствовало общепризнанным нормам международного права (см., Среди прочего, *Open Door и Dublin Well* Решение по делу "Женщина против Ирландии" от 29 октября 1992 г., Серия А, № 246-А, стр. 23, §§ 48 и 50, и решение по делу *Акдивар и другие против Турции* от 16 сентября 1996 г., Reports 1996-IV, p. 1212 , § 72).

Международное публичное право

Каковы общепризнанные нормы международного права в этой сфере?

Юридическое заключение по этому поводу единодушно:

Исчерпание внутренних средств правовой защиты никогда не должно являться теоретическим препятствием для международного

решения (посредством дипломатической защиты или международного суда). Это четкая норма международного права, что, хотя внутренние средства правовой защиты обычно требуют исчерпания до обращения к международным решениям, это требование никогда не нужно будет удовлетворять, если внутренние средства правовой защиты бесполезны, неэффективны, теоретически отсутствуют или отсутствуют. внутреннее средство правовой защиты не действует в соответствии с установленной прецедентной практикой.

1. гл. Руссо, Международное общественное право, Сирей, Париж, 1953, стр. 366-67.

2. Д.П. О'Коннелл, Международное право, Стивенс, Лондон, 1965, т. II, стр. 1143-44.

3. Ред. М. Соренсена, Руководство по международному публичному праву, Macmillan, Лондон, 1968, стр. 588-90.

4. Н. Куок Динь, Международное общественное право, LGDJ, Париж, 1975, с. 644.

5. Г. Шварценбергер и Э. Браун, Руководство по международному праву, 6-е изд., Professional Books Limited, Охон, 1976, с. 144: «Если в государстве отсутствуют эффективные внутренние средства правовой защиты, это равносильно нарушению минимального стандарта. Это упущение само по себе представляет собой международное гражданское правонарушение и, добросовестно, лишает причинителя вреда возможности ссылаться на правило о местных средствах правовой защиты ». (курсив мой)

6. О. Шахтер, Международное право в теории и практике, M. Nijhoff Publishers, Dordrecht, 1991, р. 213: «Конечно, требование [об исчерпании внутренних средств правовой защиты] не может применяться, когда внутренние средства правовой защиты явно неэффективны или когда они не существуют ...». «Но нет необходимости обращаться в местные суды,» если результатом должно быть повторение уже вынесенного решения ». Важным исключением в современном мире является то, что необходимость обращения в местные суды не применяется, если суды полностью подчиняются правительству ».

7. Э. Дж. Де Аречага и А. Танзи, «Международная ответственность государства», в ред. М. Беджауи, Международное право: достижения и перспективы, ЮНЕСКО, Париж, 1991, с. 375: «Но даже если существуют существующие и доступные средства правовой защиты, правило не применяется, если эти средства правовой защиты» явно бесполезны »или« явно неэффективны »».

8. JM Arbor, Droit International Public, 2-е изд., Ивон Блез, Квебек, 1992, стр. 301-02.

9. Дж. Комбакау, С. Сур, Международное общественное право, 4-е изд., Монкрестьен, 1999, с. 547: «[Исчерпание внутренних средств правовой защиты] также не играет роли, когда

средство правовой защиты« явно неэффективно », то есть когда компетентный суд не имеет эффективных полномочий для возмещения причиненного ущерба; и где судебная практика ... исключает все шансы на успех по существу, поскольку суды считают себя связанными «решениями исполнительной власти» или устоявшаяся судебная практика предполагает, что средство правовой защиты не сработает ».

10. Заявив, что средства правовой защиты в судах северного Кипра представляют собой внутренние средства правовой защиты для целей бывшей статьи 26 Конвенции, Суд заявляет в пункте 98 постановления, что вопрос об их эффективности должен рассматриваться в рамках дела. в индивидуальном порядке. Затем, проанализировав каждое отдельное дело, Суд находит в своем решении, что по той или иной причине внутренние средства правовой защиты не существовали или были неэффективными.

Таким образом, результат можно было бы считать идентичным тому, что было бы, если бы бывшая статья 26 была строго истолкована в соответствии с «общепризнанными нормами международного права». Однако я считаю, что, хотя результат тот же, Суду следовало избегать рассуждений, которые потенциально опасны, как показывают все приведенные выше аргументы. Мое мнение подкрепляется тем фактом, что, действуя таким образом, Европейский суд по правам человека оказывается в опасной ловушке при оценке действительности действий, совершенных правительством де-факто в то время, когда несколько государств-членов Совета Европы имеют автономные и даже сепаратистские движения.

Пункт 101 решения

Этот абзац, в котором Суд отмечает очевидное противоречие, кажется мне особенно неуместным и даже вредным, поскольку создается впечатление, что Суд не видит разницы между двумя нарушениями, в которых Турцию обвиняет Кипр, поскольку это два очень разные случаи, несмотря на то, что в основе обоих нарушений лежит одно событие.

Уголовное право всех демократических стран предусматривает ситуации, в которых одно правонарушение может повлечь за собой различные последствия, каждое из которых, взятое отдельно, может привести к судебному преследованию. Вторгнувшись на Кипр и учредив незаконные суды, Турция явно нарушила статью 6 Европейской конвенции. По этой причине эти внутренние средства правовой защиты не требуют исчерпания до подачи заявления в Страсбург. Я не вижу в этом противоречия.

Именно в том случае, если бы ситуация была противоположной, государство-заявитель противоречило бы самим себе, а именно, с одной стороны, обвиняя государство-ответчик в том, что оно является

причиной многочисленных нарушений прав человека в результате его незаконной оккупации северного Кипра и среди прочего, установив незаконный режим в этой части страны и, с другой стороны, признав, что суды, незаконно созданные там вооруженными силами, могут предоставить юридически действительное решение по предполагаемым нарушениям.

Такие рассуждения, на мой взгляд, картезианские.

Более того, мнение о наличии «противоречия» становится еще более ошибочным из-за того, что, как мы помним, Турция последовательно утверждала, что «ТРСК» является отдельным субъектом и что суды «ТРСК» не являются частью турецкой судебной системы. Соответственно, применяя подход *ad hominem*, как можно рассматривать суды «ТРСК» как способные предоставить эффективное средство правовой защиты, положившее конец нарушениям, вменяемым Турции?

Следовательно, в этих обстоятельствах нет противоречия со стороны государства-заявителя.

Именно по этой причине я лично считаю, *mutatis mutandis*, что суды, незаконно учрежденные на северном Кипре, не удовлетворяют требованиям статьи 6 Конвенции, которая, в частности, требует: «... [а] трибунал ... учрежденный закон...". Точно по той же причине я считаю, что на северном Кипре нет «эффективных средств правовой защиты в национальных органах», как того требует статья 13 Конвенции (см., В частности, параграф 324, пункт 1 и параграф 383).).

Пункт 221 решения

В этом параграфе Суд считает, что не было нарушения статьи 2 Конвенции в результате отказа властей «ТРСК» предоставить киприотам-грекам и маронитам, проживающим на северном Кипре, доступ к медицинской помощи в другой части острова.

Я считаю, что в то время, когда свобода передвижения считается важной, особенно когда дело доходит до получения оптимальной медицинской помощи, отказ государства в такой свободе является серьезным нарушением его обязательств по отношению к тем, кто находится под его юрисдикцией. Я считаю, что это может быть равносильно нарушению обязательства государства по статье 2 Конвенции защищать право каждого на жизнь по закону.

Мы живем в период быстрой научной эволюции, и могут быть существенные различия между учреждениями, предлагающими лечение, будь то из одной страны в другую или в пределах одной страны. На мой взгляд, использование государством силы для предотвращения посещения того учреждения, которое, по его мнению, дает ему наилучшие шансы на выздоровление, является весьма предосудительным.

Кроме того, я сожалею, что Европейский суд по правам человека не воспользовался этой возможностью, чтобы дать статье 2 телеологическое толкование, как это было в прошлом с другими статьями (см., Среди прочего, решение по делу Голдер против Соединенного Королевства от 21 Февраля 1975 г., Series A, № 18, или решение по делу Янг, Джеймс и Вебстер против Соединенного Королевства от 13 августа 1981 г., Series A, № 44).

С быстрым развитием биомедицинских технологий могут возникнуть новые угрозы человеческому достоинству. Конвенция о правах человека и биомедицине, подписанная в Овьедо в 1997 году, призвана устранить некоторые из этих опасностей. Однако на сегодняшний день его подписало лишь ограниченное число государств. Более того, эта Конвенция предоставляет только консультативную юрисдикцию Европейского суда по правам человека. Чтобы это «четвертое поколение прав человека» было принято во внимание и чтобы человеческое достоинство было защищено от возможных злоупотреблений научным прогрессом, Суд мог бы напомнить, что в соответствии со статьей 2 Европейской конвенции о правах человека государства обязались защищать право каждого на жизнь по закону.

Право на жизнь, конечно, можно толковать по-разному, но оно, несомненно, включает свободу стремиться пользоваться наилучшим физически доступным медицинским лечением.

Пункт 231 и пункты 235–240 Постановления

По причинам, уже подробно изложенным выше, я не разделяю мнение, выраженное в этих параграфах по статьям 6 и 13.

В дополнение к уже выдвинутым аргументам о незаконности этих судов, мне кажется, есть еще один аргумент, продиктованный здравым смыслом. Совершенно нереально полагать, что суды, учрежденные на территориях, оккупированных турецкими войсками на севере Кипра, могли отправлять независимое и беспристрастное правосудие, особенно в отношении киприотов-греков, но также и в отношении киприотов-турок, по вопросам, которые явно противоречат правилам, установленным в турецкая военная оккупация.

Даже если эти суды могут рассматривать и разрешать споры между членами местного населения, они никогда не осмелятся принять беспристрастное решение по делу, связанному с событием, возникшим в результате военной оккупации.

Пункт 317 решения

Я не согласен с большинством членов Суда по этому поводу. В соответствии с властью, часто применяемой Судом, нарушение статьи 14 Конвенции в совокупности с другой статьей не будет обнаружено,

если оно охватывает те же основания, что и установление нарушения другой статьи, взятой отдельно. И наоборот, если объединение статьи 14 с этой другой статьей приводит к установлению дополнительного нарушения или более серьезного нарушения другой статьи, Суд всегда признавал в своей прецедентной практике, что имело место нарушение этой другой статьи вместе взятых со статьей 14.

Здесь именно такая позиция. Запрещение полностью исповедовать религию само по себе является нарушением, но введение дополнительных ограничений в связи с этой религией превращает меру в отдельное нарушение.

Некоторые документы, выпущенные в Организации Объединенных Наций

Комиссия и Суд рассмотрели доказательства, представленные государством-заявителем в поддержку своих утверждений, с большой, можно сказать, чрезмерной осторожностью. Например, в докладе Генерального секретаря Организации Объединенных Наций (S / 1995/1020 от 10 декабря 1995 г.) четко задокументированы нарушения свободы ассоциации киприотов-турок, проживающих на севере и желающих принять участие в формировании двухстороннего союза. общинные ассоциации на северном Кипре; а в документе Совета Безопасности от 23 мая 2000 г. (A / 54/878-S / 2000/462) упоминается письмо Постоянного представителя Турции при Организации Объединенных Наций, приложение к которому бесспорно устанавливает, что для властей «ТРСК», греки-киприоты и марониты, живущие на северном Кипре, являются иностранцами.